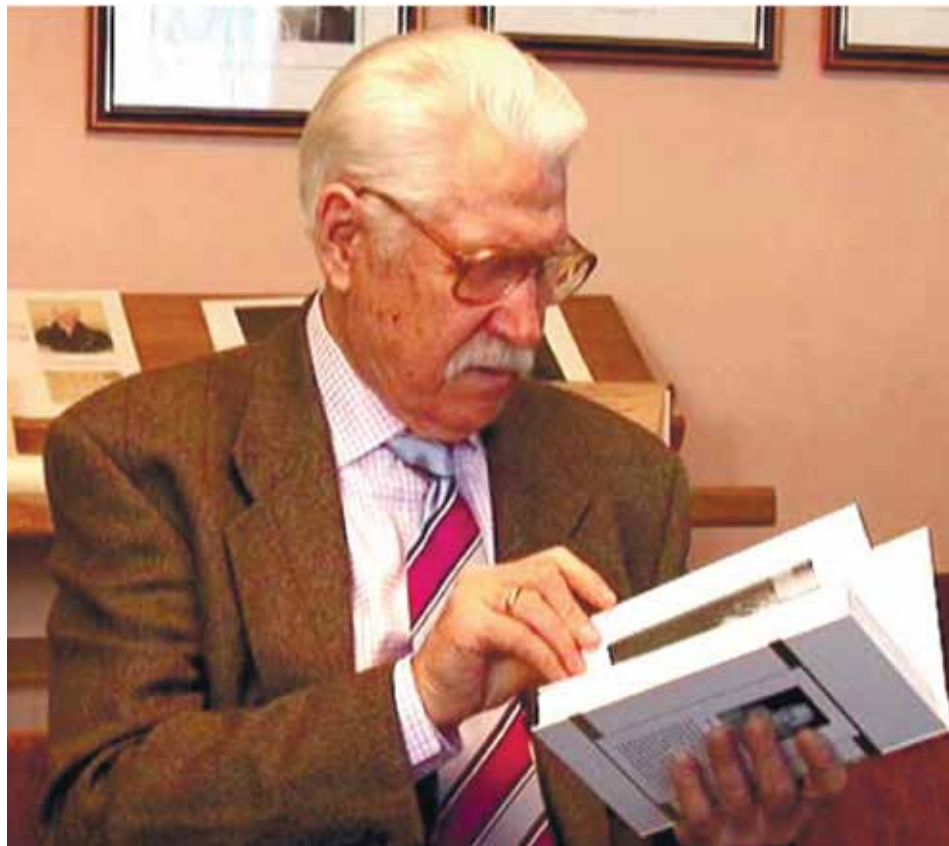

В.И. ПРОХОРКИН

*Автор в Пушкинском зале
Российской Государственной детской библиотеки.
Москва. 2009 год.*

МОЙ САМЫЙ ПЕРВЫЙ В ЖИЗНИ ДРУГ

Воспоминания о Валентине Берестове

Москва
2017

В.И Прохоркин

МОЙ САМЫЙ ПЕРВЫЙ В ЖИЗНИ ДРУГ

Воспоминания о Валентине Берестове

– ООО «САМ Полиграфист». 2017. – 352 с

ISBN 978-5-00077-663-6

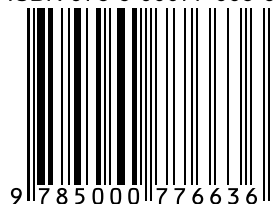
e-mail: vadimpr1@rambler.ru

(В.И Прохоркин)

На обложке:

Автор и В. Берестов. В квартире Берестовых. Калуга, 2 мая 1855 г.

ISBN 978-5-00077-663-6

© В.И. Прохоркин. 2017

© Onebook.ru, 2017.

ДОЛГ ПЕРЕД ДРУЖБОЙ

*А думал я, с детством прощаясь,
Что нет возвращенья туда.
Теперь я легко возвращаюсь
В далекие эти года.
Иду к забытому дому,
К друзьям забытым бегу,
Но только в том мире любому
Судьбу предсказать я могу.*

Это стихи моего папы 1970 года. Среди тех забытых друзей детства, к которым мой папа часто возвращался, конечно же, был и Вадим Иванович Прохоркин, мой самый первый друг Вадим, как называл его папа, дядя Вадим, как его всю жизнь называю я. Судьбу дяди Вадима, мой папа мог бы предсказать только до апреля 1998 года.

Папа сказал мне, когда мы встречались в марте 1998 года, что полностью закончил переводы бельгийского поэта Мориса Карема, над которыми много лет работал, записал песни на собственную музыку, которых хватит как раз на диск, и теперь собирается опять засесть за воспоминания. Я не знала тогда, что встреча эта будет последней и через две недели папы не станет.

Папины воспоминания «Светлые силы» заканчиваются описанием жизни в Мещовске, где он провел первые годы детства. О детских годах в Калуге и о зарождении их дружбы, продлившейся всю жизнь, написал Вадим Прохоркин в своих воспоминаниях «Мой самый первый в жизни друг». Впрочем, и мой папа успел вспомнить свое детство в Калуге в стихах, а из воспоминаний Прохоркина мы теперь узнаем, что девочку с мячом звали Соня Гусарова, а великан, с которым папа дружил в детстве, действительно существовал и звали его Лёсик Чудов.

Вадим Прохоркин пишет: «Когда я стал делать первые черновые записи, убедился, что человеческая память--штука весьма ненадежная». Я же, читая воспоминания дяди Вадима, не устаю удивляться насколько точно, до самых мелочей он помнит не только события многолетней давности, но и цвета, звуки, запахи: баранки в пекарне, возница, поющий былины, стаи голубей над калужским небом.

Мой папа высоко ценил дружбу. Он даже говорил, что дружба — это единственная возможность войти дважды в одну реку. С дядей Вадимом после расставания в 41-ом они виделись нечасто, изредка обменивались письмами, но каждая их встреча была значимой для обоих. Вадим Прохоркин взялся писать воспоминания, считая это своим долгом, долгом перед многолетней дружбой с папой. Я счастлива, что в год девяностолетия моего папы эти воспоминания выйдут, наконец, отдельной книгой.

*Марина Берестова,
16 ноября 2017 г.*

ОТ АВТОРА

*И всё ж, не устарев, живет поэт,
Которого давно на свете нет.*

*В. Д. Берестов**

В ночь на 15 апреля 1998 года умер поэт, писатель, пушкинист, мемуарист, литературовед, переводчик, бард и мой давний друг Валентин Дмитриевич Берестов. Умер мой дорогой Валечка. Валечка – так я его называл не в те далекие годы, когда зародилась наша многолетняя дружба, а много позже – уже во взрослой жизни, при наших нечастых встречах в Москве или в нашей милой Калуге

«Мой самый первый в жизни друг» – эти тёплые слова, не раз обращенные ко мне Валею (на правах старой дружбы в этих воспоминаниях я буду его называть только по имени) и вынесенные мною в заголовок, обращаю и я к нему. Нашей с Валею дружбе было шестьдесят лет. Она родилась в далёкие предвоенные годы, когда Валя появился в Калуге на нашей улице. Сколько воды утекло с тех пор! И хотя мы в последние годы не переписывались, ограничиваясь редкими звонками, и столь же редко встречались, и даже, в конце концов, оказались в разных

*Все приведённые в тексте стихи принадлежать перу Валентина Берестова.

государствах, дружба наша сохранилась, не потускнела, не заржавела. Я знал Валю с детства, и мне не обязательно было его видеть, я его и так любил.

Было у нас укромное местечко в нашем доме – на русской печи, где мы уединялись, чтобы вести сокровенные разговоры, помечтать:

О, как с тобой мечтали мы когда-то!

Их было столько, замыслов и грёз...

И была у нас мечта – дожить до следующего столетия. Двадцать первый век представлялся нам загадочным и фантастичным, а жизнь в нём – удивительной и прекрасной. Эта мечта жила с Валею все последующие годы. В двадцать лет, обращаясь к любимой девушке, он напишет:

И стукнет нам по семьдесят пять лет...

Он собирался прожить с любимой до 75 лет, собирался вступить с ней в двадцать первый век.

Потом, глядя из 1972 года, Валя оптимистично воскликнет:

Век двадцать первый... Ну, еще подьем –

И вот он – он! Так доживем, придем!

Увы, мечты не сбылись. Как же так получилось, что мы не уберегли Валю? Та же мысль и у Эдуарда Успенского. В некрологе на смерть Вали он написал: «...и сразу все начинают думать: не уберегли. И начинают себя винить. А ничего уже не вернуть». («Новая газета» №15, 20-26 апреля 1998 г.). Валя мало думал о себе, он всё отдавал людям: своё сердце, свою душу, свой талант. Он не умел себя беречь. Это должны были сделать те, кто его окружал. Это мы – его родные, близкие, друзья, наконец, его поклонники, должны были беречь Валю, не допустить его преждевременной смерти. Должны были убереечь, но не уберегли, не смогли...

Известие о смерти Вали я получил в день своего семидесятилетия. Мы с ним одноклассники, более того, оба родились в апреле: он 1-го, а я 28-го числа. Из Калуги (я проживал тогда на Украине в г. Житомире) позвонил мой брат Виталий, чтобы поздравить меня с днем рождения. Он и сообщил, что умер Валя. Вот такой печальный и горестный подарок я получил к своему юбилею. Потом Софья Анатольевна Жижина, калужанка, проживавшая в Москве, и знавшая Валю, как и я, с детства, героиня его стихотворения «Девочка с мячом», прислала мне ксерокопии Валиного интервью, которое он дал «Вечёрке» в канун своего семидесятилетия, и напечатанного в этой же газете некролога «Прощай, наш дядя Валя».

Много позже, в еженедельнике «Новая газета», я прочитал прощальные и полные скорби и любви к Вале слова известных и неизвестных мне его товарищей по перу: Олега Хлебникова, Эдуарда Успенского, Наума Коржавина, Андрея Чернова и других. Под каждым написанным ими словом, не задумываясь, я поставил бы и свою подпись.

Виталий передал мне и просьбу брата Вали Дмитрия Дмитриевича Берестова, написать о Вале воспоминания для будущей о нём книги. В августе я встретился с Димой в Калуге, куда приезжал, чтобы навестить свою маму, и он уже лично повторил свою просьбу, а также рассказал о планах увековечивания памяти о Вале. К великому сожалению, 1-го ноября 2000 года Дима скоропостижно скончался, ненадолго пережив своего знаменитого брата. Он умер ночью во сне на квартире Светланы Дмитриевны Ивочкиной с которой жил в гражданском браке. По мнению сына Ивочкиной Андрея, в смерти Димы был виноват его младший брат, страдавший наркоманией, и который в настоящее время находится в заключении. По всей видимости, Дима, отличавшийся вспыльчивым и непримиримым характером, крепко поссорился с этим наркоманом и его сердце не выдержало.

Начатое им дело по сохранению памяти о Вале перешло к младшему брату, Анатолию Дмитриевичу. Но и он 30 июня 2013 г. после продолжительной болезни умер, так и не выполнив всех задумок по увековечиванию имени своего знаменитого брата.

Все три брата Берестовы ушли в мир иной, не оставив после себя сыновей. Продолжателями фамилии Берестов будут трое: Борис Берестов – внук Анатолия, Сергей Берестов – сын двоюродного брата Вали Александра и внук Григория Матвеевича Берестова, родного брата Дмитрия Матвеевича, имени которого я не знаю.

Написать воспоминания о Вале я сразу же согласился. Идея меня захватила, несмотря на все мучившие сомнения, и главное из них – справлюсь ли? Ведь, кроме деловых бумаг с их канцеляризмом и штампами, да школьных сочинений, курсовых и контрольных, я ничего никогда не писал. Но у каждого из нас есть сильное воспоминание из детской жизни, которое определяет многое в тебе. Таким сильным воспоминанием для меня была моя дружба с Валею. И я всё больше и больше склонялся к мысли, что написать о наших с Валею детских годах, о нашей дружбе, нашем городе, улице, домах на ней, их обитателях, о наших играх и приключениях, – просто обязан. Это мой долг, долг перед нашей с Валею многолетней дружбой. И кто, как не я, может лучше, чем кто-либо другой, рассказать о детских годах Вали в нашей милой Калуге, на нашей тихой улице, в нашем дворе? Только сам Валя мог сделать это лучше, но его уже нет.

Когда я стал делать первые черновые записи, убедился, что человеческая память – штука весьма ненадежная. Вещественных же свидетельств, которые могли бы явиться подспорьем для воспоминаний, у меня, к сожалению, оказалось слишком мало. Имелись десятка полтора Валиных книг с его дарственными надписями. Помимо тёплых слов, там только даты наших встреч.

Кстати, как ни дороги мне были эти книги, я с ними расстался. При московской гимназии № 1565 «Свиблово» был образован Литературный музей «В.Д. Берестов и его окружение», торжественное открытие которого состоялось 5 апреля 2010 года. Возглавила музей Ольга Сергеевна Чурсина. После долгих раздумий я пришел к заключению, что книги с автографами Вали должны храниться не у частных лиц (в данном случае у меня), а в этом музее. В июле 2010 года я посетил музей и все имевшиеся у меня книги Вали с его дарственными надписями, а также фотографии и другие материалы, имеющие к нему отношение, передал в фонды музея.

Я долго хранил Валины письма сороковых годов. Как бы они теперь мнегодились! Но когда-то, в одну из наших встреч в Калуге, я отдал их Вале, отдал для использования в работе над книгой «Светлые силы.» (тогда этого названия еще не было), и эти письма должны были храниться у него. Судьба этих писем меня очень волновала: целы ли они? И как я был обрадован и удивлён, когда при встрече с Анатолием Дмитриевичем в апреле 2001 г. он показал мне 12 писем Вали, обнаруженных в архиве Дмитрия Дмитриевича после его смерти. Полагаю, что эти письма Дмитрий Дмитриевич нашел в квартире у Вали. Но почему не сообщил мне о находке, и где остальные письма, ведь их было много больше? К счастью, они не все пропали. В июле 2010 года дочь Вали Марина, прилетевшая в Москву из Нью-Йорка разбираться с архивом отца, обнаружила еще 21 письмо. Потом было найдено еще семь писем. Итак, всего найдено 40 писем 1941 – 1949 г.г. Если проанализировать содержание писем, то видно, что количество пропавших писем довольно большое. И, конечно, жаль, что не нашлись мои письма к Вале, которых по их количеству должно было быть не меньше. Теперь, корректируя этот текст, с большой радостью могу написать здесь, что нашлись 27 моих писем к Вале 1943-1946 годов.

Поскольку содержание писем представляет большой интерес и проливает дополнительный свет на детские и юношеские годы Вали, на его становление, как личности, распечатку их текста приобщаю к этим воспоминаниям. Подлинники первых 12 писем я оставил у Анатолия Дмитриевича для работы над книгой о его знаменитом брате, хотя первоначально предполагал передать их в Литературный Центр Валентина Берестова при Российской Государственной детской библиотеке в Москве. А найденные Мариной 28 писем (в основном это открытки) она вместе с дневниками и записными книжками отца передала на хранение в Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАДИ).

Сохранилось с десятков писем моей мамы, в которых она общала мне новости, как о Вале, так и о семье Берестовых. Вот и всё. Пригодились бы и мои дневники, которые я вел с 1941 по 1948 год, в них были записи и о Вале, но, увы, дневники я, по глупости, сжег в 1952 году в свой первый отпуск из армии. Кстати, эти дневники я давал читать Вале. Запомнил его слова, с которыми, после прочтения, он мне их вернул: «А ты, оказывается, философ». Почему Валя сделал такой вывод, осталось для меня загадкой. Мудрые евреи говорят: повезёт – будешь счастливым, не повезёт – станешь философом. Не думаю, что Валя назвал меня философом, поскольку считал меня невезучим, – уже одно то, что я стал его другом, явилось для меня большим везением.

В размышлениях о том, как лучше изложить воспоминания о своем умершем друге, я пришёл к спасительной мысли, что в этом мне должны помочь его стихи. Валя писал, что о своем детстве он привык рассказывать стихами. Обращаюсь к книгам его стихов, перечитываю и перечитываю их, и многие забытые события нашего детства начинают всплывать в памяти. Валины стихи – вот путеводитель по нашему с ним детству, вот самое лучшее подспорье для моих воспоминаний!

Валя не был безразличен к тому, что о нём скажут после его смерти. Во вступлении к книге воспоминаний «Светлые силы» он написал, как во время одной из встреч с читателями у него вырвалось:

– Вот помру, и начнут кого-нибудь спрашивать: «Расскажите про ваши встречи с Валентином Берестовым».

Представляю, что этим «кем-нибудь» стал бы я. С чего начать свой рассказ? Jede Anfang ist schwer, – говорят немцы, что означает: каждое начало тяжело. И это действительно так. Но начало – уже полдела. Стоит только начать, а там все пойдёт своим чередом. Итак, начинаю свой рассказ.

КАЛУЖСКОЕ ДЕТСТВО

В книге воспоминаний «Детство в маленьком городе» Валя указывает дату своего рождения: «Итак, 1 апреля 1928 года. Мещовск Калужской области (тогда Западной, с центром в Смоленске)». Прав ли Валя, действительно ли Мещовск тогда входил в Западную, а потом в Смоленскую область? Оказывается, Валя допустил ошибку. Когда он родился, уездный городок Мещовск входил в состав Калужской губернии. Так что, если быть скрупулезно точным, местом рождения Вали был город Мещовск Калужской губернии. Очевидно, так и было записано в его метрическом свидетельстве. Калужская губерния была упразднена в июле 1929 года, то есть более чем через год после рождения Вали, а её территория была разделена между Московской и Западной областями. Калуга, опущенная до статуса райцентра, вошла в состав Московской области, Мещовск – Западной, а когда Берестовы переехали в Калугу, из Московской она была передана во вновь созданную Тульскую область.

В порядке отступления несколько слов о Мещовске. Мещовск – исторический город. Из Мещовска первый романовский царь Михаил Фёдорович взял себе жену – красавицу Евдокию Стрешневу – мать царя Алексея Михайловича. А сын Алексея Михайловича, Пётр Великий

взял из Мещовска несравненную в красоте и добродетелях Евдокию Лопухину.

1 июля 2013 г. Мещовску исполнилось 775 лет.

А 13 июля 2013 года в Мещовске прошли торжественные мероприятия, посвященные 400-летию династии Романовых и 775-летию города Мещовска. В этот же день состоялось открытие на Районной библиотеке памятной доски в честь 85-летия со дня рождения В.Д. Берестова. На этих мероприятиях присутствовали дочь Вали Марина, дочь Дмитрия Надежда и дочь Анатолия Елена.

Из Мещовска семья Берестовых переехала сначала в Тихонову Пустынь, славящуюся своим монастырем и скитом святого Тихона (в своих воспоминаниях Валя упоминает «святую непортящуюся воду из Тихоновой Пустыни»). В прежние времена её называли Успения Пресвятой Богородицы Калужская Свято-Тихонова Пустынь. В Тихоновой Пустыне Берестовы прожили год или два; там отец Вали Дмитрий Матвеевич, работал в сельскохозяйственном техникуме для инвалидов. Кстати, техникум размещался в монастыре, который после его закрытия в 1918 году был объявлен советской властью «первым советским культурным хозяйством им. Ленина». А уже из Тихоновой Пустыни Берестовы переехали в Калугу.

На снимке: Елена Анатольевна Берестова, Надежда Дмитриевна Еремеева, Марина Валентиновна Берестова

В чём заключалась истинная причина переезда Берестовых из Мещовска в Тихонову Пустынь, а затем в Калугу? Было ли

это связано с карьеристскими претензиями Дмитрия Матвеевича? Отнюдь нет. Для тех лет разгула сталинских репрессий причина переезда, а вернее бегства Берестовых была более чем банальна. Газеты и радио чуть ли не ежедневно сообщали о новых и новых разоблачениях «врагов народа», и мы, школьники, не успевали замазывать в учебниках портрет очередного «шпиона», «вредителя», «троцкиста», а местная власть – менять названия городских улиц (в плане города 1928 г. можно увидеть улицы, названные в честь Бухарина, Зиновьева, Томского, Рудзутака и других впоследствии репрессированных госдеятелей). Из рассказов Вали мне было известно, что его отец, интеллигент и умница, был «под колпаком» у НКВД, и его арест был, можно считать, неизбежным.

*«Берестов, – отцу сказали –
Признавайся, ты – эсер».*

Вот что по этому поводу написал Дмитрий Дмитриевич в своих воспоминаниях: «Отца начали вызывать на допросы, которые, видимо, проводились с пристрастием.... Папу всё же, на всякий случай, исключили из партии, сняли с работы, вынудили покинуть Мещовск и уехать в село Тихонова-Пустынь, ныне Лев Толстой, где он преподавал историю в сельхозтехникуме. Это было в 1936 году». («Я пал в сраженье я убит» – «Детская литература» №1-2/2001).

Как рассказывал Валя, из партии Дмитрия Матвеевича исключили с необычной формулировкой: «За то, что не вовлек жену в общественную работу». По возвращении из плена Дмитрий Матвеевич ходатайствовал о восстановлении его в партии, из чего можно сделать вывод, что перед войной он в партии состоял, следовательно, после исключения в 1936 г. впоследствии он был восстановлен.

В Мещовске Дмитрий Матвеевич заведовал педучилищем и был в городе известным и уважаемым человеком. Он был у

всех на виду, был на виду и у местных «пинкертонов». Покинув Мещовск, входивший в те годы в состав Западной, а потом Смоленской области, Дмитрий Матвеевич ускользнул не только от районных, но и от областных «ежовых рукавиц». По указанию Сталина наркомвнутдел Ежов в сентябре 1936 года сменил на этом посту Ягоду, поскольку тот «не справлялся со своей задачей в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока». С переменой на верхушке НКВД начался новый, «ежовский», виток репрессий, который окрестили «ежовыми рукавицами». Так что смена места жительства была оправданной – в Калуге, с её почти стотысячным населением, было легче затеряться.

Ну, а мне повезло, что Берестовы переехали в Калугу, что поселились на нашей улице. Не случись этого – не было бы у меня такого друга.

О переезде в Калугу у Вали есть несколько стихотворений. Вот одно из них:

*Мы переезжали в город.
Он уже мигал сквозь тьму.
Слева были сосны бора,
Справа речка, вся в дыму.*

Такое можно увидеть с большака, ведущего из Тихоновой Пустыни в Калугу. Теперь это дорога в город со станции Калуга-2.

А вот Берестовы уже в Калуге на нашей Пролетарской улице. Кто Валя тут – свой или чужой?

*Вот город мой теперь. А вот мой дом.
Ведь насовсем со всем своим добром
Сюда мы переехали вчера.
Стою средь незнакомого двора.
Не знает пес, что я хозяин тут.
И я не знаю, как его зовут.
Пойду, пройдуся по улице моей...*

*Что за народ, что за дома на ней?
Сегодня все не ясно. Все не так.
Никто не друг. Зато никто не враг.
Мальчишки. Тот пониже, тот большой.
Я, братцы, здешний. Я вам не чужой.
Девчонка. Глупый бантик. Умный вид.
И с бантиком знакомство предстоит.
Вот угол. Завернуть? Или опять
По улице пройти? Как странно знать,
Что этот незнакомый город – мой,
И в незнакомый дом идти домой.*

Что собой представляла Калуга в те годы? Какой взору Вали предстала наша улица? Что за дома стояли на ней? Какой там жил народ? Считаю уместным об этом рассказать.

Несмотря на то, что Калуга, как я упомянул, была опущена до статуса райцентра, она сохранила величие губернского города, и, вместе с тем, была по провинциальному тихой и патриархальной. Калуга была очень уютным и милым городом. О ней так и говорили: «милая Калуга». И не зря наш земляк, почётный гражданин города Калуги, композитор Серафим Туликов, сочинил вальс с названием «Город юности моей» на стихи поэта-песенника Михаила Пляцковского, в которых есть такие слова:

*Здравствуй, милая Калуга
Город юности моей...*

В летний сезон в Калугу из обеих столиц, как на дачу, приезжали отдыхающие. Калуга привлекала их песчаными пляжами и хорошей рыбалкой (водились тогда в Оке не только сомы, голавли и шересперы, но и царская рыба – стерлядь); привлекала тишиной улиц и древним бором, наконец, привлекала гостеприимными, доброжелательными жителями и, конечно, дешёвым рынком. Над калужским небом кружили стаи глубей, а в садах

частных домов летали редкие по нынешним временам бабочки с экзотическими названиями махаон, адмирал, павлиний глаз, водились жуки-носороги и другие букашки-таракашки – и это тоже привлекало.

Город расположен на высоком берегу «самой русской реки Оки» (так её назвал Паустовский). У города прямые и широкие улицы; одни идут от Оки на север, другие – с запада на восток. Особенно красиво смотрится Калуга из-за Оки от деревни Ромоданово. Справа, над кручей у Березуйского оврага, возвышается красивое здание Дома пионеров, бывшего Дома дворянского собрания. Рядом – бывший губернаторский сад (Парк культуры и отдыха), а над ним видны купол и колокольня Свято-Троицкого кафедрального собора, творения автора градостроительного плана застройки Калуги губернского архитектора И. Д. Ясныгина. Строился этот собор более 30 лет. Строительство было начато еще в конце 18 века, а окончено уже после войны с Наполеоном. Собор нес свою службу сотню лет, и, как многие другие храмы, был опоганен. Стоял он без крестов, а настенные росписи, и внутри и снаружи, были покрашены. За годы советской власти в соборе размещались и дом обороны, и кинотеатр, и зверинец, и спортивная школа, и склады, устраивались различные выставки.

Около собора располагались так называемая «комната смеха» и парашютная вышка. Вход в «комнату смеха» стоил пятак, и мы частенько в неё заглядывали, чтобы повеселиться. Там мы

Парашютная вышка в городском саду. 1939 г.

ходили вдоль висящих на стенах зеркал с кривыми стёклами, и, глядя на свои искаженные отображения, хохотали до упаду. А рядом смотрели, как с парашютной вышки прыгают юноши и девушки в широких спортивных шароварах. Девушки прыгали с визгом, а внизу, их ловко, с явным удовольствием, подхватывал инструктор.

В 1991 году по ходатайству Калужского и Боровского архиепископа Климента собор был передан церкви, и теперь он обретает вторую жизнь: восстановлены наружные и внутренние росписи, восстановлен иконостас, появились кресты на куполе и колокольне, зазвонили колокола, и снова показывают время старинные соборные часы – изделие английского мастера.

Что касается Парка культуры и отдыха, то раньше это был городской сад. А губернаторским его называли по той причине, что к нему примыкал дом калужского губернатора.

У Михаила Арлозорова в книге «Циолковский» из серии ЖЗЛ (изд. «Молодая гвардия», 1967 г., стр. 93) о Калуге конца

XIX века читаем: «Трудовой день в Калуге кончается рано. К четырем часам покидали присутственные места чиновники, одна за другой запирались

лавки. Приказчики опускали железные шторы на окнах магазинов, вешали на двери тяжелые замки.

К вечеру общество тянулось на отдых в городской сад. Старая фотография девяностых годов показывает нам вход в этот

сад, напоминающий пограничную заставу. Два керосиновых фонаря на высоких столбах освещают ворота. Подле столбов полосатые будки. Рядом с одной из них мешковатая фигура блюстителя порядка: в сад пускают только чистую публику...».

А дальше, справа от парка, – сплошь зелень садов, и среди этой зелени – красные крыши домов и купола многочисленных церквей, – и всё это красиво отражается в водах реки.

В «Веселом барабанщике» Валя пишет: «Калуга вообще была городом с вольнолюбивыми традициями: сохранила все свои церкви, не допустила, чтобы её, переименовали в Циолковск, не позволила строить Калужскую ГЭС...».

О сохранении церквей. Рассказывали, что в Калуге их было сорок и это соответствует действительности. Так, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона указано, что в Калуге было 2 собора, 36 православных церквей, 2 католических костела, 2 раскольничьих молельни и 1 монастырь. За годы советской власти многие церкви были осквернены, а многие разрушены. В одной из самых древних, находящейся у Березуйского оврага, – церкви Покрова Пресвятой Богородицы «что на рву», построенной в конце XVII века, был помещен инкубатор. Теперь эта церковь тоже восстанавливается.

Другую церковь – храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, лишив колокольни и купола, перестроили в кинотеатр (и эта церковь восстанавливается), а Церковь Казанской иконы Божьей Матери, что стоит на окском берегу, построенную в XVIII веке (на её возведение царевна Наталья Алексеевна пожертвовала 1000 рублей, а светлейший князь А.Д.Меншиков – 11 золотых червонцев) – превратили в скульптурную фабрику. Там на потоке лепили гипсовых вождей. Что-то лепят и теперь. Церковь реставрируется, но фабрика всё еще функционирует. Многие другие церкви использовались под склады.

Церковь Ивана Предтечи на старинной открытке.

Не все калужские храмы имели статус памятников архитектуры, но все они нам нравились, все казались красивыми. И церковь Ивана Предтечи с золотыми звездами на её голубой маковке, символизирующей Вселенную (мама рассказывала, что возле этой церкви влюбленные назначали свидания), и церковь Жён-мироносиц с высоченным шпилем наподобие Адмиралтейской иглы, на кончике которого золотом блестел шар с крестом. Обе эти церкви располагаются на улице Кирова, бывшей Садовой. Нравилась нам и церковь Космы и Дамиана, что на улице Суворова, бывшей Дворянской, единственная в Калуге церковь в стиле барокко.

Сохранили калужане свои церкви, да не все они сохранились: рушило их время, рушила война, рушила бесхозяйственность, но главным разрушителем была советская власть. И если до революции в Калуге насчитывалось около сорока церквей, то сейчас осталось менее двадцати. Теперь эти божьи храмы, не все, конечно, восстанавливаются, но на это нужны время и деньги.

Что касается Калужской ГЭС, то начало её строительства было предусмотрено Третьим пятилетним планом развития народного хозяйства СССР на 1938-1942 годы. О планах её строительства газета «Рабочая Москва» писала: «*В шести часах езды от Москвы, на Оке, где стоят сейчас деревушки Аненки и Воровья, и где раскинулся замечательный сосновый бор, скоро будет возвышаться плотина Калужской гидростанции...*». (О заметке в «Рабочей Москве» сообщила газета «Калужские губернские ведомости» №30 от 12-18 августа 1999 года в рубрике «Летопись века»).

*Какая синь небес!
Какая свежесть вод!
А мы построим ГЭС!
А рядом химзавод!*

Выполнение пятилетнего плана было прервано войной. Отказ же от строительства ГЭС мог быть вызван как началом войны, так и другими объективными причинами, и невозможно поверить, чтобы в «верхах» при решении вопроса о строительстве ГЭС могли посчитаться с мнением калужан. Но в 1946 г. вновь заговорили об её строительстве. Если бы ГЭС была построена, то затоплению подверглись бы минимум 98700 гектаров территории, 6400 домов и дворовых участков, на дно «Калужского моря» ушла бы значительная часть территории нынешней Калужской области: Анненки, Воровая, Калуга II, Полотняный завод, Воротынский и т.д. Однако строительство ГЭС так и не возобновилось, и, к радости калужан, власти к планам строительства больше не возвращались.

ГЭС не построили и хорошо, что не построили, не испоганили ни нашу Оку, ни замечательный сосновый бор, ни калужскую землю с деревушками Аненки, Воровья и другими. А вот химзавод – комбинат синтетических душистых веществ, еще его называли ТЭЖЭ, построили. Теперь он дает знать о себе городу, когда дуют северные ветры.

А о переименовании Калуги в Циолковск ходили упорные слухи. Не знаю, кто был инициатором этой идеи, только энтузиазма и одобрения она у калужан не вызывала. Вторично разговоры о переименовании Калуги в Циолковск пошли в 1957 году, накануне столетия со дня рождения К.Э.Циолковского,. Многим калужанам казалось, что «Циолковск» звучит современно и красиво. Но Калуга еще раз в своей многовековой истории уцелела и сохранила за собой имя, полученное ею от рождения. Острые языки говорят, что заслуга в этом принадлежала калужанкам, которые смело заявили, что не хотят быть вечно «циолковчанками и «циолковчанами».

Имя калужского мечтателя и космиста получил вновь строящийся город в Амурской области возле космодрома «Восточный».

Города назван Циолковский.

Бывший купеческий город Калуга не спешил расстаться со своим прошлым. Еще были на слуху фамилии калужских купцов Домогацкого, Ка-

пырина, Чешихина, Болховитина и многих других. Если кого-то из нас, ребяташек, посылали в магазин за хлебом, то говорили: «Сходи к Афончикову» или «Сходи к Шевырёву». Кстати, о купцах Шевырёвых. Когда-то фамилия Шевырёв, увековеченная в названии улицы Шевырёвской (теперь ул.Дзержинского), звучала по всей старой Калуге. Род Шевырёвых относился к потомственному старокалужскому роду, многие поколения которого славились торговым ремеслом. Дом Шевырёвых в Татаринском переулке (теперь улица Рылеева), построенный в старорус-

ском стиле, привлекал простотой и прочностью. После революции из дома сделали коммуналку, а из магазина, находившегося в каменной пристройке к дому, – булочную. Вот в эту булочную мы с Валею и ходили за хлебом. Дом был снесен в 1975 году.

Самый большой в городе магазин раньше принадлежал купцу Ракову. Теперь это магазин «Детский мир», но до сих пор говорят: «Была у Ракова», «Купила у Ракова». Магазин Ракова знал весь город, но мало кто знал, что сын купца Ракова – Николай Петрович Раков – был известным композитором, дирижёром и педагогом. Н. П. Раков являлся сверстником моей мамы, и в юности мама поддерживала с ним знакомство. В 1943 году он станет профессором Московской консерватории, а в 1975 году ему присвоят звание народного артиста РСФСР. Учениками Н. П. Ракова были такие замечательные композиторы как Мурадели, Хачатурян, Эшпай.

Рассказывали, что когда строилась железная дорога Москва-Киев, то калужские купцы то ли дали взятку, чтобы дорога была проложена вдали от города, то ли, наоборот, отказались дать взятку, чтобы дорога прошла через Калугу. Так или иначе, но дорога из Москвы на Киев была проложена в 7 километрах от города. Калуга оказалась не на железнодорожном «большаке», а на железнодорожном «просёлке». Обстоятельства обхода Калуги большими железными дорогами отрицательно сказались на её промышленном развитии, и, вместе с тем, сохранили её патриархальность.

Может быть, именно поэтому нам нравилась наша Калуга, и мы с Валею исходили её вдоль и поперек. О Калуге у Валею есть несколько стихотворений: «Калуга, тридцатые годы», «Калужские строфы», и другие. Калужская земля знает много исторических имен, конечно, они были знакомы Валею, и многих из них он упоминает в «Калужских строфах». Это стихотворение было напечатано в сборнике «Три дороги». Кстати, этот сборник Валею

подарил мне в 1980г с надписью: «Дорогому моему другу детства Вадиму Прохоркину с любовью. Как видишь, наша детская дружба продолжает жить, например, в этой книжке». Так вот, когда я в сборнике прочитал это стихотворение, меня удивило, что, упомянув в нём не столь уж исторически значимых лиц – таких как Мнишек и Шамиль – Валя не упомянул Гоголя. Я не вижу тут ни какого умысла, но Гоголь дважды посещал Калугу и заслуживал, чтобы и его имя было упомянуто, если не в этом, то в каком-либо другом Валином стихотворении. А приезжал Гоголь в Калугу по приглашению жены калужского губернатора Смирнова, красавицы и умницы А. О. Смирновой-Россет, воспетой Пушкиным и Лермонтовым. Гоголь проездом в Малороссию дважды посещал Калугу в 1850-1851 годах. Жил он во флигеле губернаторской дачи в Загородном Саду (теперь Парк имени К.Э. Циолковского, который там похоронен). Флигель дачи губернатора сгорел в 1920 году. В 1928 году в парке был поставлен обелиск с барельефом Н.В. Гоголя. Во время оккупации Калуги фашисты обелиски на могиле Циолковского и с барельефом Гоголя разрушили. Теперь они восстановлены. А о пребывании Гоголя в Калуге, кому это интересно, можно прочесть в книге Вересаева «Гоголь в жизни».

Гостями калужского губернатора и его жены был не только Н.В. Гоголь, но и многие другие корифеи искусства: в частности, В.Г. Белинский, И.С. Аксаков, актеры П.С. Мочалов и М.С. Щепкин. Всех их привлекала яркая личность А.О. Смирновой-Россет.

Калуга славилась не только «домом Шамиля» и «домом Марины Мнишек», не только тем, что в Калуге нашел свою смерть Тушинский вор (кстати, он был убит в Калужском бору, а похоронен в деревянном соборном храме, когда-то стоявшем на месте теперешнего Троицкого собора). С Калугой и её землей связаны и другие исторические, более известные, имена, в числе которых следует, прежде всего, назвать Пушкина.

*Здесь как-то проезжал поэт влюбленный,
Любовью нежных жен не обделённый,
Но самая прелестная из дев
(Поэт дерзнул сравнить её с Мадонной)
Ждала его у речки Суходрев.*

О связях Пушкина с калужской землей общеизвестно. А бывал ли он в самой Калуге? Есть обоснованное предположение, что в Калуге он бывал. Это могло случиться во время его путешествия в Закавказье в январе 1829 года. Вот что об этом пишет брат Вали Анатолий Берестов в очерке «Калужские встречи А.С.Пушкина» («От наших корней. Культура и искусство Калужского края в истории России». Издательство Н.Бочкаревой. Калуга 2003):

«Вопрос первый – проезжал ли Пушкин через Калугу? Скорее всего, он посетил наш город. Во-первых, он сам писал об этом в «Путешествии в Арзрум» («Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел». – В.И.П.), во-вторых, Калуга была самым удобным местом для ночлега после того, как путешественник около суток находился в пути. Ночевать на почтовых станциях Пушкин не любил. Расстояние от Москвы до Калуги составляло 168 верст. Пушкин проехал почтовые станции Шарاپово, Бекасово, Боровск, Малоярославец, Семейкино. На каждой из них менял лошадей. Если считать, что он ехал со скоростью 8 верст в час, на дорогу ему потребовался 21 час. К этому следует прибавить время на смену лошадей на каждой станции. Таким образом, к затраченному времени надо прибавить еще три часа. Даже если предположить, что он ехал с несколько большей скоростью, то в Калугу он должен был приехать часам к 9-10 вечера. С учетом того, что он проехал всю ночь и весь день, вполне реально предположить, что именно в Калуге он остановился на ночлег».

Калужские краеведы утверждают, что по пути в Закавказье Пушкин останавливался в Калуге на ямской почтовой станции

(теперь – ул. Достоевского, 41) в ожидании смены лошадей. Краеведы считают также, что Пушкин проезжал через Калугу и по пути в Полотняный завод, хотя в то время туда была и другая дорога.

Бывала в Калуге и Наталья Пушкина. Приезжала она на балы, проходившие в здании Дворянского собрания. Посещала она и балы в Доме Толстых (ул. Ленина, 65). Позже этот дом принадлежал сыну декабриста Сергея Николаевича Кашкина, Николаю Сергеевичу Кашкину.

Бывали в Калуге не только Гоголь и Пушкин, но и Державин, Л. Н. Толстой, А. К. Толстой, отец и сын Аксаковы. В своих имениях жили Радищев и первая женщина-академик почётный гражданин Калужской области Екатерина Дашкова. На калужской земле родились архитектор Баженов и математик Чебушев. В Жиздренском уезде любил охотиться И.С.Тургенев. В наследство от матери ему достались в уезде семь деревень, в одной из которых – в Грибовке – находился барский дом.

Деревни Грибовка, а также ближайшие к ней Милеево, Новинки, Студенец, Красниково Берёзовка и Белый Холм были издавна владениями Тургеневых в Жиздренском уезде. Именно эти деревни унаследовал И.С.Тургенев от своей матери. Свой старый барский дом в Грибовке Тургенев в 1862 году подарил крестьянам под сельскую школу, за что деревенские жители преподнесли ему благодарственное письмо, подписанное 36 крестьянами. Письмо находится в Калужском областном архиве.

В настоящее время перечисленные выше деревни входят в состав Куйбышевского района Калужской области.

Знала Калуга и Калужская земля много и других славных имен. Так, на калужской земле побывал знаменитый хирург, основоположник военно-полевой хирургии, участник обороны Севастополя в Крымской войне 1852 г. и русско-турецкой войны 1877-1878 г.г. Пирогов Николай Иванович.

В июне 1850 года он посетил усадьбу Гончаровых в Полотняном заводе и сыграл там свадьбу со своей второй женой баронессой Александрой фон Бистром. Венчались они в храме в честь Преображения Господня. Храм знаменит не только тем, что в нём венчался Пирогов, его посещали русские монархи, высшие государственные лица Российской империи, а также творческая элита России. Церковь посещал и Александр Сергеевич Пушкин.

В годы революции храм был полностью разрушен. Восстановить храм планируется на народные средства. 20 февраля 2015 г. в концертном зале Калужской Областной филармонии состоялся благотворительный концерт, на котором выступил солист Большого театра Владимир Моторин. А во время концерта прошел благотворительный аукцион детских рисунков. Все собранные средства направлены на восстановление храма.

Наконец, в Калуге жил и творил «калужский мечтатель» К. Э. Циолковский:

*Здесь Циолковский жил. Землю этой
Засыпан он...*

Кстати, мне посчастливилось видеть живого Циолковского. Он умер в 1935 году, значит, тогда мне было не более семи лет. Я был в городе с кем-то из взрослых, и мимо нас проехал на велосипеде старик в шляпе и блузе. Циолковского все в городе знали, и сразу же послышались голоса: «Циолковский! Циолковский! Это поехал Циолковский!». Благодаря этим восторженным восклицаниям, наверное, и запомнилась мне эта случайная встреча.

Помню я и похороны Циолковского. Похороны собрали на улицах Калуги такую массу народа, какой я там больше никогда не видел. Говорили, что на улицы вышли десятки тысяч людей. На похороны известного ученого съехалось много разных знаменитостей и не только нашей страны, но и из-за рубежа. Было много военных. Хоронили Циолковского в Загородном саду, где

Калуга.
Площадь Ленина
(Старый Торг).
Похороны
Циолковского.
1935 г.

он любил гулять или посидеть на лавочке. Над парком пролетело звено самолетов, разбрасывая листовки, а один из них низко пролетел над местом погребения и сбросил букет живых цветов и прощальное письмо Циолковскому от имени всех работников Гражданского воздушного флота. Был ружейный салют. Над городом барражировал дирижабль. Еще вечером, в темном небе, можно было видеть его огни.

А вот как описывает похороны Циолковского Михаил Армазоровы в своей книге «Циолковский» (ЖЗЛ. Изд. «Молодая гвардия», 1967 ст р.235):

«19 сентября 1935 года в 22 часа 34 минуты перестало биться сердце того, кто умер победителем, не успев дожить до победы. Десятки венков. Десятки тысяч провожающих. Самолеты над городским парком, где нашел себе последнее пристанище прах ученого. Трепещущие дистовки, рассыпающиеся из-под облаков над могильным холмом, ружейный салют...Его хоронили, как полководца, как командира еще не сформировавшейся армии – армии грядущих победителей космоса...»

Оба эти события произвели на меня неизгладимое впечатление, и когда мы с Валею подружились, я не раз ему о них рассказывал.

Интересная деталь: в 1966 году, спустя 31 год после смерти учёного, православный священник Александр Мень совершил над могилой Циолковского обряд отпевания.

Валя и я, но Валя в большей мере, интересовались историей Калуги и собирали о городе всякие заметки, статьи, рассказы старожилов, приставали с расспросами к моей бабушке Клаше, коренной калужанке.

*О, скромные заметки краеведов
Из жизни наших прадедов и дедов!
Вы врезались мне в память с детских лет.
Не зря я вырезал вас из газет.*

Бабушка Клаша много рассказывала нам о Калуге. Из всех её рассказов запомнилось, что высокие и стройные тополя, которые росли по бывшей улице Пятницкой (в 20-х годах ул. Группы освобождения труда, а позже – просто ул. Труда), были посажены с участием её отца Гречишникова Сергея Алексеевича. Часть уцелевших тополей еще до войны тянулась от самого Пятницкого кладбища почти до пивоваренного завода Фишера.

Свою любознательность мы удовлетворяли, конечно, не только путем расспросов моей бабушки. Много интересного можно было узнать в краеведческом музее. Он располагался, да и теперь там располагается, в красивом старинном особняке – доме Золотаревых. Побродив по залам музея, мы подолгу стояли у старинных часов с мартышками-оркестрантами. Те, кто посещал этот музей, не могли не запомнить эти часы. А во дворе, во флигеле, располагался художественный музей. Среди его экспонатов довоенного времени запомнились два чудесных женских портрета, исполненных пастелью. На табличке возле картин было указано, что их автором является художник И. Роббилер, первая половина XIX века, бумага, пастель. Ни в БСЭ, ни в других справочниках никаких сведений об этом художнике я не нашел.

Еще во дворе был каретный сарай, а в нем – старинная, екатерининских времен, карета:

*Сарай, а в нем карета.
И кто пришел в музей,
По корешку билета,
Того пускали к ней.*

Много было в Калуге интересного, но хватит о ней. Теперь о нашей улице Пролетарской:

*Пойду, пройду по улице моей...
Что за народ, что за дома на ней?*

Раньше улица называлась Солдатской. Моя бабушка рассказывала, что после долгой царской службы селились тут солдаты, потому и стала она Солдатской. Позже я узнал, что до начала XIX века на месте, где стоит церковь Василия Блаженного, располагалась Солдатская слобода, а после поглощения её городом название слободы перешло к нашей улице. А зачем улицу из Солдатской переименовали в Пролетарскую, нам было не понятно: ведь солдаты – те же пролетарии. Но такая у новой власти была мода – ломать всё старое. К этому призывал и пролетарский гимн «Интернационал», к этому призывали и стихи пролетарских поэтов. Так, например, поэт Павел Арский писал:

*Пожаром светлого восстанья
Мы опояшем шар земной.
Мы вырвем из цепей страданья
Дух человечества больной.
Мы всё взорвем, мы всё разрушим,
Мы всё с лица земли сотрем,
Мы солнце старое потушим,
Мы солнце новое зажжем!*

Что уж тут сокрушаться по поводу переименования какой-то Солдатской улицы, когда пролетарский поэт Павел Арский, адепт и выразитель идей новой власти, призывал всё взорвать, разрушить и стереть и даже замахнулся на наше светило.

Калуга. Тележная улица на старинной открытке. Перед войной изображенные на открытке дома еще были целы и мы с Валей много раз ходили мимо них.

Улица тянулась через весь город с запада на восток. Где-то там находилась городская скотобойня. Моя бабушка рассказывала, что для поправки своего здоровья калужские барыни ездили туда пить тёплую кровь только что забитого скота. Если смотреть вдоль улицы на запад, то там можно было видеть синюю полоску Калужского бора. По вечерам за эту полоску скатывался багрово-красный диск солнца, а висящие над бором облака еще долго освещались его лучами.

С запада наш квартал ограничивался улицей Герцена, а с востока – улицей Ленина, бывшей Тележной. Улица сменила несколько названий. На плане города, составленном в 1928 г., она обозначена, как улица Виктора Девса, основателя социалистической партии Америки. Теперь это улица Воронина.

Если с улицы Пролетарской повернуть направо на улицу Ленина – через три квартала площадь Коммунаров, на которой

находился новый базар, еще его называли Новый торг. Базара давно уже нет, в 50-х годах на его месте были построены драмтеатр и комплекс жилых зданий. Старый базар еще в начале тридцатых годов располагался в историческом центре города на Трубянке против Гостиного двора, и теперь его можно увидеть только на старинных открытках. Помню, как мы ходили туда с бабушкой Клашей. В то время я был совсем еще мал. Был голод, хлеб и основные продукты выдавали по карточкам, а их отменили в январе 1935 года, следовательно, мне было тогда не более шести лет. Когда Берестовы переехали в Калугу, старого базара уже не существовало, в 1937 году на его месте был разбит сквер имени Н.В.Гоголя.

Новый базар занимал довольно большую площадь, а улица Ленина делила его на две части. Левую часть базара отличало от правой части то, что там стояла высокая, красного кирпича, центральная водонапорная башня Калужского водопровода, проведенного в 1887 г.

Базар всегда вызывал наше любопытство. В базарный день с ближних и дальних деревень съезжался туда крестьянский люд. Летом – на телегах, зимой – на санях. Пахло сеном и навозом. Распряженные лошади разной масти стояли у возов, на их мордах висели торбы с овсом:

*... Коней число немалое
И сунув морды в торбы, ждут они
Буланы, саврасовые и чалые.*

Мужики – в армяках из домотканого сукна. Многие в онучах и лаптях. Зимой – в овчинных полушубках, а сверху еще рыжие до пят тулупы. Бабы тоже в лаптях и полушубках, на головах толстые платки.

Зерно тогда продавали мерами, картошку и яблоки – пудами, мясо и масло – фунтами, а взвешивали их на ручных безменах.

Мы с Валею подолгу бродили меж возами, смотрели на это торжище и чувствовали себя его частью.

Не доходя один квартал до базара, в полуподвальном помещении небольшого дома, находилась пекарня. Ее окна располагались на уровне тротуара, и возле них можно было видеть ребятню, с любопытством наблюдавшую за работой пекарей. Веселые, смешливые пекари ловко лепили баранки, укладывали их на большие противни и совали в печь. Мы подолгу стояли у этих окон, наблюдая, как споро, будто шутя, работают пекари, и ждали, когда противни будут извлечены из печи. Нам так хотелось попробовать этих румяных, пахучих баранок, но попросить их у пекарей мы не смели. Иногда пекари сами угощали нас и других ребятешек баранками, но чаще гнали всех прочь.

Дом, в котором была пекарня, сохранился. Он находится на улице Воронина (бывшая Ленина) и имеет № 15.

А пекарня не сохранилась, она переоборудована под жилое помещение.

Автор фотографии Алексей Мельников.

Если с улицы Пролетарской повернуть налево на улицу Ленина – через два квартала сеной базар. За базаром – Поле Свободы (бывшее Крестовское поле) с убогими рабочими бараками. Их снесли, а поле застроили новыми домами, но случилось это уже после войны. На сеном базаре торговали не только сеном, но и всякой живностью. Теперь на месте базара водонапорная башня и телевизионная вышка.

С запада наш квартал ограничивала улица Герцена. В доме на углу улиц Пролетарской и Герцена и поселились Берестовы. Если у этого дома повернуть налево на улицу Герцена – через квартал церковь Василия Блаженного, поэтому раньше эта улица называлась Васильевской. Напротив церкви – трехэтажное здание из красного кирпича. Это коммунально-строительный техникум, в котором отец Вали работал преподавателем истории.

Направо от дома – улица Герцена вела к Пятницкому кладбищу. Похоронные процессии – чуть ли не каждый день. Услышав похоронный марш, ребятня бежала посмотреть, кого хоронят на этот раз. Берестовых же эти траурные марши очень донимали. Недаром похоронная музыка неоднократно упоминается в Валиных стихах:

*О мученье мое, предкладбищенский тихий квартал –
Каждый день похоронною музыкой душу мне ранил.*

Это Валя написал в 1943 г. А в 1972 г. снова:

*И кого-то опять хороня,
Чтобы все горевало окрест,
Словно гром среди ясного дня
Грянул в медные трубы оркестр...*

И, наконец, уже в 1978 году:

*Жизнь в городе – мучение сплошное,
Когда ты возле кладбища живешь.
У нас в селе почти не умирали.
Здесь, что ни день, покойника несут.
Зимой двойные стекла выручают,
А летом хоть беги...*

Да, в этом отношении Берестовым явно не повезло. Зато по утрам по улице Герцена пастух гнал городское стадо коров на заливные луга, раскинувшиеся у речки Яченки.

В той же книге М. Арлозорова читаем: «*Каждое утро на заре Калугу будил рожок пастуха. Зевая и крестясь, просыпались обыватели. Заспанные, неумытые хозяйки выгоняли своих бурёнушек на улицы. Пистолетными выстрелами щелкал пастуший кнут, и стадо, промаршевав через город, уходило на выгоны. Затем на улицы высыпали куры и свиньи...*».

Такая картина почти не менялась до самой Великой отечественной войны. Калужское

городское стадо пережило Первую империалистическую и Гражданскую войны, революцию и голод тридцатых годов. Так что рожок пастуха звучал до самой войны, и мы с Валею слышали звуки этого рожка. И не об этом ли рожке читаем у Вали:

Ул. Герцена в начале 30-х годов, в конце улицы слева за колокольней виден силуэт дома, в котором поселятся Берестовы.

*От пастушеского рожка
И раската пастушьей плети
На окраине городка
Приподнимают ресницы дети.*

Но нет, скорее это навеяно воспоминаниями о Мещовском детстве, где, конечно, тоже имелось городское стадо. Держали городские жители коров и позже, пока Хрущёв не начал проводить политику, направленную против личных подсобных хозяйств — с 1959 года жителям городов и рабочих посёлков держать скот было запрещено.

И пастух с длинным кнутом, покрикивающий на отстающих коров, и это стадо, окруженное облаком пыли, делали улицу похожей на сельскую. Вечером стадо возвращалось. Коровы поворачивали на свои улицы и, пережевывая жвачку, медленно шли к своим домам, мычанием звали хозяев. Пастуха хозяева коров кормили по очереди. У многих горожан были свои молочницы. В наш дом молоко носила баба Марфа. Её вкусное молоко моя мама вспоминала до старости.

Сельский вид не только улице Герцена, но и другим не мощёным калужским улицам на окраине города, придавали и пасущиеся на них козы, гуси, куры:

*Вдоль по Герцена ведет
Желтый выводок хохлатка.*

Там, где проходила наша Пролетарская улица, наверное, не так уж и давно была окраина города, о чём свидетельствовали и близость кладбища, которые, как правило, располагались на окраинах, и близость Московских ворот или, как их раньше называли, Екатерининских. Здесь когда-то был главный въезд в город по Московскому тракту. В 1775 году через эти ворота в Калугу въехала Екатерина II. Ворота разобрали в 1935 году, поскольку они стали мешать возросшему автомобильному

движению. Разобрали, а жаль – исторические были ворота. Теперь об их существовании напоминает лишь обелиск на пересечении улиц Ленина и Труда (возле филармонии). Мне было семь лет, когда ворота были разобраны, но я их хорошо помню.

В этой части города не все улицы были мощёными, например, улица Герцена была не мощёной. А вот Пролетарская на участке между улицами Ленина и Герцена была мощёной булыжником. Летом улица зарастала травой, и чтобы трава не росла, дворники посыпали мостовую солью. А за улицей Герцена Пролетарская тоже была не мощёной, и дома там были сплошь деревянные в три окошка. Но, то была уже не наша территория.

*Легла на перекрестке
Таинственная грань.
Подросткам шлют подростки
Воинственную брань.*

*Один пройди попробуй
Через чужой квартал,
Чтобы тебе со злобой
Никто не наподдал.*

Да, там, за улицей Герцена, была «вражеская территория», и появившись за перекрёстком в одиночку, могли и поколотить.

Нумерация домов по улице Пролетарской шла с запада на восток. Первый угловой дом нашего квартала по чётной, южной стороне, – дом, в котором нашли приют Берестовы, имел номер 74. Дом был деревянный, с мезонином, окрашенный в

зеленый цвет. Берестовы жили внизу, в задней, южной части дома. В этом же доме жил директор коммунально-строительного техникума Шишкин, кажется, его звали Иосиф Лазаревич, а также некие Кучепатовы, у которых был сын Юра, рыжий и конопатый. С ним мы почему-то дружбу не водили, во всяком случае, он в наших играх не участвовал. В мезонине, на «верхотуре», жил художник – герой Валиного стихотворения:

*Над нами снимал верхотуру
Художник...*

Что еще я знаю об этом доме? По рассказу моей мамы, раньше дом принадлежал

Автор фотографии Алексей Мельников.

Дом купца Капырина
снимок начала 30-х годов.

неким Венковским. Кто они были такие – мама вспомнить уже не могла. У Венковских было две дочери, с которыми мама в девичестве была дружна. Вот и всё.

Теперь на месте, где находился дом № 74, в котором проживала семья Берестовых, расположена детская площадка.

Следующий по порядку дом – бывший дом купцов Капыриных, знаменитый «дом с мезонином»:

*Хозяин-купец был в душе дворянином
На взгорке построил он дом с мезонином.
Асфальт постелил он дорожкой
С кирпичной и каменной крошкой.*

*Гордился он выдумкой смелою,
Затеей своей беспримерною –
Пять метров асфальта на целую
Калужскую нашу губернию.*

Старший Капырин Владимир Сергеевич, гласный калужской городской думы, был владельцем знаменитого в Калуге гастрономического магазина. О претензиях хозяина дома свидетельствовал весь его облик. Конечно, дом не мог равняться с дворянскими особняками, что спрятались на тихой улице Софьи Перовской, бывшей Воскресенской, однако, дом выглядел богато и заметно выделялся среди других домов нашей улицы. Все в нём впечатляло: и его размеры, и серо-белая штукатурка, и большие окна с цветными стеклами (их называли венецианскими), и парадное крыльцо со ступеньками, выложенными желтыми рубчатymi плитками (мы не раз на них сиживали), и, наконец, высокие каменные вычурные ворота, и даже асфальт перед домом. Несомненно, что улица от «дома с мезонином» и до улицы Тележной была мощена булыжником заботами купца Капырина.

Своему сыну Капырин дал хорошее образование. Он безупречно одевался и слыл интеллигентом и меценатом. Это он привозил в Калугу знаменитую балерину Елизавету Гельцер. А еще моя мама рассказывала, что младший Капырин всегда одаривал детей конфетами.

«Дом с мезонином» и его флигель были густо заселены, и, конечно, там было полно детей. Из всех жильцов помню только Лобзиных, занимавших переднюю часть дома, и их дочь Галю.

Следующий дом по этой стороне – дом Цветковых. Детей в нем не было. В двадцатых годах в этом доме квартировал мой будущий отец. Цветковы и сосватали его с моей будущей мамой.

Участки, на которых стояли дома Капыриных и Цветковых, разделял забор из обгорелых досок, свидетельствовавших о давнем пожаре. Когда-то тут впритык стояли два флигеля, в капы-

ринском жили приказчики, в соседнем флигеле – квартировали мой дед Николай Николаевич Дьяконов и моя бабушка Клавдия Сергеевна с двумя детьми. В 1918 году оба флигеля были уничтожены пожаром. Была суровая зима и послереволюционная разруха, приказчики воровали у хозяина дрова и ночью тайком топили печь. Однажды, будучи под хмельком, они крепко уснули и не заметили, как начался пожар. От пожара больше всех пострадали мои бабушка и дедушка, разом лишившиеся и крова, и почти всего своего имущества. Этот давний пожар наполнял меня какой-то необъяснимой гордостью. Причина, наверное, была в том, что не каждый мальчишка нашего квартала мог похвастаться, что в истории его семьи произошло такое из ряда вон выходящее событие, как пожар. И, конечно, когда мы с Валею подружились, я повел его во двор «дома с мезонином» показывать забор из обгорелых досок, сопровождая показ рассказом об истории пожара.

За домом Цветковых следовал дом Чешихиных. Чешихины тоже были купцами. Их бывшая лавка скобяных товаров находилась на новом базаре. В доме проживали родственники купцов. При доме был большой сад. Из сада во двор нашего дома свешивались ветви огромной груши. Весной она буйно цвела, а к концу лета была вся увешана желтыми вкусными плодами, которые мы, ребятня, сбивали палками. Груши падали в наш двор, и мы их тут же съедали.

В саду у Чешихиных частенько собиралась молодежь, играл патефон, слышались прерываемые девичьим смехом песни в исполнении мастеров эстрады Изабеллы Юрьевой, Клавдии Шульженко, Вадима Козина, Георгия Виноградова, Леонида Утесова и других популярных певцов.

Следующий дом № 82 – дом, в котором проживала моя семья. Для Вали он стал вторым домом. Это был дом нашего общения, наших игр, наших мечтаний, и можно с уверенностью

сказать, что часть своего детства Валя провел в этом доме, и поэтому я опишу его подробнее.

Раньше дом принадлежал купцу Ченцову. Ченцов, как и его брат, проживавший в соседнем доме, был прасолом, торговал скотом. Дом он построил тоже с мезонином, но не такой богатый, как капыринский, он даже не осилил построить его полностью кирпичным. Только передняя часть дома была из добротного красного кирпича, задняя же часть дома была деревянной. Ворота, калитка – тоже деревянные. Петли и засовы на них – из кованого железа. У калитки – врытые в землю валуны, на которых мы любили сидеть.

Справа, вдоль всего дома, анфилада – три большие комнаты, в которых когда-то жили хозяева. Слева, тоже вдоль всего дома – три маленьких комнаты для прислуги, в одной из них домашний туалет (правда, с выгребной ямой), который мы называли уборной, и в конце – кухня с огромной русской печью. На ней – место наших с Валею уединений, место детских тайн и мечтаний. Большие комнаты разделяли высокие двустворчатые двери с фигурными латунными ручками. Двери, разделявшие кирпичную и деревянную части дома, были наглухо закрыты и заставлены гардеробом. В передней кирпичной части проживала сестра моего отца, тетя Лиза с мужем Петром Константиновичем Козловым и двумя дочерьми – Таней и Ниной. Они были уже барышнями и вскоре обе вышли замуж. С Таней у меня были особые, дружеские отношения, она называла меня кузенком, я же её – кузиной. Вход к Козловым был с улицы, с парадного крыльца.

В южной, деревянной части дома, проживала наша семья, и кухня с русской печью считалась нашей. Вход к нам был со двора, с черного крыльца.

На «верхотуре» нашего дома, ее называли светёлкой, жили Матвеевы. У них был сын Коля или, как мы его называли, Коль-

ка-Верховой. Он был на 2-3 года младше нас и в наших играх выступал, как правило, статистом.

Во дворе слева находился флигель, в котором еще с дореволюционных времен проживали Гусаровы – Алексей Федорович (дядя Лёня) и Софья Сергеевна (тетя Соня). Дядя Лёня работал в мобилизационном отделе Управления Московско-Киевской железной дороги, и у них на квартире был установлен телефон, наверное, единственный на весь квартал.

С Гусаровыми жил дядя Софьи Сергеевны Михаил Сергеевич. Дядя Миша был горбат и богомолен. Меня называл нехристом, и при встрече со мной истово крестился. Мой отец – член партии Ленинского призыва 1924 года – не посмел меня окрестить, а если меня тайком и окрестили бабушки, то эту тайну они унесли с собой в могилу. В годы сталинских репрессий дядя Миша был арестован и больше мы его не видели. За что его репрессировали, нам было невдомёк. Болтали, что он ждал возврата старой власти, а при обыске у него нашли припрятанными царские деньги. Мы понимали, что это не криминал, просто дядя Миша стал очередной жертвой «ежовщины».

У Гусаровых воспитывалась племянница Софьи Сергеевны – Соня. Это она прислала мне после смерти Вали копию некролога

из «Вечёрки». Мало кто знал в нашем дворе настоящую фамилию Сони. Для всех она так и осталась Соней Гусаровой. Её настоящая фамилия была Жижина.

С Соней нас связывало не только общее детство, но и военное лихолетье. Мы вместе – наша семья и тетя Соня с Соней – бежали от немцев из Калуги и вместе жили в саманном домике в глухой Казах-

станской степи. Став взрослыми, ни я, ни Валя не потеряли с Соней связь. Вспоминая детские годы, Валя написал о Соне:

*Мяч летит из-под коленки.
Пролетает над плечом.
Целый день играть у стенки
Может девочка с мячом.*

На лето к Гусаровым приезжала родственница, а, возможно, просто знакомая с двумя девочками, и целыми днями Соня играла с этими девочками то в мяч, то в скакалки, то в классики. Игры девочек Валя видел, сохранил в памяти и через много лет сочинить это стихотворение.

Перед флигелем, в котором жили Гусаровы, стоял еще один флигель. В северной его части, вход в которую был из соседнего двора, жили Чудовы, а в южной части, вход в которую был из нашего двора, жила многодетная семья Шеленговских. Когда-то тут была кухня, в ней столовались ченцовские приказчики. В этой кухне после пожара жили мои дедушка и бабушка. Поселила их там сердобольная вдовствующая купчиха Ченцова. Там, в этой кухне-столовой, моя мама вышла замуж, там родился и я. Потом, когда дом Ченцовых был реквизирован советской властью, наша семья перебралась в их дом и прожила в нём с небольшим перерывом более сорока лет.

Семья Шеленговских была многодетной (6 или 7 детей), но работал только глава семьи дядя Миша. Помню, как он возвращался с работы в замасленной спецовке и всегда приветливо здоровался. Прокормить семью было нелегко, но дядя Миша всегда был весел и шутлив – он был из породы оптимистов. Их семью подкармливал весь наш двор, а моя бабушка отдавала им всё, что оставалось от обеда.

Из детей Шеленговских в наших играх принимали участие Галя, Миша и Валерьян. Галя и Миша были старше нас, а Валерьян – младше.

Мишку Шеленговского, шустрого, подвижного, быстрого на всякие выдумки и чем-то напоминавшего Алексашку Меньшикова, как его описывает Алексей Толстой в «Петре Первом», умевшего пройтись по двору «колесом» или долго стоять на голове, с легкой руки его отца, все звали Кукарачой. Это прозвище прилипло к нему после показа в кинотеатре «Центральный» американского фильма «Кукарача». Потом появилась пластинка с песенкой такого же названия, которую исполняла Эдит Утесова:

*Он сказал, что Кукарача –
Это значит таракан...*

Босые ноги Мишки-Кукарачи не боялись никаких острых предметов. Толстую, ороговевшую кожу ступней его ног не брали ни гвозди, ни стекла, от которых иногда страдали наши босые ноги.

«Показать вам фокус?» – обращается Мишка ко мне и Вале. Мы не возражаем. Из бездонных карманов своих штанов Мишка достает коробок спичек, зажигает спичку и прикладывает её к своей пятке. Сера вспыхивает и оставляет на коже пятки бурое пятно. Боли Мишка не чувствует. Он торжествующе смотрит на нас и предлагает нам сделать то же самое. Мы поспешно отказываемся. Не смотря на то, что все лето я бегал босиком, от чего кожа ступней моих ног тоже становилась грубой, решиться на такой «подвиг» я все же не мог, ну, а у Вали ноги нежнее моих, он не бос, он в сандалиях. «Слабо» – заключает Мишка.

Наш двор, заросший мягкой травой, казался нам огромным. В нем хватало места для игры и в лапту, и в прятки, и в казаков и разбойников. В глубине двора – сарай, когда-то там была еще и конюшня, но ее разобрали за ненадобностью. За сараями до-

вольно большой сад. В нём, кроме фруктовых деревьев, росли ель, береза, рябина, липа, и еще оставалось место для грядок. Вдоль ограды – заросли сирени, из поросли которой мы делали стрелы для лука. У сарая – большой куст бузины, ее ягодами бабушка чистила самовар. А в ветвях липы мы с Валею любили прятаться:

*На вышку, на крышу, на столб, на ограду,
На древнюю липу ползу...*

Урожай сада делился между всеми жильцами нашего двора. До его уборки мы не смели сорвать ни одного плода, ни одной ягоды. Когда же урожай был убран, территория сада, как и двор, становилась полем наших игр.

Да, чуть было не забыл обеще одном обитателе нашего двора – о собаке неизвестной породы по кличке Сигнал. Собака принадлежала Гусаровым, и такое «железнодорожное» имя своей собаке, конечно, мог дать только дядя Лёня. Сигнал был умной и доброй собакой, другом всех мальчишек и девчонок, как нашего двора, так и соседних. С громким лаем он бегал вокруг нас, как бы участвуя в наших играх. Судьба Сигнала чем-то схожа с судьбой дяди Миши: Сигнал тоже стал безвинной жертвой. Он мирно сидел у ворот нашего дома, когда ловцы бездомных собак набросили на него удавку, и он, как и дядя Миша, попал на живодерню.

Следующий дом принадлежал раньше брату Ченцова. Очевидно, у них было общее дело. Во дворе располагались конюшни, сарай, амбар, а сам двор был вымощен булыжником. Мама вспоминала, как во двор загоняли очередную партию скота, и всю ночь был слышен рёв не кормленных и не доенных коров. В этом дворе мы, детвора, играли в лапту, салки, штандер и в другие игры.

В предвоенные годы этот дом был также густо заселён. Из детей там жили в основном девчонки: Горелова Надя, Попова

Наташа, Волкова Алевтина. Все они были старше нас с Валею. К Волковым из Москвы на лето приезжала их племянница Ляля Пчёлкина. У нее были русые до пояса косы и лукавая улыбка. Она была коммуникабельной, подвижной и энергичной девочкой, ни в чём не уступавшей нам, мальчишкам. Потом, когда Ляля станет студенткой, однокурсники сочинят о ней такой стишок, метко её характеризующий:

*Золотая чёлка,
И летает пулей.
Разве это Пчёлка?
Это целый улей!*

.Не удивительно, что все наши мальчишки по очереди в неё влюблялись. Не избежал этой участи и Валя. Ляля Пчёлкина, давно ставшая Ларисой Васильевной Соколовой, была тоже поклонницей Валиного таланта. Она по-прежнему проживала в Москве, и с ней, так же как с Софьей Анатольевной Жижинной, связь не была утрачена. Как-то, в 80-х годах, мы собирались у неё на квартире в Уланском переулке, и Валя читал нам свои стихи. Конечно, вспоминали и наше калужское детство.

Действительно ли Валя был равнодушен к приезжей москвичке? На этот счет у меня нет никаких сомнений. Обратимся к стихотворению «В двенадцать лет я стал вести дневник», написанному Валею в 1978 году, которое заканчивается строками:

*Но как-то раз я в уголке странички
Нарисовал кружок и две косички.
О впечатленье этом сотни строк
Я б написал. Да не посмел. Не смог.*

Кого на странице своего дневника изобразил Валя в виде кружка с двумя косичками? О ком мог бы написать сотни строк? Конечно о Ляле Пчёлкиной, которая летом 1940 года, когда Вале исполнилось 12 лет, снова, как и в предыдущие годы, гостила в Калуге у своей тетки.

Если в таком возрасте (в 12 лет) появляется влечение к противоположному полу, его стараются скрыть, и это вполне естественно. Но возникшее чувство волнует, просится наружу, однако раскрыть тайну – написать сотни строк – Валя не посмел, и тогда в уголке странички дневника появляется рисунок – кружочек и две косички. Так Валя зашифровал предмет своего обожания. Для него это была «она», для других же – невинный детский рисунок. И не дай Бог приблизиться кому-то к этой тайне – будет катастрофа. А Ляля приблизилась. А как это случилось, Лариса Васильевна сообщила мне в одном из своих писем. Оказалось, что она в то далекое лето 1940 года держала в руках Валин дневник и видела тот рисунок, о котором идет речь в Валином стихотворении. При этом, как пишет Лариса Васильевна, присутствовал и я, но, как я не напрягал свою память, припомнить ничего не смог.

При каких обстоятельствах всё это произошло, излагаю своими словами. Итак, лето 1940 года. Был пасмурный день и накрапывал дождь, когда мы с Валею пришли во двор дома, в котором жили Волковы. Увидев нас, Ляля присоединилась к нам, и втроем мы укрылись от дождя на веранде. Под мышкой у Вали была зажата толстая тетрадь. Указав на тетрадь, я сказал Ляле, что тетрадь – это дневник, который Валя начал вести. И Ляля стала упрашивать Валию показать дневник. Сначала Валя отнекивался, говоря, что «это личное», но, в конце концов, уступил просьбе и передал тетрадь Ляле. Листая тетрадь, и увидев на одной из страниц нарисованный кружок с двумя косичками, Ляля спросила, что это за каракули. Вопрос смутил Валию, он выхватил тетрадь из рук Ляли, после чего наступила неловкая пауза.

Вот, собственно и всё, но почему на невинный, казалось бы, вопрос Ляли Валя так нервно отреагировал? Почему его реакция была такой неадекватной? Ответ может быть только один: он решил, что Ляля разгадала его тайну и догадалась, кого он изобра-

Ляля Пчёлкина 1940 г.

1939 г.

зил в виде кружка с двумя косичками, потому и испугался.

А была ли схожесть между обликом Ляли и рисунком? Как она выглядела в то далекое лето? Имеется её фотография 1940 года. На карточке мы видим круглое, сияющее безмятежной улыбкой,

лицо и две косы, спускающиеся на грудь. Ну, чем не «кружок и две косички»!

Полагаю, что этих свидетельств более чем достаточно, чтобы с уверенностью заключить: последние четыре строки стихотворения «В двенадцать лет я стал вести дневник» посвящены Ляле Пчёлкиной, в которую все наши мальчишки влюблялись по очереди, и в которую был влюблен и Валя.

В этом доме, в квартире с окнами, выходящими в наш двор, жили, как я уже упоминал выше, Чудовы. В 1937 или 1938 году к Чудовым приехал сын с женой и двумя мальчиками, Леонидом и Михаилом. Миша, его в семье звали Миля, был очень мал, а Леонид, его в семье звали Лёсик (так и мы стали его называть), был старше нас с Валей года на три-четыре. Хорошо запомнил свою первую с ним встречу. Была зима, и вдоль тротуаров выросли высокие сугробы. Я лазил по ним, измеряя их глубину. И вдруг в меня попадает снежок. Ищу глазами обидчика и вижу за низким забором соседнего двора незнакомого мальчишку. Он лепит снежки и, озорно улыбаясь, бросает их в прохожих.

Лёсик был прирожденным лидером. Это был рослый и красивый мальчик. Умница и эрудит. Он обладал отличной памятью и развитой речью. Наверное, из него получился бы замечательный

оратор. Очевидно, у Чудовых была хорошая библиотека. Лёсик был начитан и мог день за днём пересказывать нам прочитанные им книги, причем с мельчайшими подробностями. Знал он и озорные, фривольные стихи, и про Луку, и про Профа Фомича, приписываемые поэту XVIII века Ивану Баркову, и многие другие, читал их нам наизусть. Насколько мне известно, фривольные произведения Ивана Баркова не издавались, а ходили в списках. Где Лёсик нашел к ним доступ, предположить трудно, возможно, что и такая «литература» имелась в библиотеке Чудовых.

Напевал Лёсик и озорные песенки, например, про Мальбрука:

*Мальбрук в поход собрался,
Объевшись кислых щей,
В походе...*

Дальше – текст не для печати. А студенческую песню про Уверлея и Доротею, которую мы слышали от Лёсика, я помню до сих пор. Эту песенку мы частенько распевали при застольях уже во взрослой жизни.

*Пошел купаться Уверлей,
Оставив дома Доротею,
С собою пару пузырей
Берет он, плавать не умея.*

В репертуаре Лёсика была еще одна студенческая песенка, из которой мне запомнился лишь один куплет:

*Колумб Америку открыл,
Страну далёкую такую.
Дурак! Зачем он не открыл
На нашей улице пивную!*

Лёсик в какой-то мере осуществлял и наше сексуальное воспитание, во всяком случае, он сумел доходчиво и просто объяснить нам, откуда берутся дети.

Неудивительно, что совсем скоро Лёсик стал кумиром и предводителем мальчишек нашего квартала. Наше отношение к нему было подобно отношению учеников к любимому и ува-

жаемому учителю. Мы его обожали и ему поклонялись. Не был он обойден вниманием и со стороны девчонок, многие из них тайно о нём вздыхали.

Мы, мальчишки, ходили с ним в бор, купаться на речку. Ходили и на рыбалку. Все эти походы были для нас познавательными, потому что Лёсик каждый раз рассказывал что-то новое. А на рыбалку он водил нас на Оку, за впадавшую в неё речку Калужку. Там была песчаная коса, возле которой водились пескари. К рыбалке готовились заранее, с вечера. А рано утром, еще до восхода солнца, Лёсик обходил всех участников и будил их стуком в окно.

Конечно, Валя не мог не попасть под обаяние Лёсика. Валя и Лёсик учились в железнодорожной школе № 10 (теперь № 14), и Валя, занятия у которого заканчивались раньше, терпеливо ждал окончания занятий у Лёсика, чтобы вместе с ним идти домой. Как сейчас вижу эту парочку: рослого Лёсика и рядом тщедушную фигурку Вали, заглядывающего снизу вверх в лицо Лёсика и что-то возбужденно ему рассказывающего.

В стихотворении «Три школьных возраста» Валя напишет о Лёсике:

*Он добр, хотя суров на вид.
Он ученик шестого класса.
На третьеклассника глядит
Он как Маклай на папуаса.*

Позже появится другое стихотворение – «Великан»:

*Я в детстве дружил с великаном.
Нам весело было одним.
Он брел по лесам и полянам.
Я мчался вприпрыжку за ним.*

*Ходили мы вместе все лето.
Никто меня тронуть не смел,
А я великану за это
Все песни отцовские спел. .*

*О, мой благородный и гордый
Заступник, гигант и герой!
В то время ты кончил четвертый,
А я перешел во второй.*

*Сравняются ростом ребята
И станут дружить наравне.
Я вырос. Я кончил девятый,
Когда ты погиб на войне.*

Лёсик показывал нам и пример дисциплинированности. В семье у Чудовых был установлен строгий распорядок дня, которому Лёсик неукоснительно следовал. Где бы мы ни были, чем бы ни занимались, когда наступало время обеда или ужина, Лёсик прекращал все занятия и шел домой – у Чудовых было принято собираться за столом всей семьей. Между прочим, это не вызывало у нас насмешек, а, наоборот, вызывало уважение, хотя кого-то другого за такую дисциплинированность могли и засмеять. Все мы не очень-то отличались послушанием, и, заигравшись, могли забыть и об обеде, и об ужине.

А что касается стихотворения «Великан», то оно было положено на музыку и уже как песня исполнялось на вечерах, посвященных памяти Вали. И не прав был А. Турков, назвавший «великана» безымянным в предисловии к Валиной книге «Улыбка». «Великан» имел имя – Леонид Чудов.

В первые дни войны Лёсик ушел добровольцем на фронт и, как большинство его сверстников, сложил голову в мясорубке 1941 года. В школе, в которой учился Лёсик, имеется стенд «Никто не забыт, ничто не забыто» с фамилиями учеников, погиб-

ших на фронте. Значится там и Чудов Леонид (во второй колонке, четвертый снизу).

Еще несколько слов о Лёсике. В июне 1941 года Лёсик сдал испытания (так тогда называли экзамены) за 10-ый класс, но отпраздновать окончания школы не успел, началась война. В довоенные годы дети поступали в школу с восьми лет; путем несложного подсчёта получаем, что родился Лёсик в 1923, а в школу пошел в 1931 году. В 1941 году ему исполнилось 18 лет, а это значит, что он был старше нас с Вале́й на пять лет.

Началась война, Лёсик ушел добровольцем на фронт и вскоре погиб. Мне очень хотелось найти архивные сведения о времени его гибели и месте захоронения, но скудность данных о нём – отсутствие отчества, даты, месяца и места рождения – затруднили поиски. На запрос в Военный комиссариат Калужской области мне ответили, что Чудов Леонид среди призывников 1941 года не значится, и по учетным карточкам, составленным на основании извещений о гибели военнослужащих во время Великой Отечественной войны, Чудов Леонид также не значится. Но через ОБД «Мемориал» удалось узнать, что в заградительном отряде 44 СД служил красноармеец Чудов Леонид (отчество, место призыва и год рождения неизвестны), который погиб 30.9.1941 г. от осколков мин при смене постов в парке за дачей Шереметьева, Киршского района, Ленинградской обл. Относятся ли эти сведения к Лёсику, установить не удалось.

Но надежда умирает последней, возможно, какие-то сведения о Лёсике всё же удастся обнаружить, так что поиски следует продолжить и ими могла бы заняться школа, в которой он учился.

Погибло и гнездо Чудовых. В ту часть дома, в которой располагалась их квартира, попала фашистская бомба. Вот что сообщила Матвеева Ольга Николаевна, проживавшая в светёлке нашего дома, моей мае в письме от 03.03.1943 года: «...на дворе у

нас упала бомба и квартиру Шеленговских всю разбила, и Чудовых, и Витькину. Чудов умер недавно...».

Из этого следует, что старший Чудов, дед Лёсика, умер позже; следовательно, во время налёта немецкой авиации члены семьи Чудовых где-то прятались, вероятно, в щеле. Их дальнейшая судьба, как и судьба старших Шеленговских мне неизвестна. Кто такой Витька, припомнить не могу. В том же доме еще проживали Поповы и Гореловы.

Следующим по четной стороне был дом, в котором проживали Клевцовы и Зиновьевы, находившиеся друг с другом в родстве. Несмотря на наш юный возраст, мы были наслышаны о так называемом троцкистско-зиновьевском антипартийном блоке, и фамилия Зиновьев вызывала у нас ложные ассоциации. Так были «запудрены» наши мозги. Клевцовы и Зиновьевы, бывшие деревенские жители, переехали в город уже после революции. У Зиновьевых были дочь Тамара и сын Владимир, он был сверстником Лёсика, они и общались друг с другом. А у Клевцовых было трое детей: старшая – Серафима, она дружила с Соней Гусаровой, Лялей Пчёлкиной и другими девчонками из соседнего двора; средний – Валентин – член нашей мальчишеской ватаги; у младшей Таи – свои подруги. Глава семьи Клевцовых, Иван Тихонович, токарь высокого разряда, знал себе цену и был высокомерен, спесив и гонорист. Таким же по характеру был и Валентин, особенно это стало заметно, когда он повзрослел, но это не мешало нам поддерживать дружеские отношения.

Во дворе их дома был сооружен турник. Не этот ли турник, на котором мы с Вале́й пытались подтянуться, вдохновил его на стихи:

*Всюду были турники:
Во дворах и на опушках,
В поле, в школе, у реки,
В городах и деревушках.*

А на веранде у Клевцовых стояла двухпудовая гиря, поднять которую у нас с Валею еще не было сил.

Дальше по улице Пролетарской стоял дом Шапошниковых, но там была уже не наша территория, да и детей нашего возраста там не было.

Ул. Пролетарская. Дома в три окошка, сохранившиеся с дореволюционных времён. В доме слева жили Московкины. Современный снимок.

На нечетной стороне нашего квартала сплошь частные дома в три окошка с глухими заборами и закрытыми на засовы калитками. Детей нашего возраста в них жило мало.

В доме напротив нашего дома жили Блиновы Юра и Костя, в соседнем с ними доме – Московкина Вера. Конечно, были и другие дети, но их я уже не помню.

На углу улиц Пролетарской и Герцена, напротив дома, в котором поселились Берестовы, жили Олег и Надя Кудрявцевы. Их мама, яркая брюнетка, ее звали тётя Фая, нарядно одевала свою дочку. С бантиком в темно-русых кудряшках Надя казалась мне сказочно красивой, и я загадал, что когда вырасту, обязательно на ней женюсь. Вероятно, Надя и на Валею произвела яркое впечатление, и, уверен, строки из Валиного стихотворения:

Девчонка. Глупый бантик. Умный вид.

И с бантиком знакомство предстоит. – это о Наде.

На нашей улице не было ни магазинов, ни каких-либо учреждений, если не считать бывшего магазина Домогацкого в трех кварталах от нас, да начальной школы № 14, находившейся на углу Пролетарской и бывшей Ленина. В этой школе я проучился с первого по четвертый класс и хорошо запомнил свою

первую учительницу Смыслову Татьяну Андреевну. По окончании начальной школы я был переведен в школу № 5, которая являлась старейшим учебным заведением Калуги (основано в 1860 г.).

Наша улица была не по-городскому тихой. Лишь изредка профырчит по ней грузовичок или прогремывает по булыжной мостовой телега. Иногда извозчик на коляске с кожаным верхом и с колесами на резиновом ходу привезет с вокзала состоятельного пассажира. Или проедет на телеге старьевщик, у которого за тряпки и кости можно было выменять глиняную свистульку или мячик на резинке. В те годы, выпуская детишек на улицу, мамы не пугали их машинами, а наставляли: «Будь осторожен, не попади под лошадь». Лошадь была еще основным транспортным средством.

Еще тишину улицы прерывали протяжные крики различных мастеровых, да торговых людей. «Тазы, кастрюли, ведра починяю», – кричал жестянщик, заходя во дворы. За ним шел точильщик: «Точу топоры, ножи, ножницы». Иногда появлялся стекольщик. «Вставляю стекла», – призывно кричал он. Но самым желанным был продавец древесного угля. Чай тогда пили из самовара, а ставили его на углях. Вскипев на углях, самовар еще долго «шумел» на столе, придавая какой-то особый уют чаепитию.

Обходил дворы не только мастеровой и торговый люд. Заглядывали в них и нищие, просившие что-нибудь подать «Христа ради». Чаше других за подаванием приходил высокий старик с длинной окладистой седой бородой и с посохом в руке. Подаваемые ему куски хлеба он бережно складывал в объемистую холщовую суму, висевшую у него через плечо. Заглядывали и погорельцы, одетые в крестьянскую одежду и обутые в лапти. Они ходили семьями, с детьми.

Вот такой была наша улица, дома и народ на ней, улица, на которой Валя прожил несколько предвоенных лет. Никакого сомнения не может быть в том, что и сам город, и наша улица, и её обитатели оказали определенное влияние и на становление Вали как личности, и на его творчество, – иначе он не написал бы столько прекрасных стихов о калужском периоде своей жизни. Тут, на нашей Пролетарской, среди этих домов, в кругу этих мальчишек и девчонок, он учился жизни, варился в этом котле.

*Мы учимся и в средних, и в начальных,
Мы учимся у близких и друзей.
Но как бы жили мы без этих дальних,
Не знающих про нас учителей?*

Валя и я не могли не встретиться на нашей Пролетарской, и вполне возможно, что при знакомстве с нашей улицей («Пойду, пройду по улице моей... Что за народ, что за дома на ней?») Валя и увидел меня впервые. Я же эту первую встречу не помню, хотя появление нового мальчишки, да еще в очках, не могло остаться мною незамеченным. Валя же, обладавший цепкой памятью, не только запомнил нашу первую встречу, но и написал о ней такие стихи:

*Мальчишка в тельняшке
Стоит у ворот.
Друга, наверное, ждет.
И очень возможно,
Что друг – это я,
Хоть он не знает меня.
Я здесь поселился,
Живу в трех шагах.
Кто ж я? Друг или враг?
Глаза поднимает.
Усмешка? Испуг?
Друг!*

На сборнике стихов 1972-1977 годов «Три дороги», в котором было опубликовано это стихотворение (позже оно было опубликовано в журнале «Мурзилка» №4, 1978 г.) Валя написал: «...Вадиму, герою этой книжки, даже изображенному художником, – с любовью В. Берестов. 4.VII.87». Я изображен в кепке и длинных брюках, хотя летом кепку не носил, а длинные брюки у меня появились много позже. Но таким меня увидел друг Вали художник Лев Токмаков, иллюстрировавший книгу.

Да, нас ожидала дружба. Но прежде о нашем знакомстве. Когда же оно произошло? Почему-то моя память подсказала мне, что познакомились мы с Валею в день солнечного затмения. Я долго размышлял об этом, и, в конце концов, уверовал, что так оно и было.

Это редкое, неординарное явление природы случилось 19 июня 1936 года. О предстоящем полном затмении солнца общали и газеты, и радио, и все с нетерпением ожидали, когда же оно, наконец, наступит, готовили закопченные стеклышки, переживали, не испортится ли погода. К счастью, день был ясный, и еще задолго до начала затмения и взрослые, и дети высыпали на улицу. В ожидании затмения взрослые вели какие-то разговоры, а дети, гомоня, и, задирая друг друга, бегали между взрослых. Но когда началось затмение, все притихли и через закопченные стеклышки стали смотреть, как лунный диск стал не спеша наползать на солнечный. По мере того, как луна все больше и больше закрывала солнце, вокруг все блекло и тускнело, а когда луна полностью закрыла солнце, наступили сумерки и какая-то тревожная тишина, и вдруг повеяло прохладой. От этой жуткой тишины, сумерек, холодного ветерка наблюдавшие за затмением люди как-то оцепенели, застыли. Но вот показался узенький серпик солнца, он все увеличивался и увеличивался, и все вокруг стало оживать, все разом заговорили, засуетились. Вот во время этого оживления, суматохи и беготни, вызванной

появлением нашего небесного светила, как мне казалось, и произошло наше знакомство, вот тогда я впервые и привел Валу к себе домой. Но, увы, Вали не было в этот день на нашей улице, и затмение солнца он наблюдал не в Калуге, а в Мещовске.

Поскольку рассказ о солнечном затмении к нашему знакомству с Валею отношения не имел, я намеревался исключить его из текста, но рассказ очень понравился Анатолию Берестову, готовившему воспоминания к изданию, и по его настоянию я его оставил.

Наше знакомство с Валею не могло не состояться, и был день, когда я впервые привел Валу к себе домой. А как же тогда увязать наше знакомство с солнечным затмением? Да все просто и объяснимо. Солнечное затмение и на Валу и на меня произвело столь яркое и неизгладимое впечатление, что оно было темой наших разговоров и обсуждений.

Валя очень скоро «прижился» в нашем доме, он как-то сразу понравился и моим родителям, и моей бабушке, стал «своим» в нашей семье, стал «пропадать» у нас часами, забыв о еде и о наказе родителей не уходить далеко от дома.

Длительные отлучки Вали у какого-то Вадима (из благополучной ли семьи? не хулиган ли?) были скоро замечены, и обеспокоенная этим его мама, Зинаида Фёдоровна, в один прекрасный день пришла к моей маме знакомиться. Ушла она в полной уверенности, что у нас Вале ничто не грозит, и санкция на общение со мной была Валею получена.

Объяснить теперь, чем привлекли Валу наш дом и двор, вряд ли удастся. В соседнем с Валею «доме с мезонином» было не меньше детворы, чем в нашем дворе, но к тому дому Валя не прирос и дружбы в том дворе ни с кем не завёл, хотя и он, и я ходили в этот двор, чтобы поиграть в бильярд. Бильярд принадлежал Лобзиным, он стоял на сохранившемся фундаменте сгоревшего флигеля, доступный для всех желающих поиграть.

Как мне представляется, перерастание знакомства в дружбу у детей проистекает иначе, чем у взрослых. Наверное, мы с Валею, и я в этом уверен, не смогли бы объяснить, что нас влекло друг к другу. Просто однажды мы обнаружили, что ближе, чем мы друг другу, у нас никого нет. «Трудно уловить момент, когда знакомство становится дружбой. Часто нас сближают такие мелочи, что потом их не вспомнишь», – написал Валя о своей дружбе с археологом-казахом («Фата-Моргана»). Это наблюдение Вали подходит и для нас с ним. Теперь не вспомнить всех тех мелочей, которые нас подружили, но, наверное, их, мелочей, было много, окончательно же, по моему мнению, нас сблизило одно приключение, героями которого мы были. Вот после этого приключения мы и стали с Валею, как говорят, водой не разольешь.

Случилось это в конце лета 1938 года, тогда нам было по десять лет, а запомнилось на всю жизнь.

По прошествии сорока трех лет после этого приключения Валя напишет стихотворение «Малина»:

*А начнем мы сказ да про двух друзей,
Как пошли они в бор за малиною.
А и было им да по десять лет,
Что по десять лет с половиною.
От малиничка да к малиничку
Пробирались они помаленечку.*

*Добрый молодцам приключения
Слаще всякого угощения.
Ах, малина, ягода-малина!
Ты куда мальчишек заманила?
Заманила на большак булыжный.
От него до дома путь не ближний.
Если бы они проголодались,
То назад вернуться б догадались.*

*Но они малиной сыты были
И вперед пойти они решили.
А куда молодцы гуляли,
Матери друг друга разыскали.
Познакомились. Разговорились.
До скончания века подружились.*

«Двое друзей» – это, конечно, Валя и я. Так на какой «большак булыжный» заманила нас малина, и куда по нему мы «вперед пойти решили»? Наконец, почему «Малину» Валя написал в таком необычном, в народно-эпическом, былинном стиле?

Итак, шло лето 1938 года. Валин отец, Дмитрий Матвеевич, был заядлым рыболовом:

*Гибкая палка.
Московская снасть.
Это рыбалка,
Отцовская страсть.*

Собираясь на очередную рыбалку, на речку Яченку, Дмитрий Матвеевич пообещал взять с собой Валю и меня. Мы с нетерпением ожидали, когда же пойдём на рыбалку, но какие-то дела задержали Дмитрия Матвеевича. Не дождавсь, когда он освободится от своих дел, на место рыбалки (Валя это место знал) мы ушли одни. Но и там, у речки, терпения ждать прихода Дмитрия Матвеевича у нас хватило ненадолго. К речке примыкал калужский бор, и мы решили поискать там ягод. Так, «от малинничка да к малинничку», незаметно для себя, мы дошли до того «большака булыжного», по которому Берестовы приехали в Калугу из Тихоновой Пустыни. Там, на большаке, у Вали и возникла идея пойти в Тихонову Пустынь, чтобы показать мне дом, в котором они жили до переезда в Калугу (подобная идея могла возникнуть только у такого выдумщика, каким был Валя). Я легко согласился, полагаю, потому, что и мне довелось раньше побывать в Тихоновой Пустыни в гостях у сестры

моего отца, тети Вари (она работала там санитаркой в местной больнице).

Сказано – сделано: «и вперед пойти они решили», а путь был не ближний – 18 километров.

По беспечности, по присущему нашему возрасту легкомыслию, о последствиях своего поступка мы, конечно, не подумали. Мы упорно шли вперед. Валя был обут в сандалии, я же босиком, и шли мы по обочине, шлепая по мягкой теплой пыли. Прошли деревню Аненки, затем Мстихино. Встречных почти не было, но из тех, кто встречался, никто не поинтересовался у нас: а куда вы, добры молодцы, путь держите? а не лучше ли повернуть вам назад, в город, где вас уже давно ищут родители? Случись такое, и мы, возможно, отказались бы от своего намерения и повернули назад. Но такого не случилось.

Долго ли, коротко – вот и Тихонова Пустынь. На входе в поселок мы остановились у мостика через речку Вепрейку, чтобы напиться и передохнуть. За рекой были видны строения монастыря и его величественный храм Успения Пресвятой Богородицы, построенный в византийском стиле. Главный колокол на пятирусной колокольне храма был знаменит своим весом – он весил 1560 пудов (25,5 тонн), и в тихую погоду его звон был слышен даже в Калуге. Моя бабушка, услышав звон, говорила, что это в Тихоновой пустыне звонят к обедне.

Напившись воды из речки, присели отдохнуть, и только тогда стали осознавать всю нелепость, весь ужас нашей выходки. День уже давно перевалил за половину. Сколько же часов прошло с тех пор, как мы ушли из дома? Нас давно хватились и ищут! Быстрее назад, домой! Не отдохнув толком, мы повернули в обратный путь. Стыд и раскаяние гнали нас вперед, но в натруженных долгой ходьбой ногах уже не было сил; не знаю, как бы мы добрались до города, если бы по дороге нас не нагнал мужик на телеге, запряженной каурой лошадкой, который и довез нас до города.

Этот добрый человек расспросил нас, кто мы такие и куда идем, выслушав наш сбивчивый рассказ, удивленно похмыкал и надолго замолчал, изредка понукая медленно идущую лошадку. Молчали и мы, устроившись поудобнее на охапке сена. От усталости нас клонило в сон. Но вдруг мы услышали, что наш возница что-то напевает. Валя очнулся от дремоты и придвинулся ближе к вознице, прислушиваясь. «Он поёт былины», – шепнул он мне. Так, под пение былин мы и доехали до города. Был уже поздний вечер. Помнится, что возница довез нас до перекрестка улиц Кирова и Герцена, оттуда до Пролетарской идти всего три квартала. Мы шли с чувством раскаяния и ожидания крупного скандала, по крайней мере, мало приятного разговора с родителями, и были готовы понести любое наказание.

Возле Валиного дома стояли, разговаривая, наши отцы. Нас искали везде: сначала на улице и в соседних дворах, затем на речке, в бору, в больницах, в милиции; очевидно, отцы решили, где продолжать поиски. Но блудные дети нашлись. Отцы молча повели нас по домам. От радости, что мы нашлись, что мы живы и здоровы, нас даже не ругали, но без наказания не обошлось: отец объявил мне домашний арест. Но уже через несколько дней сердобольная бабушка, в отсутствие отца, стала выпускать меня посидеть на крылечке – не мог же любимый

внук оставаться без свежего воздуха. А как был наказан Валя, и был ли он вообще наказан, я уже не помню. Только помню один разговор, состоявшийся между нашими мамами. Они обсуждали наш поступок, и Зинаида Фёдоровна сказала моей маме, что когда Валю спросили, где мы пропадали весь день, Валя проговорил: «Он пел былины». Валя не слышал вопроса, он всё еще находился под впечатлением былин, которые напевал возница. Вот почему Валя написал стихотворение «Малина» в таком необычном стиле.

Вскоре о приключении двух друзей знала вся наша улица. Внимание ребят с нашего двора и соседних дворов было приковано к нам, на нас показывали пальцем, приставали с расспросами, нам явно завидовали: еще бы! совершить такое путешествие! И какое – то время мы чувствовали себя героями. Но постепенно всё это забылось, а двое друзей стали искать новых приключений.

В августе 1999 года, будучи в Калуге, тот самый 18-километровый путь от города до Тихоновой Пустыни, который мы с Валей проделали пешком, я проехал на автомашине с братом Виталием, его женой Галей и их внуком Ильей, и событие более чем шестидесятилетней давности снова всплыло в памяти. Вот мост через речку (тогда он был другим – маленьким и деревянным), из которой мы напились холодной, освежающей воды, ведь она текла вода из святого источника, возле которого находится скит святого Тихона. Здесь тогда, не заходя в поселок, мы повернули назад, домой. На этот раз вместе со своими спутниками я посетил и Свято-Тихонов монастырь, и прекрасный Успенский собор, уцелевший в войну и теперь восстанавливаемый (в соборе мы послушали чудесное пение монахов), и напились в скиту непортящейся воды из святого источника.

Я знаю, что и Валя не единожды приезжал в Тихонову пустынь, чтобы снова вернуться в свое детство. Теперь он уже

никогда сюда не приедет. Вот с такими грустными мыслями я возвращался в город. Еще я подумал, что в свои десять лет мы с Вале́й были сильны и телом, и духом, коли смогли пешком одолеть такой неблизкий путь.

Пережитое приключение окончательно сдружило нас с Вале́й.

*Друзей не покупают,
Друзей не продают.
Друзей находят люди,
А так же создают.*

А волнения, связанные с поиском пропавших сыновей, очень сблизили наших мам, но задушевыми подругами они станут позже, уже после войны.

Через 33 года о том времени Вале́я напишет:

*С тобой мы дружили, как дружат мальчишки:
Сражались и спорили без передышки.
Бывало, лишь только сойдемся с тобой,
И сразу у нас начинается бой.*

*Опять в рукопашной иль шахматной схватке
Друг друга спешим положить на лопатки.
Где меч отсверкал, там покатится мяч.
Ликуй, победитель! Поверженный, плач!*

*Нам эти сражения не надоели,
Хоть каждый сто раз погибал на дуэли.
Зато сохранили мы дружбу свою.
Еще бы! Она закалилась в бою.*

К сожалению, мы с Вале́й учились в разных школах. Если я с 1-го по 4 класс учился в 14 начальной школе, то Вале́ю, по приезду в Калугу, родители определили в 10 школу Московско-Киевской железной дороги, располагавшейся в здании бывшего Екатерининского городского училища и переименованную в 1961 году в 14 общеобразовательную среднюю школу. Поэтому его

школьная жизнь мне мало известна. Но знаю, что он всегда был круглым отличником.

Наш двор был шумен и весел, а ребячья компания, Вадимова ватага, как назовет её Вале́я в стихотворении «Кесарь», – озорной, легкой на подъем, способной на всяческие выдумки и проказы. И, конечно, Вале́ю, который и сам был большим фантазером и выдумщиком, всё в нашем дворе импонировало, всё было интересно.

С чьей-то легкой руки (не Шеленговских ли) Вале́я за свои очки сразу же получил прозвище «Косой», что Вале́ю совершенно не смущало.

А здесь мне дали прозвище Косой.

За то ль, что близорук и вечно щурюсь...

Вале́я очень легко вписался в нашу ребячью компанию и очень скоро стал «своим» не только в нашей семье, но и в нашем дворе. Его приняли без каких-либо розыгрышей и прочих «штучек», которым подвергали новичков. Розыгрыши были разными, например, такой: один из аборигенов чем-либо отвлекал новичка, другой абориген в это время становился сзади новичка на карачки. Новичок получал толчок в грудь и под всеобщий смех падал кувырком через стоящего сзади него на карачках мальчишку. Обиды при этом всерьез не принимались, а только подзадоривали на новые розыгрыши. Разыграть могли и своего. Доставалось обычно тем, кто не понимал шуток, слыл маменькиным сыночком или проявлял жадность.

*Улица Карла Либкнехта
(ныне Московская у 14 школы) 1934 г.*

Существовало такое неписаное правило: если кто-то из ребят выходил на улицу с куском хлеба или пирога, а кто-то другой, обращаясь к нему, восклицал: « Чур, пополам!», то первый должен был своим куском поделиться со вторым, иначе можно было прослыть жадиной–говядиной. Жадине–говядине, впрочем, как и маменькину сыночку или непонимающему шуток, во время купания на речке трусы или майку могли завязать узлом, намочить в воде и посыпать узел песком, а потом со смехом смотреть, как тот мучается, развязывая узел. Могли сделать и более обидную пакость, – мастаки на всякие выдумки имелись. Еще такому могли дать оскорбительное прозвище, от которого трудно было избавиться. Всего этого Валя избежал. Было в нём что-то такое, что не позволяло его обидеть, зло над ним подшутить. Кстати, он не был ни маменькиным сыночком, ни жадиной и любил шутку.

Уместно будет упомянуть, что Валя по своему умственно-му развитию и воспитанию был на голову выше мальчишек нашего квартала. Это превосходство могло стать раздражителем, причиной неприязни: ведь не каждый любил, чтобы кто-то рядом был умнее. Но Валя не был выскочкой, не выпячивал своих достоинств, не кичился своим умом, не демонстрировал своего превосходства, наконец, не пытался взять под сомнение сложившиеся уличные авторитеты. Всем, с кем он общался, он был интересен своими знаниями, начитанностью, остроумием, а также тем, что умел выдумывать интересные игры и рассказывать интересные истории.

В те игры, в которые мы играли, теперь уже не играют. Кто из теперешних детей знает такие игры как «испорченный телефон», «чижик», «салки» или «штандер». Незаслуженно забыта старинная русская игра лапта.

*О радость жизни, детская игра!
Век не уйти с соседнего двора.*

*За мной являлась мать. Но даже маме
В лапту случалось заиграться с нами.*

Наши игры развивали силу, ловкость, смекалку, и мы не испытывали недостатка в движении, чем страдают теперешние дети. Играли мы, конечно, не только в лапту или в прятки, но и во многие другие игры, и, безусловно, в войну, как и все мальчишки. Деревянные копья и мечи, фанерные щиты, шлемы-шишаки, склеенные из бумаги. И вот дружина идет на дружину: «Иду на вы!» – кричали мы воображаемому противнику, подобно Великому князю киевскому Святославу.

*На лбу бывали шишки,
Под глазом фонари.
Уж если мы – мальчишки,
То мы – богатыри.*

А кто из теперешних детей играет в чехарду (это слово, в лучшем случае, знают в его втором значении) или делает кучу-малу?

*Вдруг на кого-то причуда нашла:
– Куча мала!
Бой! Нападение из-за угла!
Куча мала!*

Такая причуда чаще всего находила на нашего дворового живчика Мишку-Кукарачу. Он вообще любил игры, в которых можно было проявить ловкость и силу: с кем-нибудь побороться или побежать взапуски. Положить Мишку-Кукарачу на лопатки или догнать его при игре в догонялки никто из нас не мог, а в игре-возне, как называют кучу-малу, он всегда оказывался сверху.

Бороться или делать кучу-малу в нашем дворе – милое дело. Летом двор обильно зарастал мягкой травой, упадешь – не ушибешься. А когда пройдет дождь – луж в траве не видно.

Так славно бегать по траве босиком, разбрызгивая воду, и во все горло кричать:

*Илья Пророк!
На печи промок.*

*Или
Дождик, дождик, перестань!
Я поеду в Аристань...*

Эту песню-заклинание, наверное, знала вся детвора нашего поколения, даже Валя упомянул её в своих воспоминаниях. Да, то было время, когда мы не знали слова экология и беззаботно шлёпали по лужам, играли под дождём, а во время рыбалки или купанья утоляли жажду прямо из реки.

Были у нас и игры «на интерес», то есть на деньги: в орлянку («орёл или решка»), в «расшибаловку», в «пристенок», а мальчишки постарше играли в карточную игру «очко». Мы с Валею этих игр избегали. Ещё играли в свайку и даже в крокет. Большой продолговатый ящик с деревянными шарами и молотками хранился у нас в сенцах. Большое распространение среди мальчишек имела игра в жоску. В нашем дворе чемпионом этой игры был, конечно, Мишка-Кукарача. А мы с Валею освоить жоску не сумели. Что такое жоска теперешние школьники не знают, а когда-то жоска была очень распространённой среди мальчишек игрой. В «Энциклопедическом словаре российской жизни и истории» указано, что в Сибири жоской называли детскую игрушку, волан, мяч с перьями, который подбрасывали ногой. Так что, по всей видимости, эта игра пришла к нам с Востока. Жоска, в которую играли наши мальчишки, представляла из себя кусочек овчины с расчесанными на стороны длинными клочьями шерсти и прицепленным к коже свинцовым грузиком. Во время игры жоску подбрасывали боковой стороной ступни, ею же подхватывали и снова подбрасывали вверх. Победитель тот, кто сделает самое большое число ударов и дольше

всех, не уронив, удержит жоску в воздухе. Хорошая жоска — вещь ценная, сделать её непросто. Надо, чтобы шерстяное обрамление было легким, но плотным и помогало жоске мягко планировать. А грузик следовало отрегулировать для ровности полета.

Жеребьевка при играх проводилась с помощью считалок. Их было множество, вот одна из них:

*Аты-баты, или солдаты,
Аты-баты, на базар.
Аты-баты, что купили?
Аты-баты, смовар.
Аты-баты, сколько стоит?
Аты-баты, три рубля.
Аты-баты, кто выходит?
Аты-баты, это я!*

Играли мы не только у нас во дворе или во дворе соседнего дома, но и на улице. Там, на улице, на которой почти не было никакого движения, мы запускали монахов и змеев. И то, и другое изготавливалось своими руками. Сделать монаха просто: лист бумаги складывался особым образом, к нему привязывался хвост из мочала и несколько метров ниток — и монах готов к полету. Но монаха выше крыши не запустишь. Другое дело змей. Сделать змея, чтобы хорошо летал, — уже искусство. Бумага для него нужна плотная, ещё нужны дранки от фанеры, мочало для хвоста и катушка крепких ниток. Запустить змея на улице, которую сплошь пересекают электропровода, дело тоже непростое, о чем свидетельствовали висевшие на этих проводах останки потерпевших крушение змеев и монахов. В ветреную погоду над городом летал не один змей, в Калуге любили этим заниматься.

*И здесь мой змей над крышами летал,
Клочок газеты, машущий рогожею.*

Это в родном Вале Мещовске. Но и в калужском небе летал Валин змей.

Летом наши игры неожиданно прерывались чьим-нибудь призывом: «Пошли купаться!» Шумной, горланистой оравой мы шли к Яченке.

*Купаться... Нет, не на Оку. Туда
Нас через центр родители водили.
В сандаликах мы шли, в носочках белых,
Как будто не к реке, а к строгой тете.
На Яченку! К ней можно босиком.
Она – свой брат. Она, как собачонка,
Знай, лижет травянистый бережок.*

Путь к Яченке был довольно долгим, но нас это не пугало. От Валиного дома по улице Герцена надо было идти до Пятницкого кладбища. Там повернуть на улицу Труда и мимо топей моего прадеда идти до пивзавода Фишера. От него – к Симеонову городищу (по имени князя Симеона Гордого, внука Ивана Калиты; тут, по преданию, стояли крепость и его дворец), а дальше – к давно заброшенному татарскому кладбищу. За кладбищем, с горки, открывался чудесный вид на яченскую пойму и находящуюся за ней сине-зеленую стену калужского бора. Из-за этой стены бора и вытекала Яченка. Справа от реки, на взгорке, был виден пригородный поселок Подзавалье, бывшая слобода. Какое звонкое название, и историческое: Под-за-валье! Своим возникновением слобода Подзавалье была обязана находившемуся рядом с ней Лаврентьевскому монастырю. В дореволюционное время большая часть жителей слободы занималась сапожным промыслом. В 20-х годах Подзавалье именовалось как пригородный поселок «Коммуна Труда». Теперь Подзавалье находится в черте города.

В Подзавалье мы, мальчишки, не ходили – там хулиганистые ребята могли чужого и поколотить. А на речке все равны

и никакого антагонизма между купальщиками не замечалось.

Купались мы в том месте, где угол бора примыкал к речке. Там высокий обрывистый берег и с него было хорошо нырять в воду. Быстро скидываем с себя майки и трусы, и один за другим прыгаем в воду. Плавать мы уже умели. И я, и Валя освоили это дело после окончания второго класса школы. Плавали, конечно, по-собачьи:

*Хватило мальчишеских сил.
Я речку мою переплыл.
И вот я на том берегу!
Зубами стучу на бегу.*

Плаваем и барахтаемся в воде до посинения. На берегу долго прыгаем на одной ноге, вытряхивая из ушей воду, греемся у кем-то разожженного костерка. Наблюдаем, как несколько мальчишек ловят рыбу бельевой корзиной.

Бельевая корзина – не местное ли это изобретение. Её плели из ивовых прутьев прямоугольной формы. Делали корзину вместительной, носили её на лямке через плечо. Бельевая – потому что женщины носили в них белье полоскать на речку. Использовали и для других целей, например, для сбора грибов, и при удачной «тихой охоте» хвастались: собрал грибов целую бельевую корзину – бельевая корзина служила мерой успеха.

Обсохнув и согревшись, опять всей оравой идем вдоль берега вглубь знаменитого Калужского бора.

Несколько слов о боре. Первое упоминание о нём датировано 1626 годом. Он занимает площадь в 1044 га, возраст большей части растущих в нем сосен 180-200 лет, а отдельных деревьев (188 сосен) – от 300 до 350 лет. В бору был убит ставленник польских интервентов Лжедмитрий II, а на северной опушке бора были погребены французы, погибшие во время войны 1812 года («французские могилы»). Постановлением Госкомэкономики РСФСР № 16 от 12 мая 1991 г. Калужский бор, как редкий при-

родно-исторический объект, находящийся в черте г. Калуги, был объявлен памятником природы России.

На опушке бора растут одинокие, тоже столетние, сосны с толстыми стволами и раскидистыми кронами. На одной из них была прикреплена табличка, на которой был отмечен уровень подъема воды в Оке во время весеннего половодья в 1908 году. Это было самое крупное наводнение за последние 200 лет, 25 апреля вода поднялась на 25,5 аршина (16,77 метра), что и было указано на той табличке, вряд ли она сохранилась. Во время наводнения вода затопила близкие к реке улицы Салтыкова-Щедрина, Воробьевку и Смоленку. По Калуге можно было кататься на лодке. От наводнения пострадали многие дома, в том числе и дом Циолковского на бывшей улице Коровинской (теперь там музей). Отметки об уровнях подъема воды при разливах имелись и в других местах. На ближнем к реке доме на Воробьевском спуске (бывший склад купца Иванова) эти отметки располагались под самой крышей. А у бывшей водокачки в районе улицы Зелёный крупец в 1932 г. после разлива была установлена

На лодке к Казанской церкви.

специальная табличка с указанием уровня воды в 1931 и 1932 г.г. Долгое время на стене одного из корпусов завода КЭМЗ можно было увидеть табличку с указанием уровня подъема воды в Оке 1908, 1931 (15,44 м.) и 1970 (15,25 м.) годов.

В бору нас ждут заросли черники и родник. Вокруг родника – земля в рыжих пятнах, по-видимому, в воде много железа. К черничнику идем вдоль берега Яченки. На другом её берегу

подзавальские женщины полощут белье, колотят его вальком на плоском камне:

Старуха белье полоскала.

Вальком колотила она.

Еще дальше совсем тихое и укромное место. Там женщины купаются нагишом, моют детей. Те из них, что моложе, завидев нас, прикрываются руками, или поворачиваются к нам задом, что постарше – не обращают на нас внимания. Мы – тоже, многие из нашей детской компании почти до самой школы ходили в баню с матерями, и наготой женского тела их не удивишь.

Доходим до черничника, горстями едим ягоды и с черными от ягод ртами возвращаемся домой. Время обеда давно уже прошло, но не припомню, чтобы нас уж очень ругали за опоздание.

Став постарше, купаться ходили уже на Оку. Путь к Оке – не ближе, чем к Яченке, но зато прямой, без поворотов: от дома Берестовых по улице Герцена до церкви Жён-мироносиц, от неё – по улице Марата мимо мясных рядов, «Собачьего скверика», Давингофских бань до Каменного моста, а от него по левому склону Березуйского оврага до Оки. Внизу, в овраге, видны многовековой дуб – ровесник Калуги и полуразрушенная часовня «Здоровец», от неё брал начало ручей Березуйка, вода которого в прежние времена считалась целебной.

Ока глубже, там городской пляж. На пляже – публика разношерстная, и не только калужская, но и приезжая. Купаться тут без трусов уже нельзя. Купались в тех же трусах, в которых бегали по улице, длинные штаны в нашем возрасте носили еще не все.

Плавки, трусики для плавания, были тогда редкостью, однако, мальчишки постарше – голь на выдумки хитра – находили выход из положения. Покупались два пионерских галстука, концы обеих галстуков, что с прямыми углами, сшивались вме-

сте, а концы галстуков с острыми углами завязывались на бедрах. Получалось здорово.

С появлением Вали наши игры стали интереснее и разнообразнее. Игры Валя придумывал сам, для этого ему достаточно было прочесть какую-нибудь книгу или прослушать радиопередачу для детей. Детские передачи по радио были ежедневными, но радио имелось еще не у всех. В нашу квартиру радио провели в середине тридцатых годов. Репродуктор в виде большой черной тарелки (их показывают в кинофильмах о довоенном времени) еще не был приобретен. Поэтому в розетку были включены обычные радионаушники, оставшиеся от маминого брата дяди Коли, который в молодости мастерил детекторные радиоприемники. Наушники были прикреплены воском к граммофонной трубе, сохранившейся после пожара. Труба, из-за её громоздкости, размещалась за зеркалом, висевшем в простенке между окнами. Вот эту трубу мы и слушали. Слышимость была слабой и, чтобы лучше слышать, нам, при нашем росте, приходилось вставать на стул. У Берестовых радио еще не имелось, и Валя прибегал к нам, чтобы послушать очередную интересную передачу, а интересными они казались нам все за малым исключением, так что, можно утверждать, что в то время мы страдали радиоманией. А слушали мы всё подряд: русские народные песни в исполнении очень известных и всеми любимых певиц Ольги Ковалёвой и Лидии Руслановой, оперные арии в исполнении таких корифеев оперной сцены, как Пирогов, Козловский, Лемешев, Барсова, Нежданова. Не оставался без нашего внимания и «Марш энтузиастов» Исаака Дунаевского на слова Анатолия Д`Актиля из кинофильма «Светлый путь» с его припевом, который нам очень нравился:

*Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесём через миры и века!*

Слушали мы и трансляцию выступлений русского народного хора имени Пятницкого. Хор был очень популярен, его репертуар составляли как русские народные песни («Ох ты степь широкая...», «Как родная мать меня провожала», «Коробейники» и многие другие), так и идейно выдержанные песни, прежде всего, о социалистическом преобразовании деревни:

*Вдоль деревни от избы и до избы
Зашагали торопливые столбы.
Загудели, заиграли провода, -
Мы такого не видали никогда,
Чтобы радость подружилась с мужиком,
И у каждого звезда под потолком.*

Это про электрификацию деревни. Или о колхозной жизни:

*Косилка, молотилка, сортировка, веялка.
А за трактором идет рядовая сеялка.*

Исполнял хор и патриотические частушки из колхозной жизни. Само собой разумеется, что в репертуаре хора главенствующее место занимали песни, прославлявшие советских вождей (за этим, надо полагать, весьма строго следила партийная цензура): «Величальная И.В.Сталину» (Величаем мы сокола, что всех выше летает...), «Два сокола» (о Ленине и Сталине), славили и других вождей – Молотова, Калинина.

Слушали мы и трансляции оперных спектаклей: «Риголетто», «Запорожец за Дунаем», «Руслан и Людмила». Содержание пушкинской сказки «Руслан и Людмила» мы хорошо знали, и было интересно слушать, как Руслан пел: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» А голова вопрошала многоголосым басом: «Кто здесь блуждает? Пришлец безрассудный, прочь! Не тревожь позабытых костей!»

Конечно, слушали мы и передачи для детей, что не проходило для Вали даром: детские передачи он частенько использо-

вал для придумывания новой игры. Помню, как изо дня в день шла передача о похождениях возмутителя спокойствия Хадже Насреддине, затем о Старике Хоттабыче и его друге Вольке и, наконец, о трех мушкетёрах. У мушкетёров была песенка, слова к которой были написаны в 1940 году автором известной «Гренады» Михаилом Светловым для пьесы «Двадцать лет спустя». Музыку к словам написал Марк Карминский, которому тогда было всего 10 лет.

Песенку мы сразу запомнили:

*Трусов плодила наша планета.
Все же ей выпала честь:
Есть мушкетёры! Есть мушкетёры!
Есть мушкетёры! Есть!*

Валя тут же придумывает игру в мушкетёров. Из палок, найденных в огороде, изготавливаются шпаги – главный атрибут мушкетёров, в головные уборы вставляются перья – это мушкетёрские шляпы, пальтишки, накинутые на плечи, застегнуты на одну верхнюю пуговицу – это мушкетёрские плащи:

*Плащ – героический наряд.
Какое счастье – в плащ одетым
С копьем, с мушкетом, с арбалетом
Скакать куда-то наугад,
Чтоб развивался плащ при этом,
Как знамя, шумен и крылат.*

Желающих быть мушкетёрами – хоть отбавляй. Кто-то становится Атосом, кто-то Портосом, а кто-то Арамисом, Валя, конечно, – Д'Артаньяном. Мы вскидываем шпаги вверх и громко поем: «Есть мушкетёры! Есть мушкетёры! Есть мушкетёры! Есть!» Во время игры случались и происшествия, об одном из них я упоминаю в своём письме к Вале от 2.02.1945 года (№ 8).

А вот рождение еще одной игры. Добираемся до библиотечки моего отца. В ней среди дешёвых выпусков о похождениях

сыщика Ната Пинкертона, других книг, обнаруживаем томики Фенимора Купера в цветных, тиснённых золотом, обложках. Это книги о приключениях Кожаного Чулка. У Вали загораются глаза, разрешение на прочтение книг получено, и запоем, одну за другой, мы читаем, нет, проглатываем книги о славном охотнике Натаниэле Бампо. На этот раз Валя придумывает игру в индейцев. Вместо мушкетерских шпаг теперь в руках у нас луки, в головах – снова перья. Кто-то из ребят – Чингачкук, кто-то – Соколиный Глаз, а кто-то – Следопыт.

*Индейцем он проснулся. Всем привет!
Он – Чингачкуку брат и Гайавате.*

Слушаем радио о событиях на Дальнем Востоке: конфликт с японцами на озере Хасан в 1938 году, а затем, в 1939, – военные действия на реке Халкин-Гол. Из Монголии возвращается дядя Серёжа, мамин двоюродный брат. Он участник боев с японцами и рассказывает много интересного. Впервые слышим фамилии комкора Штерна (в 1941 году был безвинно арестован и расстрелян) и нашего земляка комкора Г.К. Жукова. Оба за разгром японских агрессоров получили звание Героя Советского Союза.

И опять новая игра – в войну с японцами. Но самураями никто не хочет быть. Самураем мы делаем Кольку-верхового и берем его в плен.

Война в Испании. Слушаем по радио сводки о боях между интернациональными бригадами и мятежниками. Мы знаем, кто такая Пассионария, и что означает «No pasaran!» Реакция побеждает, и в Калуге появляются испанские дети:

*А была эта встреча из встреч!
Перед детским сеансом, в буфете,
Слышу вдруг иностранную речь,
Обернулся: испанские дети!*

В 1937 году Советский Союз принял три тысячи детей, эвакуированных из Испании. В то время в Испании бушевала

гражданская война. То, что рассматривалось лишь как временное прибежище, стало для многих детей постоянным домом.

Испанские дети проживали в детском доме в селе Ахлебино, располагавшемся в 14 километрах от Калуги, на правом берегу Оки, в полукилометре от трассы Калуга – Тула. В XIV-XV в.в. владельцами Ахлебино были князья Охлябины. За годы своего существования Ахлебино много раз меняло своих хозяев, в XIX веке оно перешло к Коншину, серпуховскому пароходчику, хозяину текстильных, сахарных и других фабрик. Сейчас в Ахлебино размещено одно из медицинских учреждений области.

Испанские дети проживали не только в детдоме под Калугой, но еще и в Обнинске в детдоме № 5 (ныне – главный корпус Физико-энергетического института). Там было размещено 500 детей в возрасте от трех до пятнадцати лет, родители которых воевали против фашистского режима. В октябре 1941 г., в связи с оккупацией этих земель немецкими фашистами, испанские дети вместе с воспитателями были эвакуированы вглубь страны. Большинство старших испанцев ушли на фронт, где воевали в рядах Советской Армии, 21 воспитанник детдома погиб на войне. После ее окончания многие испанцы, получив образование, уехали домой в Испанию, а часть стала гражданами СССР. В 2013 году испанскому детскому дому исполнилось 75 лет. В сквере напротив дома №1 по проспекту Ленина, в котором проживали воспитатели и преподаватели, учившие испанских детей, в честь испанского детского дома установлен мемориальный камень.

Мой отец на горкомовской машине везет нас в Ахлебино на встречу с испанскими детьми. В лагере нам что-то рассказывают и показывают, а затем ведут на футбольный матч. Испанцы – хорошие футболисты, и мы видим, что это действительно так. После матча испанские дети смешались с приехавшими

гостями. На испанцах республиканские кумачовые шапочки – пилотки с кисточкой впереди. Скоро мода на них появилась и в Калуге, и многие дети щеголяли в таких шапочках-пилотках.

А у нас – опять новая игра, теперь – в республиканцев:

*Только не в испанских детей,
А во взрослых испанцев играли.*

В 1939 году Советский Союз развязал войну с Финляндией, но в эту войну мы не играли.

Зимой жизнь в нашем дворе уже не такая бурная, но она продолжается. Зимой – коньки, лыжи, игра в снежки, штурм снежной крепости.

После уборки снега с тротуара вдоль него вырастают высокие сугробы. По их верхушке можно гуськом идти на лыжах и своими лыжами наступать на лыжи идущего впереди, отчего тот падает. Это вызывает смех.

На коньках катались на проезжей части улицы по утопанному санями и автомашинами снегу. Коньков на ботинках у наших ребят не было. Не помню, какие коньки были у Вали, у меня – так называемые «снегурочки». Посредством веревки с палочкой их прикручивали к валенкам. В валенках чувствуешь себя устойчивее, увереннее. Наиболее шустрые ребята крючком из проволоки цеплялись за проезжавшие сани и так катились, пока не заметит возница, да не огреет кнутом. А если на улице показывался грузовичок, то цеплялись за него:

*В синем сладостном чаду
Мимо нас машина мчится.
Шесть мальчишек на ходу
Успевают прицепиться.*

В оттепель, когда снег лепится, во дворе строили снежную крепость. Помню, как большой ребячьей оравой мы шли на штурм такой крепости. В крепости находился единственный

защитник – Лёсик Чудов. От нападавших он яростно отбивался снежками.

С сестренкой Элой.

В 1937 году родилась моя сестра Эла. И мне было вменено в обязанность ходить для неё в детскую молочную кухню за молоком, кефиром и кашкой. Называлось это коротко: идти за питанием. Потом, в 1939 году, родился мой брат Виталий, и походы за питанием продолжились уже для него.

Конечно, Валя, как друг, разделял со мной эту обязанность. Не раз бывало так, что в самый разгар наших занятий вдруг слышалось бабушкино: «Пора идти за питанием».

Игра прерывалась, хочешь – не хочешь, а идти надо. Нам вручалась корзиночка с пустой посудой, и до кухни её нёс Валя, а с кухни, с наполненной посудой, – уже я.

Через много лет, приехав в Калугу и застав у нас дома Элу, к тому времени уже замужнюю даму с двумя детьми, Валя шуточно упрекнул её словами, заслуживающими улыбки: «Ты нам с Вадимом своим питанием испортила всё детство».

Летом при плохой погоде, но чаще в зимние дни, мы с Валею находили занятия у нас дома. Прежде всего – игра в шахматы. Мой отец был большой любитель шахмат, играл он обычно с дядей Лёней Гусаровым, но играл и с Валею, и находил в нём достойного противника. До появления Вали в нашем доме я не проявлял большого интереса к шахматам, но с его появлением и мне захотелось овладеть этой древней игрой, содействующей, как говорили, развитию умственных способностей, памяти, творческого мышления. Я не хотел отставать от Вали, правила

игры освоил быстро, и вскоре в моем лице у Вали появился еще один напарник.

*Садилась мы за шахматы, бывало.
Одной доски стратегам было мало.
И гордая отточенная рать
Судьбою человечества играть
Спускалась на пол, в мир простых игрушек,
Корабликов, коробок и катушек.*

Так случалось довольно часто. Когда нам надоедало ставить друг другу «мат» (чаще Валя – мне, чем я ему), шахматные фигуры снимались с доски, и игра продолжалась уже по всей квартире.

В нашем дворе никто из ребят в шахматы не играл, и, если дело было летом, мы с Валею отправлялись в парк Культуры и отдыха, где находился шахматный павильон, в котором собирались шахматисты-любители со всего города:

*В зелени детского парка,
В шахматном павильоне
По столикам в крупную клетку
Зигзагами ходят кони.*

Там, в павильоне, я не решался сесть с кем-либо за столик. Ребят моего возраста, с кем я мог бы сразиться на равных, не было, и по этой причине я лишь наблюдал за игрой какой-нибудь пары шахматистов. А Валя подолгу терпеливо ждал, когда кто-нибудь из взрослых обратит на него внимание и, не имея напарника, снисходительно спросит: «Хочешь сыграть?» Валя тут же соглашался. Быстро расставлялись фигуры, разыгрывалось, кто играет белыми, и сражение начиналось, а я из наблюдателя превращаюсь в болельщика. После первых же ходов становилось ясно, что Валин противник пытается поставить ему «детский мат», но не тут-то было, Валя разгадывает его замысел

и выстраивает оборону. Подолгу обдумывая каждый очередной ход, Валя из обороны переходит в атаку, ставя в тупик своего противника. Насколько могу вспомнить, Вале не раз удавалось обыгрывать взрослых шахматистов, что ему очень льстило, а меня приводило в восторг – знай наших!

Летом, в левом крыле парка, раскидывал свой шатер цирк шапито. Рассказывали, что раньше на этом месте стоял летний театр, но он сгорел. В цирк мы ходили на дневные представления. А на вечерних представлениях уже стареющий Иван Поддубный клал на лопатки своих противников. Ивана Поддубного знали все, и нам с Валею очень хотелось увидеть знаменитого борца. Мы подолгу бродили возле цирка, надеясь на случайную встречу. Чемпион чемпионов Иван Поддубный имел огромную популярность. Начав карьеру выступлениями в цирке, как атлет-гиревик, он стал впоследствии профессионалом классической (французской) борьбы, и за 40 лет выступлений не проиграл ни одного чемпионата. В 1945 году, на 75 году жизни, был удостоен звания заслуженного мастера спорта СССР и ордена Трудового Красного Знамени. Мало кто знает, что еще в 1911 году Поддубный был награжден орденом Почётного легиона. Когда Поддубный приезжал в Калугу с цирком, ему было далеко за шестьдесят, и он уже не выступал на чемпионатах, а являлся просто цирковым артистом. Поддубного, к сожалению, нам так и не повезло увидеть.

Шахматный павильон или цирк – не такие уж частые развлечения. Основным и постоянным развлечением являлось, конечно, кино. В те довоенные годы каждая новая «картина» – целое событие. Появления нового фильма на экранах кинотеатра «Ударник» или «Центральный» нетерпеливо ожидали. Кинотеатр «Центральный» (еще его называли «звуковой кинотеатр») был открыт 1 января 1935 года. В те годы его строительство имело большое идеологическое значение: ему отводилась роль

мощного орудия культурной революции. Здание кинотеатра было построено с учётом последних достижений в архитектуре.

В нём были большой зрительный зал с большим же экраном, огромное фойе, танцзал, эстрада и даже вешалка. Перед сеансом можно было послушать музыку и потанцевать, так что зрители могли не только посмотреть кино, но, в ожидании начала сеанса, культурно и весело провести время. Здание кинотеатра было построено в стиле новой эпохи с прямоугольной башней возле входа. Глядя на эту башню, я не раз задавался вопросом, имеет ли она какое-нибудь функциональное значение и приходил к ответу, что, скорее, не имеет, а является просто архитектурным излишеством. Много позже я узнал, что по задумке авторов проекта здание кинотеатра должно было возвышаться над всем окружающим и, в частности, над бывшим купеческим особняком Ракова.

В те годы демонстрация нового фильма продолжалась целую неделю, а иногда и дольше, однако многие, в числе которых были и мы, в нетерпении спешили увидеть фильм в первые же дни его выхода на экран. Билет на детский сеанс стоил тогда 30 копеек. Теперь можно только удивляться, как один и тот же фильм мы могли смотреть по многу раз. Спроси тогда любого из мальчишек, сколько раз он видел «Тринадцать», «Чапаева», «Мы из Кронштадта», «Истребители», «Трактористы», «Ошибка инженера Колчина», в ответ услышишь, что три, четыре, пять,

Кинотеатр «Центральный». Впереди трибуна с которой при открытии кинотеатра выступал перед калужанами будущий легендарный маршал С. М. Будённый. 1934 г.

а то и больше раз. Для того времени это и не удивительно, Сталин, например, посмотрел «Чапаева» 38 раз (прочитал об этом в какой-то газете).

Мы, дети тридцатых годов, застали еще немое кино. Всемирно признанного эйзенштейновского «Броненосца Потемкина», протозановские комедии «Закройщик из Торжка» и «Праздник святого Йоргена» с Игорем Ильинским, фильм-фантастику «Аэлиту» по мотивам романа А.Н.Толстого тоже Протозанова (роль Ихощки, служанки Аэлиты, в нём исполнила калужанка Александра Перегонец, во время войны погибшая в Крыму от рук фашистов), «Рваные башмаки» Маргариты Барской и многие другие фильмы мы смотрели под музыку тапера:

*Помнишь звуки немого кино?
Аппарат так уютно стрекочет,
Зритель ахает. Зритель хохочет.
Зритель, титры, читая, бормочет.
Он с актером сейчас заодно.
И грохочет во тьме фортепьяно...*

Содержание любимых фильмов «Чапаев» с Борисом Бабочкиным, «Трактористы» с Петром Олейниковым, «Истребители» с Марком Бернесом, «Волга-Волга» с Любовью Орловой и Игорем Ильинским, «Подкидыш» с Фаиной Раневской и Риной Зеленой и других мы знали почти наизусть. Песни из фильмов пела вся страна, а крылатые фразы, произносимые киногероями, повторяли все мальчишки. А игра в Чапаева станет любимой игрой ребятни всей страны. Потом, когда эта ребятня вырастет и станет взрослой, про Чапаева, его ординарца Петьку и Анку-пулеметчицу она будет сочинять анекдоты.

После игр, беготни, похода в бор или на речку, усталые и проголодавшиеся, мы шли к нам домой для передышки. Бабушка Клаша зовёт нас к столу выпить толокна (теперешние дети, наверное, не знают, что это за напиток) или откусать дерунов.

В меню нашей семьи деруны появились случайно. Впервые я попробовал их у Шеленговских. В многодетной семье Шеленговских не было разносолов, но зато были деруны. Деруны мне очень понравились, и однажды я попросил бабушку, чтобы она их нажарила. Бабушка была отменной кулинаркой, но о существовании такого блюда – деруны, понятия не имела, и за их рецептом пошла к Шеленговским. С тех пор деруны заняли достойнейшее место в нашем меню.

От толокна и от дерунов мы с Валею не отказываемся. Бабушка быстро трёт на тёрке несколько картофелин, разжигает примус и жарит нам деруны. Мы с аппетитом их поглощаем, запивая толокном.

На праздники бабушка Клаша пекла пироги. У Берестовых их не пекли, у них не было для этого условий. Печь пироги – это тоже праздник. Вот когда оживала наша русская печь. Следить за процессом приготовления пирогов было очень интересно. Бабушка замешивала тесто, а нас посылала в сарай за дровами, наказывая, чтобы принесли берёзовых – от них больше жара. Пока топилась печь, бабушка лепила пироги: с пшенной кашей, с капустой, с мясным фаршем, с повидлом, с творогом, и укладывала их на большие противни. Бабушка священнодействовала с пирогами, а мы, глядя на ее проворные руки, вспоминали тех пекарей, которые лепили баранки. Здесь нас никто не гнал, и мы чувствовали себя участниками процесса.

После того, как дрова в печи прогорали, длинной кочергой бабушка сдвигала алые угли в загнетку, освобождая место для противней. Печь большая, вместительная, и в неё помещалось сразу несколько противней. Но вот устье печи закрывается заслонкой, а мы с Валею, чтобы скрасить ожидание, идем играть в шахматы. Наконец, пироги извлечены из печи, они румяны, аппетитны, пышут жаром. Мы получаем по пирогу, и, перебрасывая их с руки на руку, довольные бежим на улицу.

На Пасху бабушка пекла куличи в высоких жестяных формах, а еще делала творожную пасху с изюмом и ванилью. Творожная пасха укладывалась в деревянную раскладную формочку в виде египетской пирамиды. На стенках формочки были вырезаны восьмиконечные кресты, а по бокам у крестов буквы I и X – инициалы Иисуса Христа. Когда пасху извлекали из формочки, кресты и буквы IX выпукло отпечатывались на её боках. И куличи, и пасху можно было откусать по возвращении бабушки из церкви. Мой отец, несмотря на свой атеизм, с аппетитом уплетал и то, и другое, а нам с Вале́й – лишь бы было вкусно.

На этой печи, из которой по праздникам появлялись такие вкусные бабушкины пироги, было наше заветное местечко. Задняя часть печи с лежанкой выходила в маленькую комнатёнку, расположенную за кухней. Там стоял знаменитый бабушкин сундук. Когда в 1941 году мы бежали из Калуги от немцев, бабушка сложила в сундук всё самое ценное, что нашлось в доме. Всё сложенное, вместе с сундуком, и было похищено. На этом сундуке, а чаще на печи, мы с Вале́й и уединялись для наших мальчишеских разговоров. На печи хранились мешочки с сухарями. Это бабушка, наученная голодом 20-х и 30-х годов, делала запасы. Мы сидели на печи, хрустели сухарями и что-то друг другу рассказывали, о чём-то мечтали.

Наши разговоры по своему содержанию были очень разными. Я уже упоминал о том, что мы мечтали дожить до следующего столетия. Еще мы пытались заглянуть в будущее, определить, кем мы станем, когда вырастем. Валя сочиняет стихи, значит быть ему поэтом. А может быть историком, как его отец. Нет, лучше поэтом, как Пушкин или Лермонтов – на меньшее мы не согласны. Однако твердости в Валиных мечтах еще нет. А кем стану я? Наверное, военным. Валя в этом намерении меня поддерживает. Буду танкистом, нет – лучше летчиком. Но определенности тоже нет.

А доживем ли мы до следующего века? И сколько тогда нам будет лет? Мы будем старше, чем наши бабушки (впрочем, моей бабушке Тане было тогда уже за 80 лет).

Нас волновало не только наше будущее, но и то, что нас окружало. Откуда всё это взялось: звери, птицы, рыбы? Как человек стал человеком? Кто сотворил землю, луну, солнце? Нас растили атеистами, и в божественное сотворение мира мы не верили, но и в научных объяснениях нам не всё было ясно, да и кругозор наш не был столь велик, чтобы разобраться во всех этих не простых вопросах. Наш детский разум еще не мог многого постигнуть, а вопросов было много, и мы пытались найти на них ответы. Были и такие вопросы: есть ли жизнь на Марсе, на других планетах? Валя уже успел прочитать «Из пушки на луну» Жюль Верна, делился со мной прочитанным, и реальность путалась у нас с фантастикой. Конечно, мы были уверены, что жизнь на других планетах существует

Валя читал не только Жюль Верна, им были прочитаны такие «взрослые» книги, о которых я прежде еще не слышал, например, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона» А. Доде (кажется, они имелись в домашней библиотеке Берестовых) и другие. Я тянулся за Вале́й и тоже пытался читать «взрослые» книги, но когда спрашивал их в библиотеке, частенько получал отказ: «Читать такие книги тебе еще рановато». Тогда я брался за те, что были дома у нас и у Вали.

Там, на печи, мы обсуждали прочитанные книги.

*...В школе книги,
И дома книги, и с Вадимом, с другом,
Мы то и дело книги обсуждаем.*

Чтение у нас занимало много времени, так что в нашем духовном воспитании участвовали великие педагоги – писатели. Теперь я не помню, какая домашняя библиотека была у Бере-

стовых. В памяти остались лишь толстые книги по истории с прекрасными гравюрами. Книги – дореволюционного издания и мы бережно их листали, чтобы не запачкать.

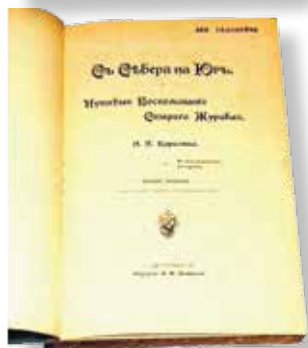
А у нас дома, кроме прекрасного издания сочинений Фенимора Купера, были, конечно, и другие книги. Отец когда-то работал в КОГИЗе (Калужское отделение Госиздата), что давало ему возможность пополнять домашнюю библиотеку.

Когда Валя стал завсегдатаем нашего дома и ознакомился с нашей библиотекой, его очень заинтересовала книга еще дореволюционного издания с ятями и фитами, называлась она «С севера на юг. Путевые заметки старого журавля». Книга была издана в 1899 г. издательством А.Ф.Девриена, С.-Петербург. Ее автором и художником являлся замечательный писатель-натуралист Николай Каразин, живший на рубеже XIX-XX столетий. Книга была написана в форме воспоминаний старого журавля о своём первом перелёте со стаей из Осташковских болот на зимовку в Египет и долгожданное возвращение в родные края на Пасху.

Осташковские болота, где обитали журавли, находились на юге от озера Селигер в Осташковском уезде Тверской Губернии. В 2006 г. эта книга, ставшая библиографической редкостью, была переиздана в Издательстве «Храм святой мучительницы Татианы при МГУ».

Оказалось, что такая же книга имела и у Берестовых, но не сохранилась. Вот что Валя написал о ней в своих воспоминаниях «Светлые силы» в главе «Детство в маленьком городе»: «С книгой («С севера на юг», - ВИП) я по малости лет обошелся дурно. Чер-

ные рисунки меня не устроили, и я их раскрасил, а страницы с «плохими» зверями и птицами удалил. Об этой книжке мама жалела всю жизнь. Видимо, любила её с детства». Как я узнал позже, эта книга досталась Зинаиде Фёдоровне в приданое вместе с серебряными чайными ложками и швейной машинкой «Зингер».

И действительно, книгу нельзя было не полюбить: она была очень интересной и познавательной. В ней от имени старого журавля описывалось путешествие журавлиного клина, летевшего в жаркие страны: что журавли видели во время дальнего перелета, мимо каких городов пролетали, какие звери и птицы, а также живописные и примечательные места им встречались в пути. Кстати, сохранились свидетельства, что эта книга была любима в семье императора Николая II.

Привлекала наше внимание и чудом уцелевшая после пожара годовая подшивка журнала «Нива», кажется, за 1913 или 1914 год, издания А.Ф.Маркса. Что-то было в нашем доме и из литературных приложений к этому журналу. В «Ниве» было много иллюстраций, а также репродукций картин разных художников. Хорошо запомнил одну из них: на картине была изображена красавица в русском наряде, перед собой она держала блюдо с высокой стопкой блинов. Картина называлась «Масленица». Последние страницы каждого журнала были заполнены различной рекламой: чудодейственных эликсиров, исцеляющих многие болезни, докторов, исправляющих бюст, французских корсетов на китовых усах, гадалок и ворожей. Ничего подобного в советских газетах и журналах не было, и мы с интересом читали эти рекламы.

Но самой дорогой и интересной была для нас другая книга. В 1937 году отмечалось 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина, и к этой дате было издано много юбилейных книг, в их числе академическое издание полного собрания сочинений поэ-

та. Это издание я видел у Валиного одноклассника Субботина Сергея, он жил в частном доме на углу улиц Герцена и Баррикад. Когда нам было уже лет по 12-13, мы ходили к Сергею читать Пушкинскую «Вишню». Но речь идет о другом издании. На мой день рождения моя двоюродная сестра, кузина Таня, подарила мне юбилейное издание избранных произведений А. С. Пушкина, издательства «Детская литература. Москва – Ленинград, 1937 год», под редакцией и с комментариями В. Вересаева и с подбором иллюстраций И. Л. Андронникова. В книге был чудесный портрет жены Пушкина Натальи Николаевны, ранее мною не виденный. Теперь эта книга – библиографическая редкость. Но замечательна она не только этим, она замечательна и своей историей. В ночь с 11 на 12 октября 1941 года Калугу оставили наши войска, и в неё вошли немцы. Наша семья покинула город 8 октября с последними эшелонами. Мама, бабушка и я, имея на руках моих маленьких сестру и брата, не могли взять с собой много вещей, только самое необходимое. И все же я не смог расстаться с этой дорогой для меня книгой, и книга проделала с нами тяжелую дорогу в далекие казахстанские степи, сменила вместе со мной не одно место жительства и всегда занимала почетное место в моей библиотеке. В те далекие детские годы эта дорогая для меня книга была прочитана нами от корки до корки. Может быть уже тогда, листая это прекрасное издание, Валя проникся той любовью к Пушкину, которая через много лет подвигнет его к трудам над Пушкинианой. По этой причине эту дорогую для меня книгу после смерти Вали я передал на хранение в Литературный Центр Валентина Берестова при Российской Государственной Детской Библиотеке в Москве.

Интерес к чтению сделал нас постоянными посетителями книжного магазина КОГИЗ, находившегося на улице Сталина.

*Денег мало в семье. Но зато в полутьме магазина
Книжек хоть отбавляй.
«Мойдодыр», «Гулливер», «Буратино» –
Книжный рай!*

Да, в те годы наши родители не могли позволить себе больших трат на книги. «Денег мало в семье». Так оно и было. Достаток у Берестовых был совсем не велик. Зинаида Фёдоровна полностью посвятила себя дому, мужу, детям. Работал только Дмитрий Матвеевич, и много ли он в те годы получал как учитель? Так что никаких неплановых расходов Берестовы позволить себе не могли.

Лариса Васильевна Соколова (Ляля Пчёлкина) в одном из писем ко мне вспоминает об очень примечательном эпизоде из нашего детства, ярко характеризующем материальное положение семьи Берестовых. В летнюю пору Ляля, как обычно, гостила у своей тётки. Однажды в их дворе появился Валя, на ногах у него были резиновые галоши. Увидев удивленно-вопросительный взгляд Ляли, Валя смущенно пояснил, что его сандалии находятся в ремонте и кроме галош обуть ему нечего.

Обстановка в квартире Берестовых была весьма скромной. Никаких дорогих вещей я у них не видел – ни столового серебра, ни сервизов. Чай пили из обычных гранёных стаканов, и в стакан с чаем Зинаида Фёдоровна клала лишь одну ложечку сахарного песка. И даже самовара, обязательного предмета в калужских домах, у них не было, и воду кипятили в обычном чайнике. Мебель у них была очень простенькой, а одежда – ширпотребовская.

Так что далеко не каждая появлявшаяся на прилавках книжного магазина книга, как бы она ни была интересна и желанна, была Берестовым по карману.

И все же на некоторые книги деньги находились. Однажды в книжном магазине появился роман Чарльза Диккенса «При-

ключения Оливера Твиста» в твердом зеленом переплете с иллюстрациями Джорджа Крукшенка. Эту книгу Берестовы не могли упустить. Валя, радостный и возбужденный этим приобретением, прибежал ко мне похвастаться. Во мне взыграла зависть и я, как с ножом к горлу, пристал к маме, чтобы она дала денег на покупку этой книги. Мама не устояла и дала мне нужную сумму, вот и у меня в руках вожденная книга – чем я хуже Вали? Читаем с Валею каждый свою книгу и долго обсуждаем злоключения бедного Оливера.

На носу новый юбилей, на этот раз 100-летие со дня смерти М. Ю. Лермонтова.

*Юбилей приближался, как праздник народный.
Шел тираж к юбилею написанных книг.*

Объявлена подписка на четырехтомник произведений М. Ю. Лермонтова. Санкции от родителей получены, и мы с Валею бежим оформлять подписку. Но, ни одного тома получить не успели.

*И как некогда жизнь твоя, резким ударом
Был оборван твой праздник. Настала война.*

Однако судьба юбилейного издания неожиданно продолжилась, и она по-своему интересна. Окончилась война, настал 1947 год, наша семья проживала по прежнему, довоенному адресу в доме № 82 по улице Пролетарской, и Берестовы жили по прежнему адресу в доме № 74. И вот в один прекрасный день почтальон приносит из магазина КОГИЗ извещение с приглашением выкупить 1-й том сочинений М. Ю. Лермонтова, того самого, юбилейного издания, на которое мы с Валею подписывались в 1941 году. Видимо картотека подписчиков сохранилась, и магазин стал их разыскивать по прежним адресам.

Теперь этот бедно изданный послевоенный четырехтомник также занимает почетное место в моей библиотеке. Насколько

мне известно, Берестовы тоже получили такое извещение и стали владельцами этого четырехтомника.

Поскольку многотомных домашних библиотек наши родители не имели, свою жажду к чтению мы удовлетворяли в основном в школьных библиотеках. Что касается периодики, то родители выписывали для меня журнал «Мурзилку», а когда подрос – сначала журнал «Костёр», а потом «Пионер» и, конечно, газету «Пионерская правда». В «Пионере» в 1937 году печатались «Приключения капитана Врунгеля» Андрея Некрасова, а в «Пионерской правде» – «Тайна двух океанов» Григория Адамова. Когда Валя появился в нашем доме, «Приключения капитана Врунгеля» мною были уже прочитаны, так что с невероятными приключениями славного капитана «Беды» и его верного помощника Лома Валя познакомился позже меня. А поскольку эта юмористическая повесть в журнале «Пионер» была напечатана в сокращенном виде, позже, когда она появилась в полномценном книжном издании, мы с Валею прочитали её еще раз.

И «Костёр», и «Пионер», и «Пионерская правда» прочитывались нами запоем, причём как-то так получалось, что свежий номер журнала или газеты Валя успевал прочесть раньше меня. Позже Валя скажет, что «Костёр» был любимым журналом его детства.

К 85-летию со дня рождения Вали в журнале «Костёр» была опубликована статья «Поэт Берестов – это целая эпоха», в ней приводятся слова Вали, сказанные о журнале: «Я полюбил этот журнал, когда он начал печатать для детей знаменитую «Легенду о Тиле Уленшпигеле» бельгийского писателя Шарля де Костера (де Костер и «Костёр» как-то связались в моём сознании)».

«Легенду о Тиле Уленшпигеле» Валя читал у нас.

Обычно Валя появлялся у нас с вопросом, был ли уже почтальон с очередным номером газеты или журнала. Вспоминается такой эпизод. Когда Валя пришел, моих родителей уже не

было дома – они ушли на работу, и только бабушка Клаша сидела у шумящего самовара с очередной чашкой чая. Чай она пила вприкуску, раскалывая куски сахара специальными щипчиками. От чая Валя сразу же отказался: он увидел свежий номер газеты, схватил её и стал быстро просматривать. Найдя продолжение «Тайны двух океанов», положил газету на диван, и склонился над нею в очень неудобной позе. Он забыл очки, и, чтобы лучше видеть, пальцами оттянул кожу от глаз к вискам, от чего его глаза превратились в щёлочки, но только так он мог читать. Опять Валя прочитает газету раньше меня! Я зову его на улицу, но, увлеченный чтением, он меня не слышит. Раздосадованный, ухожу один, но, ни во дворе, ни на улице еще никого из ребят нет. Послonyaвшись на улице без дела, через некоторое время возвращаюсь домой и вижу Валу за той же газетой, но сидел он уже не на диване, а на полу в еще более неудобной позе. Как он сполз на пол, Валя, конечно, не заметил, он был полностью поглощён невероятными приключениями команды разведывательной подводной лодки «Пионер».

Бабушка Клаша, глядя на Валу, добро улыбается. Ни бабушку, ни меня Валя, увлеченный чтением, не замечал, и я снова ухожу на улицу.

Вглядываясь в те далекие годы, я прихожу к убеждению, что любовью к чтению, к книге, я обязан, прежде всего, моей дружбе с Валей. Я хотел походить на него и быть таким, как он, начитанным, эрудированным. «Всем лучшим в себе я обязан книгам», – говорил Горький. Так о себе могли сказать и мы с Валей.

Валино влияние проявилось не только в пристрастии к чтению, но и в коллекционировании почтовых марок. Среди ребят нашей улицы не было филателистов. Вот, фантики – обертки от конфет – собирали почти все дети, и Валя тоже:

*Собирать я начал в восемь лет,
Фантики – обертки от конфет.*

Но оказалось, что Валя собирал и почтовые марки. Я сразу же заразился этим увлечением. В книжном магазине КОГИЗ продавались не только книги. Там был отдел, который тоже, как магнит, притягивал нас с Валей. Это был отдел коллекционных почтовых марок. Мы подолгу стояли у витрины, рассматривая разноцветные марки в прозрачных пакетиках. Глядели на ценники и подсчитывали свои не очень-то густые сбережения.

*О прекрасная моя марка Эритреи:
Отдыхающий верблюд с лебединой шеей.
Как ни странно, но у стран колониальных
Марок не было тогда скучных и печальных.*

Валина коллекция почтовых марок, и в ней марка бывшей итальянской колонии Эритреи с изображением отдыхающего верблюда, погибла в санпропускнике города Куйбышева, по пути в Ташкент, куда в 1941 году семья Берестовых бежала от войны.

*Только дома мой альбом и фашисты – в доме.
Так и жил бы тот верблюд у меня в альбоме,
Я же в санпропускнике моюсь в Туркестане.
Марки лучшие лежат, словно клад, в кармане.
Вшей в одежках у детей паром жгут горячим.
С ними сгинет и верблюд. Что ж, мы не заплачем.*

Свои марки я тоже утратил и тоже в 1941 году. Немцы были совсем близко, и наша семья срочно покидала Калугу. Тетрадка с моими марками находилась в ящике стола. Ящик заело, и я не смог его открыть.

Через пятнадцать лет я уже всерьёз увлекуюсь филателией и собираю довольно приличную коллекцию марок СССР. Вот оно – Валино влияние. А для Вали филателия так и осталась детским увлечением, марки он больше не собирал.

У Вали есть стихотворение «Бабушка Катя», в нём – последнее четверостишие:

*И с почтеньем спросила,
Склонясь надо мной:
«Не желаешь ли сказочку,
Батюшка мой?»*

В своих воспоминаниях Валя с сожалением отмечает, что не помнит ни голоса бабушки Кати, ни её прибауток, ни её сказок. Это и понятно: с тех пор утекли многие годы.

Однако Валя слушал сказки не только своей бабушки Кати, но и моей бабушки Татьяны Андриановны. Валя был уже не так мал и, возможно, сказки бабушки Тани и её прибаутки помнил, он даже их записывал. Бабушка Таня была интересным человеком, по-крестьянски мудрым и прозорливым. Родилась она еще при крепостном праве, в 1854 году, помнила его и рассказывала, что, будучи маленькой девочкой, пасла барских гусей. На каждый случай у бабушки Тани была припасена пословица или прибаутка. Она ими так и сыпала. Ну, а сказок она знала великое множество. Бабушка Таня родила много детей, в предвоенные годы в живых было пятеро, в том числе мой отец, последний, которого бабушка Таня родила, когда ей было далеко за сорок. Жила бабушка Таня в деревне Песочня и периодически объезжала всех своих детей, гостя у каждого месяцами. В Калугу приезжала сразу к дочери Елизавете и сыну Ивану, моему отцу, а жила в передней половине дома, у дочери. Приезжала обутая в кожаные полусапожки с двумя ушками спереди и сзади, когда-то купленными ей моим отцом. Обувала их из уважения к сыну (не являться же к нему в лаптях), которого считала большим начальником (он работал инструктором горкома ВКП(б), но уважения прибавляло и то обстоятельство, что он был доверенным лицом кандидата в депутаты в Верховный Совет СССР Екатерины Максимовой). В деревне же бабушка Таня ходила в привычных для неё лаптях, поясняя, как бы оправдываясь, что в них ногам удобнее.

От бабушки Тани можно было услышать много интересного. Так, она рассказывала нам, что её бабу, которую звали Пелагея, барин в Туле проиграл в карты, и её привезли в деревню Холмы с куклой в коробочке. Было Пелагее в то время всего 12 годиков, и новый барин, невзирая на юный возраст, отдал её в жены холопу Никитке, будущему деду бабы Тани. А еще бабушка Таня рассказывала, как однажды в лесу она встретила волками. От испуга упала наземь. Волки обнюхали её, помочились и ушли – они были сыты.

Многое другое, что рассказывала бабушка Таня, из-за давности времени уже забылось.

Приезд бабушки Тани нам в радость – значит, будут сказки, вот только нужно поймать подходящий момент. Но две бабушки, две сватьи, долго о чём-то своем разговаривают на кухне, а мы ждем – не дождемся, когда же окончится кажущийся нам бесконечным разговор.

Но вот бабушка Таня уходит из кухни и садится за свою прялку, привезенную из деревни. Сидеть без дела она не может. Прялка старинная, сделанная искусным деревенским мастером. Бабушка Таня ловкими руками сучит из льняной кудели суровую нитку. Потом из этих ниток наткут полотно. Нитка получается ровной, крепкой. Вот бы такую для змея! Но нас интересует сказка, и я начинаю канючить: «Бабушка, расскажи сказку». Бабушка зорко вглядывается в нас. Острое зрение и слух она сохранила до самой смерти, а умерла она в декабре 1946 года, когда ей было уже за девяносто лет. Очень не хотела умирать зимой, боялась, что замерзнет, когда в гробу её понесут на кладбище.

Наконец, хитро улыбнувшись, она говорит: «Сказку хотите, кормильцы? Так слушайте». И мы, раскрыв рты, слушаем очередную сказку. Иногда Валя что-то записывал. Встречались в сказках и неформальные словечки. Помню, как однажды ба-

бушка Таня рассказывала сказку, в которой баба Яга в своей речи употребляла словечко, производное от слова «блуд». Мы удивленно переглянулись – такое слово мы, конечно, слышали и раньше, но из уст пьяных мужиков или мальчишек, считавшихся хулиганами, а тут вдруг слышим от бабушки. Как не удивиться! Однако и у собирателя русских сказок Афанасьева можно найти непристойные сказки. Через много лет я прочитал статью о непристойной лексике, в которой говорилось, что еще в XVIII веке это словечко могло употребляться открыто. Бабушка Таня, не видя в этом словечке ничего непристойного, принесла его в XX век. К тому же, это была сказка, а из сказки, как и из песни, слова не выкинешь.

Какие бы ни были в сказках слова, сказки нас воспитывали:

*Не бойся сказок. Бойся лжи.
А сказка? Сказка не обманет.
Ребенку сказку расскажи –
На свете правды больше станет.*

Вспоминая бабушку Катю и обращенное к нему «батюшка», Валя отмечает, что и сейчас в калужских деревнях можно услышать это «батюшка», обращенное к маленькому ребенку. А вот бабушка Таня обращалась к нам со словом «кормилец». В нас, будущих мужчинах, она видела подрастающих кормильцев семьи. Так что, в калужских деревнях бытовало и другое ласковое слово, обращенное к ребенку – «кормилец».

Бабушка Таня была к нам очень доброй, но если мы её чем-то досаждали, то называла нас уже не кормильцами, а пострелами. «Вот уж надеру вам задницу крапивой, пострелята», – беззлобно говорила она.

Помню, мы играли с Валею в разведчиков. Мы прятались среди густой листвы липы, высматривая противника:

*Сижу на самой верхней ветке,
И чудится, что я в разведке.*

Противник был где-то там, в соседнем чешихинском саду, но нам мешала бабушка Таня, она что-то делала на грядках. Мы тихо сползаем с липы и, чтобы бабушка Таня нас не заметила, по меже ползем по-пластунски к забору, не замечая, что мнем огуречные плети. «Ах вы, пострелята, – подает она голос, – вот я вас крапивой». Она рвет пучок крапивы, натруженные руки бабушки не боятся её ожогов, и, грозя нам крапивой, направляется к нам. Мы поспешно ретируемся, и, забыв об игре, долго недоуменно обсуждаем, почему руки бабушки не боятся крапивы.

Еще помню, как бабушка Таня в разговоре с моей мамой назвала Валею барчуком. О чём они разговаривали, не помню, а слово «барчук» крепко врезалось в память. Уверен, что это слово в устах бабушки Тани не носило негативного смысла. По всей видимости, причиной тому были Валины очки, а возможно, Валин образ ассоциировался у бабушки Тани с кем-то из барских отпрысков из её прежней жизни: вероятно Валя походил чем-то на тех господских детей, которых бабушке Тане доводилось видеть в барских усадьбах. Если и походил, то явно не внешним видом, поскольку одежку Валя носил весьма скромную, о чём можно судить по фотографиям того времени.

Что Валя был поэтом, почти все на нашей улице знали.

*«Поэт! Поэт!» – кричали вслед.
Поэту было восемь лет.*

Но Валя был и хорошим рассказчиком. Быть в центре внимания, не ради каких-то тщеславных побуждений, а чтобы нести в свое окружение слово – это было заложено в Валею уже тогда. Обладая хорошей памятью, будучи начитанным, а еще и фантазёром, Валя без труда мог овладеть вниманием своих слушателей – обитателей нашего и соседних дворов.

*Поселился мальчишка у нас на углу,
И умел он рассказывать сказки.*

Просвещение своих слушателей Валя начал со сказок, прочитанных им в книгах или услышанных от бабушек. А потом, когда запас известных ему сказок иссяк, стал рассказывать выдуманные им самим истории, и это была его первая проза.

Очень скоро Валя стал, как он назвал себя, «сказителем дружинным».

*Не стал я предводителем дружины,
Но сделался сказителем дружинным.
О призраки, пираты, колдуны!*

Вот так, совсем неожиданно, у Лёсика Чудова появился конкурент, но скорее они дополняли друг друга. Обычно набегавшая и наигравшаяся за день детвора собиралась в конце дня на лавочке под окнами нашего дома. В центре Лёсик, а вокруг – все слушатели. Так стали собираться и вокруг Вали. Его, как теперь говорят, рейтинг рос изо дня в день:

*И главное, чего теперь боялись
Отважные приятели мои:
А вдруг историй, леденящих кровь,
Я в сумерках рассказывать не буду.*

Во время одной из таких посиделок, когда Валя рассказывал какую-то придуманную им «леденящую кровь» историю, произошло забавное происшествие. Был теплый августовский вечер, и уже совсем стемнело. Внимание собравшихся ребят было приковано к Валиному рассказу. В тишине этого вечера был слышен только негромкий голос Вали. И вдруг со стороны сада появились две белые фигуры. С визгом и криками «Привидения! Привидения!» все разбежались. Оказалось, что вся эта жуткая сцена была устроена Лёсиком Чудовым и Володей Зиновьевым, подозреваю, что не без сговора с Валею. Лёсик и Володя, надев страшные маски и закутавшись в простыни, проникли в наш сад, а из него – в наш двор. Долго мальчишками и девчонками обсуждалось это происшествие.

Вскоре «привидения» стали появляться в соседних дворах и на улице. Надев маску и завернувшись в простынь, Лёсик вставал на ходули, что делало его, и так не по возрасту высокого, выше взрослого мужчины. Вид со стороны был потрясающий: какое-то непомерно высокое белое существо на тонких ногах со страшной рожей бродило по темному неосвещенному двору под визг ребятни. Затем «привидение» выходило на улицу и с высоты своего роста заглядывало в окна домов, пугая теперь не только детей, но и взрослых.

Ходули, изготовленные Лёсиком, были для нас в новинку. Мы гурьбой бегали за Лёсиком и просили дать походить на ходулях. Он давал. Взобраться на ходули при нашем детском росте было непросто, а чтобы на них ходить, нужны были ловкость и сноровка. Лучше всех ходить получалось, конечно, у Мишки-Кукарачи. Он сноровисто вставал на ходули и столь же сноровисто вышагивал нам на зависть.

И мы с Валею пробовали шагать на ходулях, но не всегда удачно, иной раз и шлепались с их высоты наземь.

*Несут меня ходули.
Кричат ребята: «Слазь!»
Боюсь, не упаду ли
С ходулей
Прямо в грязь.
И сразу позабудут,
Как важно я ходил.
Но долго помнить будут,
Куда я угодил.*

А маски, как и ходули, Лёсик и Володя делали сами и нас учили их делать. Форма маски лепилась из глины. На форму слой за слоем накладывалась мокрая бумага. Когда она высыхала, ее снимали с формы и раскрашивали в нужные цвета – и маска готова.

Приключения с масками продолжались долгое время. Вечерами Лёсик и Володя, надев маски, выходили на улицу и заглядывали в лица прохожих, преимущественно девушек. Кто-то смеялся или взвизгивал, а кто-то обзывал их дураками.

Ходули, маски – это был не первый и не последний розыгрыш, устроенный Лёсиком. Он вообще был мастером на всякие проделки, шутки, розыгрыши. Вот еще одна из причин, почему Валя тянулся к Лёсику. Валя и сам был шутником и юмористом. Юмор был у Вали добрый, веселый, не обидный. О хорошо развитом чувстве юмора Вали свидетельствуют и его стихи. Например:

*Муж – дракон,
Жена – змея,
Дочь – собака,
Сын – свинья.
Современная семья!*

Можно и другое:

*Как быстро юность пролетела!
И дух уже сильнее тела,*

Кто на нашей улице лучше Лёсика, умницы и эрудита, мог достойно оценить Валины поэтические способности! Валя это понимал и спешил познакомить Лёсика со своими сочинениями. Так что Лёсик был и первым слушателем Валиных детских стихов и первым его критиком.

Помню, как Валя напевал песенку о рассеянном короле. В нём шла речь о том, как незадачливый король, справляя нужду в лесу, забыл там свои штаны. На поиск потери снаряжается войско, которое и находит злополучные штаны. Водрузив на себя потерю, король восторженно восклицает: «Они на мне! Они на мне!» Полагаю, что мотив к песенке Валя придумал сам.

Из всего этого шутивного стихотворения запомнил, возможно, не совсем точно, только одно четверостишие:

*Король в лесу забыл штаны.
В дворец он прибежал...
Об этом случае он всё
Фельдмаршалу сказал.*

Лёсик, конечно, смеялся и хвалил Валу за юмор.

«Сказителем дружинным» Валя был до самой войны и из «Косого» однажды превратился в «Кесаря»:

*...из Косого
Я в Кесаря однажды превратился.
«Эй, Кесарь!» Я охотно откликаюсь.
Уж лучшие Кесарь, только б не Косой*

Новое прозвище свидетельствовало более чем о признании Вали нашей детворой, он стал авторитетом.

Если Валя был чем-то увлечён – чтением, своими мыслями – он полностью отключался от внешнего мира и уже ничего вокруг не замечал. Я уже нарисовал одну картинку, как Валя читал свежую газету. Вот еще одна картинка. Валя идет из школы какой-то странной походкой, он спотыкается, наталкивается на встречающих прохожих, волочит свой портфель с учебниками и тетрадями чуть ли не по земле. Это означает, что он весь в плену своих дум и мечтаний, а возможно, в уме сочиняет стихи. Об этой своей особенности Валя прекрасно знал:

*А если я по улице хожу,
То ничего вокруг себя не вижу.
Одни мечты плывут, как облака.*

В таком состоянии Валя не замечал недостатков своего туалета: что пионерский галстук съехал набок, что на рубашке расстегнулась пуговица, а шнурок на ботинке развязался. Став взрослым, Валя оставался таким же рассеянным. Вот что написал мне Андрей Ивочкин, бабушка которого Соловьева Нина Ивановна в послевоенное время проживала в том же доме на

Пролетарской, 74, в котором жили Берестовы: «Бабушка рассказывала, что Валентин Дмитриевич часто, чуть ли не через неделю, приезжал к родителям, и что один раз приехал в одной калоше, в другой раз в двух галстуках».

Кто-то видел во всем этом странность, необычность, кто-то называл Валю чудачком, а кто-то считал такое поведение Вали расхлябанностью. Однако психологи утверждают, что развитие вундеркиндов, а Валю, вне всяких сомнений, можно было к ним причислить, негармонично, и при высоком интеллекте они могут демонстрировать бытовой и социальный инфантилизм. Валина мама, Зинаида Фёдоровна, относилась к странностям своего сына с юмором, могла его пожурить и только, ни в коем случае не ругала за неряшливый и отрешённый вид. Я считал Валю чудачком, ведь чудачки украшают мир. Вместе с тем, в необычности Валиного поведения угадывались признаки дарования. Я был уверен, что все талантливые люди – не от мира сего.

*Идет человек не от мира сего,
Вводя в искушенья собак.*

Отличало Валю от других мальчишек и многое другое. Некоторые мальчишки с нашей улицы грешили «неформальными словами», но никогда ничего подобного я не слышал от Вали, как и он от меня. Какую-то словесную шалость он мог позволить, например, я слышал от него такой, вызывавший у мальчишек смех, не совсем приличный каламбур о бегстве Мама с Куликова поля: «Впереди нас рать! Сзади нас рать! Вокруг нас рать! Вся Русь! – вскричал Мамай, – и с раной побежал в Сарай».

Конечно, мы с Валею знали, что есть «нехорошие слова», слышали их и от мужчин, и на улице от мальчишек, живших в конце квартала, с которыми дружбу мы не водили. К матерщине у нас был стойкий иммунитет. В нашей ребячьей компании тоже никто не ругался. И вдруг я узнаю, что Валерка Шелин-

говский, он был моложе нас года на два, говорил «нехорошее» слово. Меня разобрало любопытство: какое слово он говорил? И с расспросами я обратился к Вале, который, как я узнал, присутствовал при этом событии. Валя не мог позволить себе повторить то «нехорошее» слово, и сказал мне, что слово, которое он услышал от Валерки, было схоже со словом «поезда».

Впрочем, когда мы были взрослыми и однажды ехали из Москвы в Калугу, или, наоборот, из Калуги в Москву, обо всем переговорив, стали коротать дорожное время, рассказывая друг другу анекдоты. И вот тогда Валя позволил себе рассказать анекдот «с картинками» – без «картинок» терялась его острота.

Валя никогда не был агрессивным, забиякой. Таким, скорее, был его брат Дима, отличавшийся горячим и вспыльчивым характером. Я, как и Дима, мог вспылить, или поссориться с кем-либо из сверстников, но, всегда поступая, как считал, по справедливости. Так, в школе я заступался за еврейского мальчика Додика из нашего класса, которого преследовал крепыш Ломов, с которым однажды подрался (фамилию хорошо запомнил, так как она соответствовала своему хозяину). Валя же был миролюбив и, как теперь говорят, толерантен. Я не помню, чтобы Валя с кем-то был в ссоре, не говоря уже о том, чтобы с кем-то подрался. Если Вале кто-то не нравился, он уходил в сторону, переставал общаться. Выйти из себя, взорваться, обругать обидчика – этого Валя не позволял. Конфликты каким-то образом миновали его. Все негативные впечатления, которых и в детстве не избежать, Валя носил в себе, а все хорошее он выплескивал наружу. Он бурно радовался, когда было, чему радоваться, заразительно смеялся, когда было смешно, и был неисправимым оптимистом, заражая своим оптимизмом окружающих. Таким Валя остался на всю жизнь.

О жизни в Мещовске и о своей родословной Валя чудесно написал в книге воспоминаний «Светлые силы», в главе «Дет-

ство в маленьком городе» (кстати, в книге Валя рассказывает, что последнее письмо от отца, полученное в октябре 1941 года после боев за Калугу, оканчивалось словами: «Да хранят вас светлые силы». Этими отцовскими словами – «Светлые силы» – Валя и назвал свою книгу).

Когда я прочитал эту главу, мне показалось, что всё, о чем в ней написано, мне давно знакомо. Но это было ложное впечатление. Конечно, что-то мне было известно из рассказов Вали, но о многом я узнал впервые. В задушевных беседах в укромном местечке на печи мы делились и нашими родственными связями. Именно тогда Валя рассказал мне о происхождении фамилии Берестов. Своей фамилией Валя очень гордился, подчеркивая, что даже у Пушкина она упоминается. Слезая с печи, берём том Пушкина (тот самый) и находим в «Барышне-крестьянке» фамилию Берестов. На мое предположение, что фамилия произошла от слова берёста, Валя возражает: нет, от древнеславянского имени Берест. Но я не успокаиваюсь и начинаю фантазировать: когда-то давным-давно родился беленький мальчик, такой беленький, как берёзовая кора – берёста, и родители называли его Берестом, а дети этого Береста стали Берестовыми. Так что, как ни крути, а фамилия Берестов произошла от слова берёста. Валя надолго задумывается, переваривая мою версию, но, в конце концов, заключает, что так, вероятно, и было.

В воспоминаниях «Детство в маленьком городе» Валя написал о своем наблюдении: «Поражало, что у сверстников были бабушки, и не было дедушек. И ведь не на войне погибли, не в революцию, никто их не убивал, но до старости не дожили, не дали счастья внукам». Таким Валиным сверстником был и я. Возможно, Валиному наблюдению поспособствовал и мой рассказ о моих дедах, которые умерли еще до моего рождения. Мой дед по матери Дьяконов Николай Николаевич умер в 1921 году от холеры в городе Кургане. В Советской России свирепствовал

голод, был создан «Помгол» – специальная государственная комиссия помощи голодающим. На Кубань и в Сибирь посылались отряды для заготовки хлеба. В такой отряд попал и мой дед, но до Сибири он не доехал, найдя успокоение в общей могиле. Дед по линии отца тоже умер вскоре после революции.

О своих дедах Валя написал в воспоминаниях, а что он мне о них рассказывал в те годы, я уже не помню. Так что мы действительно не знали своих дедов и с завистью смотрели на тех мальчишек, у которых дедушки были живы. Особенно завидовали одному незнакомому мальчишке, который иногда появлялся на нашей улице, держась за руку высокого, стройного старика с орденом «Боевого красного знамени» на груди.

Не знаю, какая вещественная память о дедах осталась в семье Берестовых, а о моем деде Николае, по профессии счетовода, кроме его увеличенного фотографического портрета, визитных карточек и письма, отправленного с дороги в Сибирь, остались старинные, искусно сделанные канцелярские счеты. Мы с Валею быстро приспособили их для наших игр: счеты переворачивались на костяшки и превращались во что угодно в зависимости от содержания нашей игры – в экипаж, танк, бронепоезд.

О своем дворянском происхождении Валя, по известным причинам, предпочитал помалкивать, но мне об этом рассказывал, да и для моей мамы, не знаю от кого, было известно, что Зинаида Фёдоровна – из дворян. Потом, когда мы станем взрослыми, Валя не станет делать из этого тайны, а будет шутливо говорить, что он – социальная полукровка, поскольку одна его бабка – крестьянка, а другая – дворянка.

А моя мама была из мещан, о чём свидетельствовала её метрика. Слово мещанин, мещанка в те годы являлось чуть ли не ругательством. Когда мы с Валею об этом говорили, он возражал: «Какая же твоя мама мещанка, она очень хороший человек».

*Д.М. Берестов.
Дествующая армия.*

Берестовы, Мещовск, 1928 год.

Поводом для разговоров о родственных связях были и семейные фотографии. Когда все игры окончены, и заняться уже нечем, прошу бабушку Клашу показать нам фотокарточки. Она достает их из ящика комода и стоит рядом, пока мы рассматриваем старинные, сделанные еще до революции фотографии. Их я уже много раз видел, но всё равно спрашиваю: «А это кто? А вот это кто?» Бабушка поясняет. Валя берет карточки в руки и подолгу рассматривает. Фотографии наклеены на толстый картон. Переворачиваем одну из них и читаем на обороте: «Художественная фотография В.Н.Ченцов. Калуга. Ильинская ул., д. Васильевой. «Grand Prix», высшая награда вѣ Полтавѣ, Серебряная медаль вѣ Величкѣ, Бронзовая медаль вѣ Петербургѣ, Бронзовая медаль в Москвѣ». Читаем эти строки с ером и ятью (эти буквы были для нас привычны, поскольку через наши руки проходило много книг, изданных еще до революции и напечатанных старым гражданским шрифтом) и спрашиваем бабушку, а не родственник ли этот калужский

«фотограф В. Н. Ченцов» купцу Ченцову, в бывшем доме которого мы живем. Может быть и родственник, но достоверно бабушка не знает. Хороший был фотограф, прошло полвека, а фотографии будто сделаны вчера.

У Вали семейные фотографии не хуже, тоже на картоне. Вот мама Вали, Зинаида Фёдоровна, молодая и красивая, с пышной причёской. Отец Вали, Дмитрий Матвеевич, тоже молодой и красивый, светлые волосы зачесаны набок. На нем тот самый френч английского сукна на пуговицах с двуглавыми орлами и погонями прапорщика, о котором Валя упоминает в своих воспоминаниях. А вот сфотографироваться вместе на память о нашем детстве мы с Валею не удосужились.

О родителях Вали можно сказать много хороших, добрых и лестных слов. И Дмитрий Матвеевич, и Зинаида Фёдоровна были замечательными людьми. О Дмитрие Матвеевиче, о его интересной и нелегкой судьбе можно было бы написать отдельную книгу. А что Дмитрий Матвеевич о своей жизни написал сам? В историко-краеведческом альманахе «Калужская застава» (изд. Н. Бочкаревой, Калуга – 2001) опубликованы его воспомина-

Валя и Дима. Мещовск.

Семья Берестовых. Мещовск.

ния «Странички воспоминаний», написанные чудесным языком. Они же вошли в книгу «Валентин Берестов: сквозь цветные стёкла детства», составителем которой является Анатолий Дмитриевич. И жаль, что воспоминания Дмитрия Матвеевича охватывают только ранний период его жизни.

У Вали есть очень хорошее стихотворение «Образец», которое хочу здесь привести полностью.

*У старшего брата был звонкий отец,
Кумир городка, краевед и певец.
Ему, подражая и в этом, и в этом,
Историком сделался сын и поэт.*

*У среднего брата был грустный отец,
Рыбак и от скуки казенный беглец.
Развел цветничок, огородик за домом.
Ему, подражая, сын стал агрономом.*

*У младшего брата был старый отец,
Он книги искал, собирал и читал.
Мудрец, запредельного мира жилец
И сын в подражание книжником стал.*

*Так возраст и время меняли его,
Крутила эпоха отца моего.
И только в одном не менялся отец:
Для каждого сына он был образец.*

Три брата: поэт, агроном и книжник.

Дмитрий Матвеевич действительно был образцом и не только для своих сыновей. Я тоже его очень уважал и любил, и для меня он тоже был образцом честности и порядочности. Среди студентов техникума, в

котором Дмитрий Матвеевич преподавал историю, у меня было много знакомых, в техникуме учился и Валя Клевцов с нашей улицы, и, конечно, я интересовался их отношением к Дмитрию Матвеевичу. Все мои знакомые студенты отзывались о нём с большой теплотой и любовью, и мне это было очень приятно.

Дмитрий Матвеевич был очень музыкален, у него был отличный слух и приятный тенор.

В стихотворении «Отец мой не свистел совсем» Валя пишет, что Дмитрий Матвеевич «пел для мамы, для гостей». Доводилось и мне слышать пение Дмитрия Матвеевича. Из всего, что он исполнял, почему-то запомнился романс «В голубой далекой спальне твоей ребёнок опочил» на стихи А.Блока. Тогда я еще не знал, что стихи принадлежат А.Блоку, узнал много позже, когда в 1955 году мне повезло приобрести двухтомник его сочинений.

Снова я услышал этот романс в исполнении Дмитрия Матвеевича уже в пятидесятых годах, и исполнил он его по моей просьбе.

В те довоенные годы мои и Валины родители близкого общения не поддерживали. Когда Валя у нас заиграется, забыв, что ему уже давно пора быть дома, его розыски Зинаида Федоровна начинала с нашего двора. Конечно, она и моя мама о чём-то беседовали. Подружились же они гораздо позже, после войны, а преждевременная смерть Дмитрия Матвеевича в 1964 году еще более их сблизила. Как когда-то в довоенные годы «пропадал» у нас Валя, так после смерти мужа стала «пропадать» у нас Зинаида Федоровна.

Моя мама писала мне, что, придя домой с дежурства, застаёт такую картину: бабушка Клаша (тогда она была уже слепой) и Зинаида Федоровна сидят обе на тёплой лежанке, и, дожидаясь маму, о чём-то задушевно беседуют. И так было почти ежедневно.

Пришло время, и по установленному ритуалу и Валу, и меня, каждого в своей школе, приняли скопом, всем классом,

в пионеры. На торжественных линейках с нас взяли «торжественное обещание» и повязали на шею красные галстуки. Теперь на призыв «К борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!» мы должны были, вскидывая руку над головой, отвечать: «Всегда готов!» Вообще-то галстуки не завязывались узлом, узлом их завязывали кокетливые пионервожатые из старших классов. Мы же скрепляли концы галстука специальным зажимом, на котором был изображен костер из пяти поленьев, с пятью языками пламени:

Пионер Валя в 5 классе.

*С зажимом галстук был на мне.
А на зажиме пять поленьев
И пламени пять языков –
Эмблема пионерских звеньев,
Пожар пяти материков.*

Мы стали пионерами, и пионерская песня двадцатых годов «Картошка» (ее певал мой дядя Коля, мамин брат, от него мы впервые её и слышали) стала теперь и нашей песней:

*Эх, милая картошка, тошка, тошка, тошка –
Пионеров идеал, ал, ал, ал.
Тот не знает наслажденья, денья, денья, денья,
Кто картошки не едал, дал, дал, дал.*

Хорошая, весёлая песня. Так и представляется пионерский костер и сидящая вокруг него ребятня, с аппетитом поедающая испеченную на углях картошку.

Но когда мы стали пионерами, ни на пионерских сборах, ни в пионерском лагере «Картошку» уже не пели. Песня стала историей, как и пионерский гимн «Взвейтесь кострами синие ночи!

Мы – пионеры дети рабочих!» Пели новые, советские песни, которые не оставили следа в моей памяти. А «Картошку», как и песню про Уверлея и Доротею, мы с Валею частенько распевали во все горло, шагая куда-нибудь – в лес или на речку.

Вокальные способности Валя унаследовал от отца, и не удивительно, что вскоре у него проявился еще один талант – талант барда: он стал петь песни на свои стихи, причём исполнял их превосходно.

Любил Валя не только песню, но и классическую музыку, и неплохо в ней разбирался. Когда он, уже после войны, оседет в Москве, то станет частым посетителем Концертного зала имени Чайковского. А, будучи в 1949 году в Ленинграде, где он работал в этнографическом музее, находил время, чтобы послушать классику. Так, он писал мне, что слушал там «Хованщину», «Фауста», 57 симфонию Чайковского. Мы не единожды вели с ним разговоры о серьезной музыке. Валя рассказывал, как не сразу, а постепенно, стал её понимать, говорил, что для того, чтобы полюбить классику, прежде всего, надо научиться её слушать.

Вскоре, после того как Валью приняли в пионеры, он похвастался, что его избрали звеньевым:

*Вот жизнь! Куда ни заявись,
И сразу видно: активист!
Бывало, в лагерь попадешь,
Со всеми встанешь в ряд.
День-два, и ты уже ведешь
Свой пионеротряд.*

Став пионерами, мы получили право записаться в какой-нибудь кружок в Доме пионеров, что мы и поспешили сделать.

Дом пионеров располагался в красивом здании бывшего Дома дворянского собрания, стоявшего над Окой у Березуйско-

го оврага. На второй этаж вела широкая чугунная лестница, по бокам которой стояли чучела бурых медведей.

Поскольку у меня была склонность к рисованию, я записался в изокружок.

*Был и я художником когда-то,
Хоть поверить в это трудно вато.*

Валя же должен был записаться в литературный кружок – это так считал я, но к моему удивлению, он записался в драматический. Потом я понял, что причиной этого была Валина мама, которая в молодости участвовала в спектаклях:

*Пулеметчицу мама играла,
А у сына душа замирала.*

Занятия в изокружке были интересными. Мы рисовали с натуры, ходили на этюды, устраивали выставки рисунков, на которые приглашались родители. Валя же разучивал роли и ходил на репетиции. Их кружок готовил какой-то спектакль, но получилось так, что я на его просмотр почему-то не попал, и игру Вали не видел.

Занятия в кружках были в разное время, и эти занятия нас с Валею разлучали.

В те годы был такой лозунг-призыв: «Будь готов к труду и обороне!» Если сдать все установленные нормы, можно было получить специальный значок. До значка мы еще не доросли, а вот в осоавиахимовский кружок, в котором изучались отравляющие вещества, устройство противогаза и правила пользования им, мы с Валею записались и на эти занятия ходили уже вместе. Дом пионеров мы посещали до самой войны.

ВОЙНА – РАЗЛУЧНИЦА

*Ей дали порядковый номер. Сполна,
По титулам называя,
Парадно ее именуют – Война
Вторая, Отечественная, Мировая...*

В.Д. Берестов

Войну ждали, и о ней много говорили. События на озере Хасан и Халкин-Голе, финская кампания, – все эти военные конфликты для нас, мальчишек, не прошли даром, мы, как и взрослые, ждали большой войны, когда наша славная Красная Армия разобьет врага на его собственной территории.

Но всё случилось не так, как нам представлялось. И как ни ждали войну, ошеломляющая весть о её начале свалилась на нас неожиданно.

Выступление Молотова по радио застало нашу семью за поздним завтраком. В это воскресное солнечное утро никто никуда не спешил, и все члены нашей семьи долго сидели за столом, на котором, как всегда, шумел самовар.

Мама заплакала, а отец недовольно пробурчал что-то вроде того, что с такими, как она, плаксами и войну можно проиграть. А мудрая бабушка Клаша, пережившая три войны, пожар, потерю мужа и много другого горя, примирительно сказала: «Живы

будем – не умрем». Она всегда говорила что-нибудь оптимистичное, успокаивающее, например: «Бог даст день, Бог даст пищу».

Вот она, долгожданная война! Война, о которой еще вчера пели: «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов». Такая новость – разве усидишь дома, и Валя уже тут как тут. Еще не все знают ошеломляющую новость, не все слышали радио. Там, на улице, в соседних домах, есть люди, которые находятся в неведении. Надо всех оповестить. Мы выскакиваем из дома, бежим на улицу, останавливаем прохожих, забегаем в соседние дворы, обращаясь ко всем, кого встречали: «Вы слышали? Вы знаете? Началась война!» Мы находились в каком-то радостном возбуждении. Радость наша была неуместна и кощунственна. Но никто нас не одернул, не пресек этой неуместной радости.

Похмелье пришло скоро. Во дворе, где жил Лёсик, мы уже побывали. Еще не были у Клевцовых. Забегаем к ним во двор, там тетя Оля, мать Вали Клевцова, о чём-то разговаривает с матерью Володи Зиновьева. Валя первым выпаливает возбужденно и радостно: «Тетя Оля, война!» В ответ, как ушат холодной воды, укоризненно: «Чему радуешься, дурень?» Радоваться, действительно, было нечему. Мы еще не знали, что такое война и сколько горя она несла, а тетя Оля знала. Но даже и она, как и многие другие, не представляла тогда весь размер надвигавшегося бедствия. Радость наша прошла, и в молчании мы пошли к себе по домам.

Валя долго будет помнить об этом нашем «шумном веселье» и наступившем после него «похмелье», и в 1943 году, в Ташкенте, напишет замечательные стихи «Роковая чаша».

*Война! Секирой над головую
Ее внезапная прямота.
Весть о ней чашей круговую
Переходила из уст в уста.*

*И все мы пригубили, все мы выпили
Из чаши грозившей каждому гибели.
И каждый, кто ждал ее поздно иль рано,
В то утро был ею застигнут врасплох.
И каждый по-своему, все были пьяны,
Все дико: и крик, и молчанье, и вздох.
И если иные с сухими глазами
Молчали, предвидя жребий свой,
И если, захлебываясь слезами,
Плакали женщины наперебой,
То мы от убийственного вина
Носились по улицам в шумном веселье,
Самозабвенно кричали «Война!»,
Наслаждаясь тупым металлическим звоном
Слова этого, эхом сырым повторенным,
Пока не пришло похмелье...*

С первых дней войны Калуга стала менять свое лицо. Появились очереди у сберегательных касс, это люди, хранившие там свои сбережения, спешили их снять. Из магазинов исчезли соль, сахар, мыло, керосин. Исчезли и спички, и курильщики вернулись к старому дедовскому способу добывания огня – к кресалу. Пройдет немного времени и вместо «лампочек Ильича» в квартирах появятся коптилки, а вместо мыла хозяйки для стирки белья станут использовать золу.

Другой приметой войны стали кресты на окнах:

*Все окна –
Перечёркнуты крестами,
Весь город сделал
Кладбищем одним...*

Это написал киевский поэт Аркадий Соколовский. У Вали не так трагично:

*Полоски из бумаги мать резала красиво.
И чтоб волна взрывная окно не разнесла,
Наклеила крест-накрест...*

В садах и огородах начали рыть щели – примитивные бомбоубежища для жителей близлежащих домов. Нашу щель рыли в саду дома Черновых, который располагался на нечетной стороне нашей улицы. Руководил работами дядя Петя, муж сестры моего отца, тети Лизы. Он прошел окопную войну во время Первой империалистической и знал в этом толк. У Вали в саду их дома тоже была сооружена щель.

У домов было организовано дежурство. Дежурные следили за соблюдением правил светомаскировки и вообще бдели.

Магазин Домогацкого стал магазином военторга и, когда наши отцы ушли на фронт, наши мамы получили туда пропуска.

Приехавшие в Калугу столичные гости стали поспешно разъезжаться по домам. Уехала и Ляля Пчёлкина, совсем недавно приехавшая из Москвы к своей тетке. Проститься с ней мы не успели. Случилось так, что в первый день войны Валя подарил Ляле букет диких роз – шиповника, и теперь мы, узнав, что она уезжает, хотели попрощаться с ней по-рыцарски – с цветами. Но где взять цветы? Раздумывать времени не было. Я рванул в сад к Черновым, где сооружалась щель, – там росли чудесные пионы, – а Валя остался у ворот. Когда с огромным букетом я выскочил на улицу, Ляля была уже в конце квартала. В руках у неё был маленький чемоданчик, и никто её не провожал. Я недоуменно посмотрел на Валю. Оказалось, что когда Ляля вышла на улицу и пошла в сторону вокзала, Валя ни окликнуть её, ни остановить не посмел. Догонять Лялю мы не решились, и букет, за который мне могло попасть, был выброшен.

Следующие приезды Ляли в Калугу состоятся уже после войны.

А случай с букетом диких роз я совершенно запомнил, хотя был его свидетелем, поэтому снова должен обратиться к письму Ларисы Васильевны Соколовой. Она вспоминает, что случилось это в первый день войны. Она вместе с двоюродной сестрой Алевтиной возвращалась домой из бани. Шли они по улице Ленина и когда дошли до пекарни, Алевтина на другой стороне улицы увидела меня и Валю. «Вон твои кавалеры идут», – сказала она Ляле и поспешила вперед. В руках у Вали был букет диких роз. Почему в этот роковой день мы с Валеи шли в сторону базара и откуда у Вали были эти цветы – теперь не вспомнить. Ляля остановилась, ей хотелось поделиться с нами мучавшими её горькими мыслями. Мы подошли к ней, и она стала сетовать на то, что ей придется срочно уехать домой, так как отца могут мобилизовать на фронт, и она его не увидит. Мы стали утешать Лялю, и тут-то Валя протянул ей букет цветов. Приняв цветы, Ляля успокоилась, пришла в себя. Этот жест внимания и доброты она сохранила в своей памяти на всю жизнь.

Новости с фронта были всё тревожнее и тревожнее. Моя двоюродная сестра Нина под бомбёжкой, с толпой других беженцев, пришла пешком из Гродно, где проходил службу её муж Борис Прокопцев. В первый же день войны он – к границе, в бой, а она – пешком в Калугу, к маме. Рассказы Нины были горестными и неутешительными. Вот тогда и появились в Калуге первые беженцы из Белоруссии:

*Не по-русски, а вроде по-русски.
Необычен распев голосов.
Белоруски они, белоруски –
Из лесов. Из горящих лесов.*

За ними – беженцы уже из Смоленской области, других российских областей. Стада гонимых на восток, жалобно мы-

чащих, не кормленных и не доеных коров, подымали густую пыль:

*Пейзажа не было. Его смели и смяли
И затоптали... Лишь густая пыль
Да медленное умирание солнца.
И снова пыль. И люди, люди, люди.
Стада, телеги – все одним потоком
Катилось. Шумы, окрики, слова
Слились в единый гул, роптавший глухо.
И желтые вечерние лучи
Ложились тяжкими последними мазками
На спины уходящих... Вот когда
Я распростился с детством.*

Да, наше детство осталось там – в довоенном времени. Мы выросли, выросли уже не с каждым новым годом, даже не с каждым наступающим месяцем, а с каждым днем.

А на запад, навстречу беженцам, шли и шли наши войска, а за ними – калужане рыть окопы и противотанковые рвы.

Готовился к обороне и город: на его улицах появились «ежи», а окна некоторых зданий были заложены мешками с песком.

Хождение «за питанием» для Виталия продолжалось. И однажды на улице Кирова, где располагалась детская кухня, мы с Валею увидели колонну идущих на Смоленск бойцов. Впереди колонны с цветами в руках шел бравый усатый командир. Громко играла музыка. Женщины, стоявшие на тротуаре, махали руками и что-то приветственно кричали, тут же в киосках покупали газеты, журналы, какую-то мелочь и совали всё это в руки бойцам.

Возможно, об этих уходящих на фронт бойцах Валя и написал:

*Навеки из ворот сосновых,
Веселым маршем оглушен,*

*В ремнях скрипучих, в касках новых
Ушел знакомый гарнизон.*

А возможно, Валя действительно видел, как из казарм на улице Герцена уходил на фронт наш калужский «знакомый гарнизон».

Потом, когда Вали уже не было в Калуге, это было в первых числах октября, я видел другую колонну: не тех бойцов, идущих навстречу врагу с музыкой и цветами, а отступающих, усталых и изможденных, в выгоревших, пыльных гимнастерках. С длинными трехлинейками, обвешанные амуницией, со скатками через плечо, бойцы шли устало, не в ногу. И никого не было на тротуарах, никто не приветствовал, не вручал цветов. Два молоденьких бойца несли пулемет «максим», один – станину, другой – ствол. И вдруг один из них упал, наверное, от усталости, он долго, с трудом поднимался, а у меня комок подступил к горлу от жалости к этому бойцу, и я поспешил прочь.

Слава Богу, что от таких картин, как и от бомбёжек, Валя был избавлен.

Вырытые в садах щели недолго ждали новосёлов.

Совсем скоро начались еженощные воздушные тревоги.

Каждый вечер так было. Заноют, завоют гудки.

Женский голос из рупора твердо и строго

Повторит многократно: «Тревога! Тревога! Тревога!»

Это вражеские самолеты летят бомбить Москву. Первые бомбежки Москвы начались в ночь с 21 на 22 июля и продолжались вплоть до нашего бегства из Калуги. Воздушные тревоги стали для нас привычным явлением.

И вновь сквозь стены вой сирен.

Скорей из ненадежных стен.

С узлами, не застлав постель,

На новоселье мчимся в щель.

Лезть в щель нет охоты. Над щелью черное всё в ярких звездах небо. Всматриваешься в него: где же эти проклятые «юнкеры» и «мессершмидты», летящие бомбить Москву? Но их не видно, слышен только нудный, прерывистый гул их моторов. Калугу еще не бомбили, это случится позже, когда Вали уже не будет в городе, и об этих бомбежках я расскажу ему коротко – в письмах, а подробно – при нашей встрече через три года.

«Мчаться на новоселье в щель» нам очень скоро надоело, и мы с Валею решили: будем оставаться дома. На предупреждения моей бабушки, что оставаться дома опасно, я бурно возражал, подкрепляя свои возражения утверждением, что это летят не немецкие самолеты, а наши и, следовательно, опасаться нечего. Иногда после сигнала тревоги, не сговариваясь, мы с Валею сходились вместе, садились на парадном крыльце нашего дома и, забыв о войне, разговаривали о чём-то своем.

Помню, что мы снова и снова возвращались к вопросу: а есть ли жизнь в других мирах. Мы еще не изучали астрономию, но Млечный путь, Большая медведица и Северная звезда в ней, некоторые другие созвездия нам были известны. Мы верили, что где-то там, в глубине Космоса, а возможно, и на планетах солнечной системы, хотя бы на том же Марсе, жизнь существует. Эти разговоры были уже не те, что мы вели в 10-11 лет, уединившись на печи и грызя бабушкины сухари, нам исполнилось по тринадцать, и мы были уже не так наивны, как тогда, и всё же наивная вера нас не покидала. К тому времени, кроме книг Жюль Верна, мы прочитали и «Борьбу миров» Герберта Уэллса, и «Аэлиту» Алексея Толстого, и считали, что всё, о чём пишут фантасты, со временем в той или иной мере сбывается. Может быть, и нам удастся побывать на других планетах, может быть, и мы совершим полет по маршруту «Калуга-Марс», о котором говорил калужский мечтатель К. Э. Циолковский.

Мы смотрели и смотрели в звездное небо – в нём столько тайн. Где берет начало Вселенная? Где её конец? И если есть конец, что за ним находится? А может быть, Вселенная есть всего лишь атом какого-то непостижимо великого космического тела? А возможно, наоборот, внутри нас, в окружающих нас предметах, находятся мириады непостижимо маленьких миров? Вот такими вопросами мы мучились, пока снова не слышался гул моторов. Это фашистские самолеты, отбомбившись, возвращались на свои аэродромы. Значит, скоро будет сигнал отбоя. Мы прощались и расходились по домам, чтобы продолжить прерванный сон.

Поползли слухи, что где-то под Калугой немцы сбросили парашютистов и что в самом городе появились диверсанты. Для борьбы с диверсионно-разведывательными группами немцев формировались истребительные отряды. В один из таких отрядов был направлен «белобилетник» дядя Коля, мамин брат.

А нас с Валею захватила новая идея – поймать диверсантов, хотя бы одного – но где и как искать диверсантов, мы не знали. Начинаем делать рейды по улицам города, подозрительно приглядываясь ко всем мужчинам. Но никто из них не выглядит диверсантом, по крайней мере, так, как по нашему представлению он должен был выглядеть. Вскоре эта безрезультатная беготня по городу стала надоедать, и я сдался, не вышел в очередной рейд. Но Валя был более упорен и ушел с кем-то другим. И вот однажды Валя прибежал ко мне в сильном возбуждении. Какую новость он принес? Валя выпаливает: «Мы поймали диверсанта!» И рассказывает, что он и его новый напарник повстречали мужчину, поведение которого показалось им подозрительным. Они увязались за ним, он – от них, что усилило их подозрения. Как им удалось сдать «диверсанта» милиции, уже не помню. Помню только, что Валя был очень горд поимкой диверсанта. Был ли это действительно диверсант или какой-ни-

будь пугливый обыватель, ставший жертвой сверхбдительных юных пинкертонов, осталось неизвестным. Валя был твердо убежден, что это был настоящий диверсант, и хотелось бы, чтобы так оно и было. Через много лет мы не раз вспоминали, как ловили диверсантов.

На фронт уходили все новые и новые мужчины. Возле военкомата стояли толпы добровольцев. Мы ждали, когда придет очередь воевать нашим отцам.

*А мы еще вместе. Но рядом разлука,
Которой нельзя миновать.
Отец не спит, ожидая стука.
Слезы глотает мать.*

Ждать пришлось недолго. В середине июля был мобилизован мой отец. Он ушел на фронт по так называемому партийному призыву и уехал сначала в Тулу, где был обком партии, а оттуда в Воронеж, после чего мы надолго его потеряли. Расставание было будничным, будто отец уезжал в краткосрочную командировку. Так же буднично ушел на фронт отец Вали.

Как на работу собрался отец на войну.

Дмитрий Матвеевич находился под Калугой на так называемых Бобруйских складах. Во время Первой мировой войны, когда немцы подходили к Бобруйску, находившиеся там склады боеприпасов были в спешном порядке перебазированы под Калугу. Поэтому склады и стали называться Бобруйскими. Перед ВОВ на Бобруйских складах располагалась 66 Артиллерийская база. Видимо, для прохождения службы на эту базу и был направлен Дмитрий Матвеевич. Домой на побывку он приходил уже в военной форме с петлицами старшего лейтенанта. Хорошо помню, как после одной из таких побывок Дмитрий Матвеевич возвращался в свою часть. Провожала его Зинаида Фёдоровна. Тесно прижавшись друг к другу, они шли по нашей Пролетарской. Я стоял у калитки нашего дома, и Дмитрий Матвеевич,

увидев меня, ласково поздоровался. Я долго смотрел вслед этой дорогой мне парочке, пока она не завернула с улицы Пролетарской на улицу Ленина.

Кто тогда мог знать, что впереди Дмитрия Матвеевича ждали немецкий плен и концлагерь.

Отцы ушли на войну, и мы с Валей остались старшими мужчинами в доме:

*Отца на фронт призвали.
И по такой причине
Я должен жить отныне,
Как следует мужчине.
.....
Кормилец и добытчик.
Мужчина. Старший в доме.*

Моя мама работала телеграфисткой в управлении Московско-Киевской железной дороги и была в курсе всего происходящего от Москвы и до Киева: какую станцию бомбили, а с какой нет связи, так как там уже немцы. Мама шепталась об этом с бабушкой, но что-то попадало и в мои уши, и я спешил поделиться неутешительными новостями с Валей. Так что, кое-какие новости мы узнавали раньше, чем поступали официальные сообщения. Сводки с фронта, как правило, запаздывали. Мама принесла и новое для нас слово «эвакуация». Скоро это слово было на слуху у всего города. Город покидали и люди, и заводы. Формировались всё новые и новые эшелоны, и мама говорила, что их уже не хватает. Даже по Оке на плотках что-то увозили.

Берестовы собрались первыми. Случилось это 23 августа. Они уезжали в Ташкент – город хлебный, где у Зинаиды Федоровны проживала старшая сестра.

*Война соединила двух сестер,
Друг дружку не выдавших с давних пор.*

Эшелон, с которым они уезжали, формировался на тех самых Бобруйских складах, где находился Дмитрий Матвеевич.

На ветке железнодорожной
 У оружейных складов
 Поспешно формировался
 Секретнейший эшелон.
 Но не было в тех вагонах
 Ни пушек и ни снарядов,
 А были одни пожитки
 Солдатских детей и жен.

Прощание с Валею помню смутно. Хотя фронт приближался, мы еще не верили, что Калуга будет сдана немцам, не предполагали, что расстанемся на долгих три года. Тогда нам казалось, что пройдет месяц – другой, немцев погонят назад и все, кто так спешно покидает свои дома, снова вернутся назад.

Прощались мы не только друг с другом, но и с нашим детством. Детство оставалось в Калуге. Эшелоны увезут нас в другую – во взрослую жизнь.

С милым домом разлучённые,
 В горьком странствии своем
 Пьем мы воду кипяченую,
 А сырой воды не пьем.
 Было нам в то время грозное
 Чем залить свою тоску.
 Эх ты, царство паровозное!
 Сколько хочешь кипятку.

Да, железная дорога (в те далекие военные годы её именовали родным братом Красной армии) обеспечивала своих пассажиров бесплатным кипятком: на каждой станции возле вокзала стояла будка с вывеской «кипяток» – подходи и наливай.

А к теме расставания с детством Валя будет возвращаться много раз и в стихах:

Покидая затемненный городок,
 Потянулись эшелоны на восток.
 Потерял я детство где-то на пути...

и в повести об археологии («Трамваем до Ташкента»).

Вскоре от Вали пришло письмо с описанием дорожных впечатлений, отправленное с какой-то попутной станции. А в конце сентября, когда до нашего бегства из Калуги оставались считанные дни, я получил открытку с ташкентским адресом Вали. Ташкентский адрес! Как вовремя мы его получили и как были ему благодарны! Ташкентский адрес стал нашим почтовым ящиком, а Валя – связным:

У семей, развеянных войной.
 Я уехал первый. Я – связной.
 В тыл глубокий и в жестокий бой
 Адрес мой везли они с собой.

В канун нашего отъезда из Калуги, а уезжали мы 8 октября 1941 года, у нас появился дядя Коля. Бойцов его истребительного батальона, занимавшего оборонительный рубеж в районе реки Угры у деревни Плетенёвки, в связи с подходом регулярных воинских частей, распустили по домам. На восток уходил последний заводской эшелон, с которым дядя Коля уезжал с женой и сыном, и он выкроил время, чтобы попрощаться с нами. Мы собирались тоже уезжать, и вдруг возник убийственный вопрос: как мы найдем друг друга? И тут я вспомнил о ташкентском адресе Вали. Вот он выход! Дядя Коля записал адрес, а я помнил его наизусть: Узбекская ССР, г.Ташкент, ул.Лабзак, проезд Уй-Чи. Увез с собой ташкентский адрес и дядя Лёня Гусаров.

8 октября, всего за несколько дней до прихода немцев, в «телячьем» вагоне (в вагоне перевозили лошадей, и он весь пропах конским навозом) мы покинули нашу родную Калугу. Вместе с нашей семьей ехали в неизвестность и Софья Сергеевна Гусарова с Соней. В конце октября мы с Гусаровыми были уже в далеких казахстанских степях, где я с Соней собирал перекасти-поле, так как другого топлива не было. Но перекасти-поле моментально сгорало, не давая тепла. Первое письмо – Вале в Ташкент. Ответ пришел очень быстро. Несмотря на войну, почта работала исправно. Уже в ноябре у нас был адрес дяди Коли, полученный от Вали. Вот что писала моя мама отцу в Воронеж в «открытом письме» от 28.11.41 г. (письмо не застало в Воронеже отца и вернулось назад, потому и сохранилось): «...Через Валю Берестова узнали адрес Коли: Ст. Клюквенская Красноярской ж.д., поселок Уяр». Вот куда завез дядю Колю заводской эшелон. Там, на голой земле, будет развернут новый завод. А из поселка Уяр нам писали: «Мы как приехали, сразу написали письмо в Ташкент Вале...». Вот так Валин ташкентский адрес помог нам с дядей Колей найти друг друга. В январе 1942 года Валя в качестве новогоднего подарка прислал нам новый адрес дяди Коли, а затем

и адрес дяди Лёни Гусарова. Так что и Софья Сергеевна с Соней с помощью ташкентского адреса нашли дядю Лёню, который из Калуги уехал с последним эшелонном.

Война надолго разлучила двух друзей. Следующая наша с Валей встреча состоится только в 1944 году, когда нам будет уже по шестнадцать лет.

*Может быть, взрослыми снова расстались
Двое мечтателей – я и ты,
Потому что в детстве не домечтались
До какой-то недетской мечты.*

*Ведь нас предвоенное время растило.
Дороги не вовремя нас развели.
И, может быть, нескольких дней не хватило,
Чтоб мы до неё домечтаться могли.*

О ПЕРЕЖИТОМ

*Твоих писем у меня много и мне очень интересно их перечитывать.
Когда встретимся, у нас рассказов хвалит на полгода.*

Из письма Вали от 27.03.42 г.

Итак, в августе 1941 года мы расстались с Валею на долгих три года. С мамой и братом он уехал в Ташкент, где жила двоюродная сестра Зинаиды Федоровны. А наша семья уехала в неизвестность. При прощании с нами мамин брат, дядя Коля, посоветовал мне вести дневник. Совет понравился, и во время стоянки эшелона в Рязани я купил блокнот, в котором начал делать путевые заметки. Начал с описания последних дней нашего пребывания в Калуге и по памяти нарисовал Брянский мост, возвышавшийся над улицей Революции и разрушенный фашистской бомбой (я видел его разрушенным, когда мы шли от дома к станции).

Всё обилие дорожных впечатлений невозможно было переварить. Это был своеобразный практический урок географии: смена местностей, климата, часовых поясов, череда станций и полустанков, городов и поселков, рек и речушек. Подобный урок географии по пути от Калуги до Ташкента получил, конечно, и Валя.

Вот Москва, Рязань, другие большие и малые города. Вот великая русская река Волга, за ней – степи, седой Урал, река Миасс и стоящий на ней Челябинск с облаками дыма над металлургическими заводами, отсюда на запад шли эшелоны с танками. Дальше – уже сибирские реки и города: река Тобол и стоящий на ней Курган, где в братской могиле нашел упокоение мой дед Николай; река Иртыш и стоящий на ней Омск (позже с Иртышем я познакомлюсь ближе); и, наконец, река Обь и стоящий на ней Новосибирск с поразившим меня своими размерами и красотой железнодорожным вокзалом. Здание вокзала было построено в виде мчащегося на восток паровоза (хотя этот образ не сразу можно было угадать), а центральная его часть имела композицию триумфальной арки. Где-то тут – в Новосибирске – жила белобрысая девочка по имени Саша – моя будущая судьба.

От Новосибирска наш эшелон повернул на юг. За Барнаулом снова степи, на них – пасущиеся верблюды. Был уже конец октября, когда эшелон прибыл в Семипалатинск, где и был расформирован.

В пути мы находились почти три недели. Чем дальше от Москвы, тем плотнее был поток эшелонов: они двигались с Украины и Белоруссии, из центра России и из её южных областей. Где-то в пути поток разделялся на два отдельных потока, один из которых направлялся в Среднюю Азию, другой – дальше на восток. Попутные большие и малые станции были забиты эшелонами, подолгу ждавшими отправки, но первыми на восток отправляли эшелоны с ранеными бойцами, а также заводские эшелоны – где-то там, в тылу, на голом месте, под открытым небом разворачивались новые заводы. А на запад спешили эшелоны с войсками и военной техникой.

*Погодите-ка товарные!
Пей, бригада, кипяток.
Пропустите санитарные
Эшелоны на восток.*

*Погодите, пассажирские!
Сядьте, дети, на траву.
Воевать полки сибирские
Мчат курьерским под Москву.*

Еще в пути нас кто-то назвал (а возможно, мы сами себя так назвали) «выковырянными». Вот такими «выковырянными» мы и прибыли в Семипалатинск. Там наша семья, и с нами Софья Сергеевна с Соней, получили направление на жительство в «Свиносовхоз имени II пятилетки» Новошкульбинского района Семипалатинской области, куда мы и направились сначала поездом до станции Шемонаиха, а потом до места назначения – 40 километров на быках по пыльной, выжженной солнцем степи.

О быках, как о тягловой силе, я читал раньше, кажется, у Гоголя. И вот теперь они предстали реальностью. Степная, бесконечно длинная дорога, казалась мне чумацким шляхом, а наш возница с седыми казацкими усами (по всей вероятности он был украинцем) – чумаком, и ехали мы не в какой-то неизвестный нам свиносовхоз, а в Крым за солью. Возница покрикивал своё «цоб-цоб» на лениво вышагивающих быков, из-под ног которых поднималась густая, жирная пыль, толстым слоем оседавшая на наших скромном багаже, одежде, руках, лицах. Мы ехали так долго, что казалось, время остановилось. Но вот и совхоз.

Поселили нас не на центральной усадьбе совхоза, а в двух-трех километрах от неё, на полевом участке, в саманном домике. Домик стоял в ряду других таких же домиков на самом краю поселка, за глубоким оврагом; за домиком – бескрайняя степь, по которой ветер гонял клубки перекасти-поля.

*Вот перекасти-поле,
Колючий пыльный шар.
Он лихо скачет в поле,
Хоть с виду сух и стар.*

В поселке казахов не было видно, населяли его, в основном, выходцы из Украины. В домике тоже была русская печь, только не с кем было на ней уединяться для интимных разговоров. На печи спала бабушка Клаша с моим двухлетним братом Виталием. В первые дни по приезде Виталий заболел одновременно корью и дизентерией. Виталий находился при смерти, и мама увезла его в Новую Шульбу. Там, в районной больнице, он и был вырван из её лап. Обессиленный болезнью и голодом, он просыпался ночью и тихим голосом просил дать ему сухарика. Из мешочка с припасенными еще до войны сухарями бабушка доставала сухарь и совала его в руки Виталия. Он грыз его, успокаивался и скоро засыпал. А я вспоминал, как когда-то и мы с Валей грызли на печи сухари из этого же мешочка.

Оттуда, с этого «Свиносовхоза имени II пятилетки», я и отправил Вале первое письмо с описанием дорожных впечатлений и совсем скоро получил ответ. Связь была восстановлена.

Прошло несколько дней, и мы узнали, что такое континентальный климат. В одну ночь зима сменила осень. Случилось это с 6-го на 7-е ноября. Был теплый осенний вечер, когда мы ложились спать, а утром все кругом было покрыто толстым слоем снега, и был мороз. Узнали мы и что такое буран в степи. Бураны продолжались по несколько дней, а когда кончались, мы обнаруживали вокруг домика огромной высоты сугробы. Школа находилась на центральной усадьбе совхоза, и из-за зимы и отсутствия теплой одежды учебу пришлось бросить.

Работы в совхозе для «выковырянных» не было, но мама упорно её искала, и не любую, а по специальности. Нашла она её на станции Шемонаиха, куда мы вскоре и перебрались. Туда же перебрались и тетя Соня с Соней. А в марте следующего года новый переезд – на станцию Защита Томской железной дороги, расположенной в семи километрах от Усть-Каменогорска. Получилось так, что в шестом классе я учился в четырех школах.

В железнодорожном поселке на станции Защита нашли приют многие калужане, загнанные туда войной, так что там образовалось целое калужское землячество. Калужане держались друг друга, помогали один другому кто, чем мог, обменивались калужскими новостями. Мальчишки и девчонки тоже держались друг друга. В Калуге Валиных одноклассников, кроме Сережи Субботина, я не знал, а здесь сдружился с калужанином Колей Лоскутовым, который, как потом выяснилось, учился с Валею в одной школе. Я расспрашивал Колю о Вале, и он мне что-то рассказывал о нём, но что конкретно – теперь уже не помню. В нашей с Валею переписке он почему-то ни разу не был упомянут.

С Колей мы ходили купаться в прохладных водах Иртыша или на рыбалку поудить чебаков, лазили на гору Орел, где на камнях грелись зеленые, шустрые ящерицы. Наконец, после окончания семи классов мы вместе с ним пошли работать в железнодорожные мастерские.

*А как мы фронту помогли?
Что тут ответить? Мы пахали,
А кто поменьше, те пололи
В сибирском ли, в узбекском поле*

Конечно, учась в школе, и мы пахали и пололи, но теперь наша с Колей помощь заключалась и в том, что в мастерских мы заняли место ушедших на фронт мужчин, и это придавало нам гордости. Была помощь и семье, поскольку мы получили рабочие карточки, а это уже не 400, а 800 граммов хлеба в день. А в августе сорок третьего наши семьи, Колина и моя, вместе, в одном вагоне, возвращались в родную Калугу, и почти всю дорогу мы с ним простояли на тормозной площадке вагона – уж очень хороший был с неё обзор. Это снова был практический урок географии.

Кстати, судьба свела меня и с другим Валиным одноклассником – Фатовым Сашей, с ним я учился в одной группе в Ка-

лужском техникуме железнодорожного транспорта. Конечно, я написал Вале об этом, и, поскольку Фатов был довольно неординарной личностью и являл собой целый букет противоречивых качеств, мы в наших письмах изрядно промыли ему косточки

Кстати, у Валиного брата, Димы, хранились фотокарточки, на которых отличник Валя изображен вместе с другими отличниками. Среди них – Коля Лоскутов и Саша Фатов.

*Отличники 10-й школы.
Слева направо: Саша Фатов и Коля Лоскутов, Валя во втором ряду.*

Валя с Сашей Фатовым.

Надо ли говорить о том, что после того, как мы с Валею расстались, в наших жизнях произошло много нового: и событий, и встреч, так что было чем поделиться в письмах друг к другу.

Жизнь Вали в Ташкенте была более голодной, чем в той глубинке, куда попали мы, но зато и более интересной, насыщенной, полной встреч с известными и именитыми людьми.

Ташкент – город хлебный, но, приютив бежавших от войны европейцев, он был не в состоянии их прокормить. Как говорил приезжий народ, поесть в Ташкенте, кроме пыли, было нечего. Берестовы голодали. Жизни Вали угрожала опасность – он мог умереть голодной смертью, и если бы не вмешательство Чуков-

ского и других влиятельных лиц, то неизвестно, чем бы всё закончилось (чтобы спасти Валу, его устроили в детдом, о чем он мне сообщил в письме от 9 ноября 1942 года). В книге «Светлые силы», глава «Блаженная весна» Валя написал, что был знаком с Лидией Яковлевой и Моисеем Соломоновичем Беленькими и их дочерью Лилией, эвакуированными в Ташкент из Одессы. Лидия Яковлевна работала в Комиссии помощи эвакуированным детям, основанную женой Максима Горького Екатериной

Валя с Чуковским. Москва.

Павловной Пешковой. В заботе о детях им помогали Корней Чуковский и его жена Лидия Корнеевна. Чуковский хлопотал о Вале, а Моисей Соломонович зимой 1943 года положил Валу в клинику имени Семашко, где он работал,

и не выпустил, пока полностью его не вылечили от пеллагры и частично – от дистрофии.

Валя не мог не сочинять стихов, посвященных своему спасителю Чуковскому, одно из них, названное «Прогулки с Чуковским» (1942 г.) привожу ниже:

*Мне четырнадцать лет, а ему шестьдесят.
Он огромен, и сед, и румян, и носат.
Он о сыне скорбит. Я грущу без отца.
Май цветёт. А войне всё не видно конца.
Осторожно мою он решает судьбу
И тревожно глядит на мою худобу.
Завтра утром меня он помчится спасать.
А пока он покажет, как надо писать.*

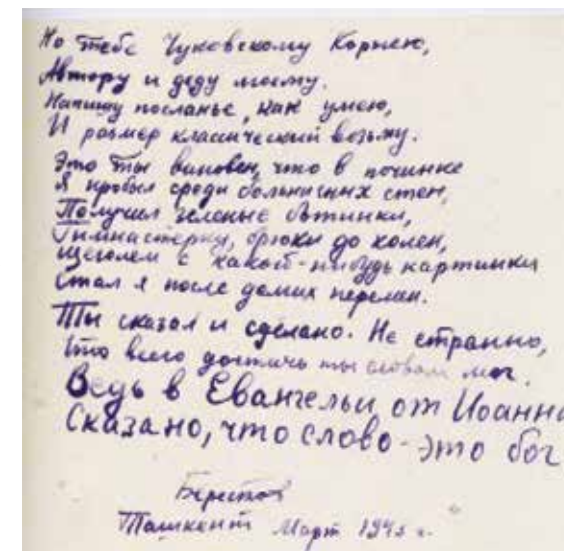
*И прочтёт мне стихи, что великий поэт
Сочинил про любовь двадцати семи лет,
Вспомнит то, что меня ещё ждёт впереди.
О поэзия! Души людей береди,
Чтоб нашли в тебе силы и общий язык
Этот хилый мальчишка и крепкий старик.*

О своих встречах с Чуковским и другими мэтрами от литературы Валя вел записи в дневнике, которые позже использовал в работе над воспоминаниями «Светлые силы». В книге «Еще недавно был Корней Иванович...» Валя упоминает о том, что обязан Чуковскому жизнью («Он не только спас мне жизнь, но и направил её»).

Ниже привожу текст письма Чуковского о Вале в комиссию помощи эвакуированным детям в Ташкенте: «Этот

14-летний хилый подросток обладает талантом огромного диапазона, удивляющим всех знатоков. Его стихи классичны в лучшем смысле этого слова. Он наделен тонким чувством стиля и работает с одинаковым успехом во всех жанрах, причем эта работа сочетается с высокой культурностью, с упорной работоспособностью. Его нравственный облик внушает уважение всем, кто соприкасается с ним. Корней Чуковский».

А вот что написал Чуковский о Вале в своем дневнике (запись от 22 апреля 1946 года (понедельник): «Вчера был у меня Валя Берестов и читал мне наброски своей записной книжки.

«Книжка крохотная, он носит ее в кармане штанов – и какие в ней шедевры талантности. Я на радостях написал его матери Зинаиде Федоровне в Калугу большое письмо о том, что в его очерках виден и зрелый, безупречный, безошибочный вкус, и зоркий проникновенный талант, и благородная ненависть ко всякой фальши, и забронированность от всякого упадочнического, циничного, мелкого, вздорного. Какие записи об отце, о свирепости

немцев, о героизме и нравственной выдержке пленных, о пассажирах в вагоне, о разговорах в толпе. Был у меня вчера Л.Квитко (с Бертой Самойловной) – и он рассказал, что Поликарпов снят «за грубость и самоуправство» – и что в Союзе Писателей атмосфера немного прояснилась. Квитко тоже восхищался Валею Берестовым».

Интересно по своему содержанию письмо Чуковского от декабря 1948 г. родителям Вале: «Дорогой Дмитрий Матвеевич. Вы, конечно, очень преувеличиваете мою роль в делах помощи Вашему сыну. Валя встал бы на ноги при всех обстоятельствах. Всякий в первый же час знакомства с ним – чувствовал, что это необыкновенная личность. От него шла какая-то эманация благородства, ума и таланта, чувства собственного достоинства

он не терял никогда. О Вас вспоминал с благоговением. Его одухотворенность всегда поднимала нравственную то в том обществе, где он появлялся. Я и сейчас чувствую это, когда он, к сожалению, редко, приходит в мою семью. Сердечный привет Зинаиде Федоровне. В тот великий день, когда пришла Ваша открытка, я участвовал в Октябрьской демонстрации под ярким солнцем Кисловодска. Поздравляю и Вас этим днем. Ваш К. Чуковский».

Мое последнее письмо со станции Защита не застало Валею в Ташкенте – он находился в санатории, о чем мне сообщила Зинаида Фёдоровна. Её письмо привожу полностью, без изменений:

«Ст. Защита Томской ж. д., дом НКПС № 20, кв. 4
Прохоркину Вадиму.
Ташкент, Шахриязбская, дом 104, Берестов Валя.
Ответ на 20/VI-13/VII.43г.

Дорогой Вадим! Отвечает тебе мама твоего друга, так как он с 10/VII.43г. находится в санатории, и Дима тоже. У нас стоит такая жара, что ходим, высунув язык. Валя в этом году чувствует себя лучше. Он тоже сдал на отлично, а сейчас отдыхает. Прошел английский язык за 8 классов, думает попутно заняться французским. Валя будет кончать 10-летку. Советую тебе тоже, а там для вас широкая дорога, и вы подрастаете, иные будут взгляды, иные желания, а тем более, учишься ты отлично. Давай 10-летку кончай. Мама согласится. Привет вам всем. Валя вернется 6 августа, и, быть может, еще ответит. Пиши, не забывай. З. Берестова.»

Зинаида Фёдоровна советовала мне «кончать 10 классов». Очевидно, в письме к Вале я поделился с ним своими сомнениями о возможности дальнейшей учебы в школе. У каждого своя судьба. Нужно было скорее приобретать какую-то специальность, и мне пришлось поступить в техникум, но было это уже в Калуге.

Вскоре после получения письма от Зинаиды Фёдоровны мы покинули гостеприимный Казахстан. В 1943 году большая часть территории, по которой проходила Московско-Киевская железная дорога, была освобождена от оккупантов. Управление дороги, расформированное в октябре 1941 года, было вновь сформировано, и из эвакуации стали отзывать кадровых работников. Калуга была освобождена от немцев 30 декабря 1941 года, и мы уже устали ждать, когда сможем вернуться домой.

*Будет день, когда у перрона
Фыркая, станет поезд мой.
Взбегу по звонким ступеням вагона.
Гудок прокричит: «Домой! Домой!»*

В августе наконец-то получила вызов и моя мама. Сборы были недолгими. Только пассажирского вагона со звонкими ступеньками не было, обратный путь был снова в «телячьем» вагоне, но без нар и печки, и путь наш, как и в 1941 году, был нескорым, мы ехали долгих 16 дней, но зато он был радостным – мы ехали домой, в родную Калугу.

Калуга встретила нас пасмурной погодой, безлюдными улицами, длинными очередями у хлебных магазинов. Родная Пролетарская улица выглядела чужой и неприветливой. В нашем доме и во флигеле во дворе, в котором раньше проживали Гусаровы, жили незнакомые, чужие люди, только в свётелке по-прежнему жил Колька-верховой со своей матерью. От дома, в котором жили Шеленговские и Чудовы, остались одни развалины: сюда угодила бомба. Всё наше имущество, мебель были разграблены. Мы вернулись домой, но домой не попали.

Маме дали комнату в коммуналке дома НКПС на Улице 1905 года (теперь снова улица Георгиевская). Рядом с домом – действующий двухэтажный Свято-Георгиевский собор – храм в честь великомученика Георгия «за верхом», памятник архитектуры (поскольку главный калужский собор, каковым яв-

лялся Свято-Троицкий кафедральный собор, был Советской властью разорён, его статус перешел к Георгиевской церкви). В этом храме когда-то венчались мои бабушка и дедушка. Напротив церкви – дом Гончаровых, родителей жены А. С. Пушкина, Натальи Николаевны. Так что, место было историческое. В этой коммуналке, в которой жило еще три семьи, мы прожили до 1946 года, и знаменательна для меня она тем, что в ней произошла наша первая с Валею встреча после трехлетней разлуки.

В марте 1944 года Валя писал мне, что приедет в Калугу ко дню моего рождения, а жить будет у тетки на Пушкинской улице. Но приезд в Калугу не состоялся. Уже не помню, от кого я узнал, что в Ташкенте его уже нет, что он в Москве и временно живет в семье у Пешковых, родственников Максима Горького.

*Две пачки яичного порошка,
Да двадцать четыре коротких стишка
Про детство, войну и весну.
Москва. Вот и я потянулся туда.
Там нового Пушкина ждали тогда.
Ну, значит, я тоже блесну.*

Позже мне станет известно, что в Москву Валя приехал в конце апреля и заботами своих меценатов был определен в интернат при школе Памяти Ленина в Ленинских Горках. Там Валя жил и учился с 1944 по 1946 год. В книге «Светлые силы», в главе «Мои встречи с Пушкиным», он написал: «1944 год. Из Ташкента, из эвакуации, уехал один в Москву. Усилием лучших представителей творческой интеллигенции был определен в интернат при школе Памяти Ленина в Горках (...) В Горках всё было по-старому, девочки и мальчики учились вместе.

А в письме от 1.12.1944 года он мне писал: «Школа у нас подопытная, преподают логику и психологию. Ребята хорошие – очень тихая, благополучная школа».

Меня не могла не заинтересовать история этой школы, и вот какие я собрал о ней сведения: До революции школы в Горках не было, она появилась там только в 1920 году по распоряжению В.И.Ленина. Под школу было отдано двухэтажное здание бывшего барского особняка, расположенного недалеко от реки Пахры в массиве липового леса. В этом же особняке был расположен и детский дом для детей-сирот и детей из многодетных семей Горок.

Школа имела статус трудовой школы 1-й ступени с пятилетним обучением; позже, по инициативе Н.К.Крупской она была преобразована в школу крестьянской молодежи (ШКМ) с семилетним образованием. В дополнение к обязательным предметам в ней были введены уроки по животноводству, полеводству, садоводству, пчеловодству, бухгалтерскому учету. В 1936 году было построено новое здание школы. Помимо полностью оборудованных учебных классов, в ней имелись отдельные комнаты физики, химии, биологии, пения, огромный спортивный зал, библиотека, кабинет врача, комната для занятий рукоделием. Под спортивным залом находилась столовая. Полы в школе были паркетные.

Рядом со школой построили столярную мастерскую, а недалеко от неё двухэтажное здание с квартирами для учителей.

В сентябре 1941 года школа была переоборудована под госпиталь. 200 человек раненых разместили в школьных классах и коридорах. Учителя и ученики взяли шефство над госпиталем. Девочки помогали на кухне, мыли полы, читали, писали письма. Дружно готовили концерты художественной самодеятельности, которые по праздникам проводились в спортивном зале. А учебные занятия проходили в здании старой школы в две смены; дров для отопления не хватало и дети сидели одетые, в холодные зимние дни чернила в «непроливайках» замерзали.

14 октября 1942 года был издан приказ по Народному Комиссариату Просвещения РСФСР: «Преобразовать школу памяти В.И.Ленина в школу интернат для детей, родители которых погибли в отечественной войне. Направлять в школу в первую очередь детей из Ленинского района Московской области.

В конце осени 1944 года госпиталь эвакуировали в санаторий Лукино, и учеба снова продолжилась в новой школе, а в здании старой были размещены 75 интернатских детей из России, Украины, Белоруссии. Среди них был и Валя.

При интернате содержались лошадь, несколько коров, свиньи, пасека, земля. Ребята с удовольствием помогали ухаживать за этим хозяйством. О работах в поле писал мне и Валя.

Интернат прекратил свое существование в 1954 г., когда школа получила статус Экспериментальной школы Академии Педагогических Наук.

Громадные изменения в истории школы произошли весной 1965 года. Совет министров РСФСР издал распоряжение: «Принять предложение Министерства просвещения РСФСР о преобразовании средней общеобразователь-

На фото современный вид школы-интерната памяти В.И. Ленина.

ной трудовой политехнической школы с производственным обучением памяти В.И.Ленина Подольского района Московской области в среднюю школу-интернат памяти В.И.Ленина

К этому времени был введен в строй большой комплекс зданий: новая школа, интернат на 500 детей – один корпус на 250 девочек, второй на 250 мальчиков. Столовая и кухня объединяли эти здания. Учебные кабинеты были полностью оборудова-

ны, в каждом стоял киноаппарат и все необходимые пособия. В школе имелась библиотека, большой уютный зал с креслами, спортзал. Рядом со школой расположились учебные мастерские: столярная, слесарная, овощехранилище, гараж для машин и сельхозтехники, кабинет домоводства с набором утвари и швейными машинками.

Впоследствии в школу-интернат будет определен и брат Вали Дмитрий.

Валя совсем близко, обещает приехать во время летних каникул, и я с нетерпением жду его приезда, отсчитывая неделю за неделей. Я окончил первый курс Калужского техникума железнодорожного транспорта, но на каникулы нас не распустили, а использовали на так называемых оборонных работах. (Через 50 лет за это и за работу в железнодорожных мастерских я получу статус участника войны.) Вечера провожу за чтением.

Как часто в таких случаях бывает, встреча произошла неожиданно. Я был дома один, мама находилась на ночном дежурстве, а бабушка Клаша с внуками уехала «на кормление» в деревню к родственникам отца. Слышу стук в дверь, открываю – Валя! Не можем сдержать радостных эмоций. Внимательно всматриваемся друг в друга. А мы ведь здорово изменились: теперь мы не те мальчишки, какими были три года назад, теперь мы почти юноши – нам уже по 16 лет. Валя в очках, худ, почти не вырос, но всё тот же: так же, как и раньше, щурится, и улыбка, и жесты прежние, довоенные. Не изменилась и манера вести разговор. Так в чём же мы изменились? Наверное, в том, что мы рано повзрослели и теперь несли на себе отпечаток тех бедствий, которые наложило на нас военное лихолетье.

Но сколько можно смотреть друг на друга! Немного успокоившись, мы приступили к большому и длинному разговору, и уже лежа в постели, проговорили почти до утра. В письме ко мне от 27.03.42 г. Валя писал: «Когда встретимся, у нас рас-

сказов хватит на полгода». Так и произошло. У Вали имелось, что рассказать мне о жизни в Ташкенте: о встречах с Корнеем Чуковским, Алексеем Толстым, Анной Ахматовой, другими знаменитостями (об этом периоде его жизни можно прочесть в воспоминаниях «Светлые силы»). Слушать Валю было интересно, поскольку рассказчик он был замечательный, я же был хорошим слушателем.

Вале повезло, что он оказался в Ташкенте, где, гонимая войной, собралась почти вся наша литературная элита, «золотой запас» – умы и таланты страны. Эвакуированные в Ташкент писатели и деятели культуры жили там одной колонией. Этакая большая коммунальная квартира советских времен, состоящая сплошь из интеллигентов. В то время на улицах Ташкента можно было встретить А.Ахматову, К.Чуковского, А.Н.Толстого, Ф.Раневскую, Вс.Иванова, Е.Булгакову, С.Михаэlsa, В.Луговского – всех не перечислить, но лица все узнаваемые (так о жизни в ташкентской эвакуации написано в книге Натальи Громовой «Все в чужое глядят окно»). Попади Валя, как мы, в казахстанские степи, его судьба могла бы сложиться по-иному.

Имена корифеев от литературы, с которыми Валю свела жизнь, и о которых он мне рассказывал, таких как Корней Чуковский, Самуил Маршак, Алексей Толстой, Лев Квитко (член Еврейского антифашистского комитета, арестованный по ложному обвинению и расстрелянный в 1952 году, как и другие члены этого комитета), и некоторых других, были мне знакомы.

В становлении Вали как поэта Самуил Маршак, вне сомнения, сыграл большую роль.

У Вали имеется стихотворение:

*Опять робея, веря и не веря,
Примчишься, под собой не чуя ног.
Не просто перед дверью, а в преддверье
Замрешь, нажать не смея на звонок.*

*Недолго нерешительность продлится.
Но молодость не кончилась, пока
Сначала сердце в двери постучится,
Потом к звонку потянется рука.*

Замечательное стихотворение. Так и представляешь влюбленного, стоящего в нерешительности перед дверью своей пассии, во взаимности которой он не уверен. Кому Валя мог посвятить это стихотворение? Первая мысль – девушке. Я заинтересовался у Марины, не знает ли она, кому посвящено стихотворение. Ответ был неожиданным – стихотворение посвящено Маршаку. В воспоминаниях о Маршаке Валя писал: «Я слушал, Маршак говорил. Так было двадцать лет». Маршак был отличным учителем, Валя – прилежным учеником.

А имя Анны Ахматовой, тоже сыгравшей в жизни Вали значительную роль, мне ничего не говорило. В 1991 году Валя написал о ней:

*О счастье – на рассвете юных дней
Смешить Ахматову, смеяться вместе с ней!*

В 1944 году Ахматову я еще не знал и с её творчеством знаком не был. Не знал я не только Ахматову, но и Гумилёва, Пастернака, Мандельштама и многих других поэтов, как символистов, так и акмеистов, с творчеством которых Валя был уже хорошо знаком. Я читал тогда совсем других авторов. Заведующая техникумовской библиотекой, интеллигентная старушка, имела свои пристрастия в поэзии и, признав во мне серьезного читателя, давала мне книги из своего, как она говорила, заветного шкафчика. Это были стихи Гейне, Шиллера, Байрона, Беранже, а из русских авторов – Аполлона Майкова, Фета, Надсона, Апухтина, и ничего из более поздних или современных поэтов. Так что, к примеру, стихи Сергея Есенина, считавшегося упадочническим поэтом, приходилось искать у однокурсников. Предполагаю, что произведений Есенина, да и Ахматовой,

в библиотеке даже не имелось, а если они и имелись, то студентам их читать не давали.

Понравившиеся стихи я переписывал в заветную тетрадь (кстати, и Валя так делал); например, из Апухтина:

*Когда будете, дети, студентами,
Не ломайте голов над моментами,
Над Гамлетами, Лирами, Кентами,
Над царями и президентами,
Над морями и континентами... и т. д.*

Это стихотворение я читал наизусть своим однокурсникам, и оно им тоже нравилось.

Так что, Ахматову я тогда еще не знал, вторично, после рассказа Вали, услышал о ней из известного постановления ЦК ВКП (б).

Валя рассказывал, а я засыпал его вопросами. Говорили и о нашем будущем. Как мне помнится, Валя говорил, что, если ему суждено стать литератором, то на одной поэзии он не замкнется. Он видит себя не только поэтом, но и прозаиком, и уже давно накапливает материалы для своих будущих книг (полагаю, что он имел в виду свои дневниковые записи).

А еще Валя рассказывал о достопримечательностях Ташкента и его коренных жителях, при этом особо подчеркнул, что узбекские девушки очень красивы.

У меня тоже было о чём рассказать Вале. Я пережил первые бомбежки Калуги, да и наше бегство из города было по-своему интересным. За давностью лет не могу вспомнить определенно, что я ему рассказывал в первый день нашей встречи, а что – позже.

Первая большая бомбежка Калуги случилась 4 октября 1941 года. Я и Соня Гусарова учились в школе № 5 (бывшая казенная женская гимназия), находившейся на улице Дзержинского. В тот день, как обычно, шли занятия. Мы не услышали сигнала

о налете. Поэтому, когда началась бомбежка, мы все сидели за партами. Окна нашего 6-го «В» класса выходили на ту сторону, где упали бомбы, а упали они совсем близко. Взрывной волной выбило все стекла.

Тот момент я и теперь помню так ясно, словно это было вчера. Я помню, как оконная рама и куски стекол медленно-медленно начали вываливаться из проема и также неторопливо стали падать внутрь класса на головы учеников. Я запомнил даже конфигурацию чуть ли не каждого падавшего вниз осколка стекла, траекторию его движения, а ведь всё это длилось одно мгновение, мгновение же было воспринято как длившееся, по крайней мере, несколько секунд. Через много лет в журнале «Наука и жизнь» я прочитал статью о необыкновенной способности человеческой психики воспринимать происходящие в экстремальной ситуации явления в замедленном темпе. Автор статьи приглашал читателей сообщить ему через журнал о таких случаях, и я собирался написать о своем случае, но, к сожалению, так и не написал. Разгадала ли наука эту загадку? А вот как я и другие ученики класса очутились на полу, не помню. Никто серьезно не пострадал. Учительница вывела нас в подвал, где собралась вся школа, и где нас долго держали, ждали, когда из домов, в которые попали бомбы, вывезут убитых и раненых.

Весь квартал, в котором находилась школа, был оцеплен. Прибежавшие к кварталу мамы и другие родственники учеников, среди них моя мама и Софья Сергеевна Гусарова, ждали снятия оцепления, находясь в шоковом состоянии, поскольку кто-то распространил слух, что одна из бомб попала в школу. Когда я и Соня вышли из школы, то сразу же попали в объятия моей мамы и Софьи Сергеевны.

Как я потом узнал, в результате этого налета было разрушено 10 домов, ранено 58 и убито 43 человека. Среди погибших была и сестра моего отца, тетя Лиза, ставшая первой жертвой

войны из числа нашей родни. Вместе с детским садом, которым тетя Лиза заведовала, в этот день она должна была эвакуироваться, и перед дальней дорогой решила свести внука Юру в парикмахерскую, где её и застал налет. Взрывом бомбы тете Лизе оторвало ноги, и она умерла от потери крови, а у находившегося рядом с ней Юры не было ни одной царапины.

В этот день занятия в школе для меня надолго закончились. Возобновятся они за тысячи километров от Калуги – в Казахстане...

Мой второй рассказ был о том, как мы уезжали из Калуги. 7 октября Калугу опять сильно бомбили. Я видел как чёрный (таким он мне показался), с крестами на фюзеляже и крыльях, «Юнкерс» низко пролетел над городом, и из него, как горох, сыпались вниз зажигалки.

А 8 числа наша семья, и с нами Софья Сергеевна с Соней, с одним из последних эшелонов уехали из Калуги, как нам казалось, на два-три месяца. Наш отъезд устраивал дядя Лёня Гусаров, сам он уехал из Калуги еще позже нас.

Путь от Калуги до Москвы (электричка его проходит за три с половиной часа) наш эшелон преодолевал три дня. До станции Тихонова Пустынь доехали без приключений. Вдали чернело дымящееся здание элеватора, в нём после бомбежки 7 октября горело зерно. Дальнейший же путь был полон приключений. Впереди и сзади нашего эшелона держали путь на Москву другие эшелоны. Дорогу бомбили, и мы, оставив весь свой скарб в вагоне, прятались в лесу, подолгу ожидая, пока где-то впереди закончат восстановительные работы на разрушенном бомбами пути. Нам повезло, что ни один из крупных мостов не пострадал от налетов авиации, иначе до Москвы мы бы не добрались.

Медленно, но мы всё же двигались вперед. Однако не все из впереди идущих эшелонов дошли до Москвы: внизу под отко-

сом железнодорожной насыпи лежали разбитые и обгоревшие вагоны и цистерны. На полпути наш эшелон вдруг надолго остановился, уже не из-за налетов вражеской авиации, а по причине, что на паровозе кончились вода и топливо. Пассажиры эшелона высыпали из вагонов и выстроились цепочкой до какого-то болотца и оттуда из рук в руки передавали на паровоз ведра с водой. Таким же способом были переданы на паровоз и обнаруженные где-то поблизости дрова.

В Москве наш вагон долго возили по Окружной железной дороге. Когда стало темнеть, в небо поднялись аэростаты воздушного заграждения, а потом всю ночь, где-то рядом, грохотали зенитки, и в черном небе были видны разрывы снарядов – там, в вышине гудели своими моторами немецкие самолеты.

На другой день, рано утром, уже другой эшелон, к которому прицепили наш вагон, отправился на Рязань и дальше на восток. Это было 12 октября, в день, когда после ожесточенных боев Калуга была сдана немцам. Кстати, с подробностями о боях за Калугу можно ознакомиться в книге «Мой город родной Калуга», изданной в 2011 году по инициативе Совета ветеранов Московского округа города Калуги. В книге рассказывается об истории города Калуги, её оккупации и освобождении от немецких захватчиков.

Вход немецких частей в Калугу был чётко зафиксирован в документах вермахта – 12 октября 1941 года в 21 час. (Книга «Мой город родной Калуга», стр. 103). Но ожесточенные бои на улицах Калуги продолжались и 13 октября. С некоторыми подробностями о боях за Калугу можно познакомиться в гл. «Забытый бой в октябре 1941» в альманахе «Калужская застава», 2005 г. т.1, стр. 246-249.

Как мне показалось, мои рассказы произвели на Валю большое впечатление. Он сказал, я это хорошо запомнил, что всё это

надо сохранить в памяти, а лучше – записать, записать для тех, кто вырастет после нас. Еще Валя сказал, что когда-нибудь он напишет книгу о Калуге и то, о чём я ему рассказал, ему может пригодиться. Тогда я не последовал совету Вали, и свой рассказ не записал, сделал это теперь, в этих воспоминаниях.

За разговорами мы забыли о том, что уже давно наступила ночь, и заснули только под утро. Разбудил нас приход с дежурства моей мамы. Она тут же набросилась на Валю с расспросами, и, слушая его ответы, эмоционально «охала» и «ахала».

После дежурства маме надо было отдохнуть, а мы – скорее в город, я должен показать Вале военную Калугу. Выходим к Свято-Георгиевскому собору. В нём Валя раньше не был, и я предлагаю зайти внутрь. Подымаемся по широкой лестнице на второй этаж. Внутри храма тихо и прохладно. Мы рассматриваем старинные иконы (в соборе находилась главная святыня Калужской земли – чудотворная икона Калужской Божией Матери) и шёпотом обмениваемся впечатлениями. Женщины в черных платках крестятся и ставят свечки у икон, передают священнику записочки с именами убиенных на поле брани, чтобы упомянули их в молитвах за упокой. Мы смотрим на этих женщин, потерявших близких на войне, и нас охватывает чувство скорби. Примолкнув, мы выходим из церкви и идем к Театральной площади. Наш уютный с замечательной акустикой театр, один из старейших в России «храмов Талии и Мельпомены», сторел при отступлении немцев, его развалины были видны из окна нашей квартиры (немцы заняли театр под конюшни, а при отступлении его сожгли). В нём играли такие знаменитости, как М.С.Щепкин, П.М.Садовский, В.Ф. Комиссаржевская. Кажется, совсем недавно мы были в театре на «Мещанине во дворянстве» Мольера, и вот перед нами развалины. В 1958 году на месте этих развалин разобьют сквер, а в нём установят памятник К.Э. Циолковскому.

От развалин театра по улице Кирова идем к базару. На базаре шумно, но теперь там совсем другой люд. Крестьян почти не видно, всего несколько телег, а возле них, вместо бородатых мужиков, бабы да седые старики. Торгуют больше горожане, кто чем: яичным порошком, американскими консервами, пайкой хлеба, но преимущественно барахлом. Инвалид, в выгоревшей гимнастерке со следами от погон, зазывает сыграть в «три листа» – это дедушка появившихся позже напёрсточников.

Стоявшую на базарной площади водонапорную башню наши саперы взорвали 11 октября, накануне захвата Калуги немцами. Напротив базара – развалины домов, сюда упали бомбы при бомбежке города 4 октября 1941 года.

Предлагаю Вале посмотреть немецкий танк на улице Степана Разина, подбитый в боях при освобождении Калуги. С улицы Кирова, у пожарной каланчи (теперь её нет – снесли за ненадобностью), сворачиваем на улицу Степана Разина. Вот и танк. Всё, что можно было с него снять, давно уже снято, остался один остов, который уберут уже после окончания войны.

Улица Степана Разина круто спускается вниз к Оке. Показав на этот спуск, рассказываю Вале, что, когда наши войска освободили Калугу, тут лежало много замерзших трупов немецких солдат, и мальчишки на этих трупах, как на салазках, съезжали вниз с горы. Об этом я слышал в техникуме от своих однокурсников. Рассказ Вале поразил.

На улицу Салтыкова-Щедрина, где было больше всего разрушений – там шли самые горячие бои – решили не ходить. Лучше – на улицу Пролетарскую, на улицу нашего детства. После моего возвращения в Калугу тут ничего не изменилось. Наш дом по-прежнему выглядел чужим и неприветливым, а двор – пустым и унылым. Не до конца убранные развалины дома, в котором до войны жили Шеленговские и Чудовы, придавали двору еще более тоскливый вид.

*Снова, как и много лет назад,
Захожу в знакомый двор и сад.
Двор пустой. И никого в саду.
Как же я товарищей найду.
Никого...*

Из прежних жильцов, кроме Матвеевых, никого не осталось. Гусаровы, по возвращении из эвакуации, осели в Малоярославце. Старшие Шеленговские погибли при бомбежке. Мишка-Кукарача воевал в морской авиации где-то на севере (при встрече с ним после войны он рассказывал, как самолет, на котором он был стрелком-радистом, немцы сбили над морем, и, пока не пришло спасение, он долго болтался в холодной воде). Младшие Шеленговские были разбросаны по детским домам. Ну, а Лёсик Чудов погиб на фронте, а старший Чудов, дед Лёсика, умер. Куда подевались родители Лёсика, я уже не помню.

Ушли мы в угнетенном состоянии и долго молчали. Возвращения в детство не получилось.

После возвращения в Калугу Зинаиды Фёдоровны с Димой, наши встречи с Валею стали довольно частыми, поскольку он регулярно навещал свою маму. Вместе с тем мы продолжали и переписываться.

У Вале была записанная книжка, в которую он заносил интересные мысли, необычные выражения и слова. И я стал ему помогать в их сборе. Как раз в это время я прочитал книгу «Записные книжки» Ильи Ильфа (эту книгу, изданную небольшим тиражом, уже не найти, во всяком случае, в фондах Житомирской областной библиотеки её не имелось). У Ильфа было собрано много забавных выражений, словечек, фамилий («ему повезло – он попал под машину скорой помощи», «грудь у неё была в полужидком состоянии», «не давите на мою психику» и др.). Я был уверен, что и Валея в свою записную книжку соберет много интересного, и стал ему в этом рьяно помогать. Улов ин-

тересных выражений я собирал во время стояния в очередях. В угловом доме по Улице 1905 года, напротив церкви Георгия за Верхом, был хлебный магазин. Очередь за хлебом занимали с раннего утра. Порядковый номер в очереди записывали на ладони химическим карандашом. А стоять в ожидании привоза хлеба чаще всего приходилось мне. Очередь двигалась медленно. Продавец сначала вырезал из хлебных карточек нужные талоны, потом устанавливал гири нужного веса, взвешивал буханку, добавляя к ней отрезанные от другой буханки довески, и, наконец, получал за хлеб деньги. На все это уходило много времени. В очереди люди не стояли молча, а вели разговоры на самые различные темы. Вот тут-то я и собирал свой улов, запоминая интересные выражения и словечки, чтобы дома записать их и передать Вале в его приезд.

Что касается карточек на хлеб и другие продукты (их ввели в начале войны и отменили только в декабре 1947 г.), то не всегда просто их было отоварить. Частенько вместо мяса давали полученные по ленд-лизу американский яичный порошок или рыбную крупу, а жиры отоваривали хлопковым маслом, в лучшем случае – лярдом.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ. ВЗРОСЛЕНИЕ

Окончилась война. Валя прислал мне открытку с описанием, как ликовала Москва в День Победы: что творилось на её улицах, какой был салют, как подвыпивший американец на балконе своего посольства вылил виски на голову своего товарища и поджег его. Этот день Валя с раннего утра и до поздней ночи провёл в Москве.

*О, этот день, до полуночи утренний!
Вышли на улицы всею Москвой.
Можно ли было еще целомудренней
По-деревенски встречать торжество!*

И я послал Вале письмо с описанием, как День Победы праздновала Калуга.

К радости окончания войны добавилась еще одна радость: «нашелся» отец Вали Дмитрий Матвеевич.

Помните стихотворение «Отцу», написанное Валею в Ташкенте в 1942 году:

*Отец мой! Ты не шлешь известий
Уж целый год семье родной,
Но дни, когда мы были вместе,
Во сне встают передо мной.
И оживает прожитое...*

Строки стихотворения полны сыновней любви и тоски, но в них светится и надежда:

*...Как будто были сном кошмарным
Все потрясенья и нужда,
А утро светом лучезарным
Их разогнало без труда.*

С самого начала войны о судьбе Дмитрия Матвеевича ничего не было известно. И вдруг, совсем неожиданно, Валя получил от него весточку. Случилось это в начале августа 1945 года. Он жив! Освобождён американцами! Находится в Торгау! Это ли не радость! Это ли не счастье! Валя не мог не поделиться со мною этой радостью, этим счастьем. Он сразу же послал мне одну за другой две открытки с этой ошеломляющей новостью.

Когда Дмитрий Матвеевич приехал в Калугу, узнать его было нельзя – так он внешне изменился, и в этом не было ничего удивительного. Позже Валя подробно расскажет мне о горестной одиссее отца: о том, как он, будучи контуженным, попал в плен (случилось это 14 октября 1941 г.).

Выяснением обстоятельств, при которых Дмитрий Матвеевич попал в плен занимался и Дмитрий. В письме от 16.05.2000 г. он мне писал: «Папа и мне, а потом и Толе говорил, что три дня удерживал с 320 красноармейцами Тульскую дорогу. Я был в музее военной базы – это Бобруйский склад (на территории этих складов дислоцировалась воинская часть, в которой служил Дмитрий Матвеевич. – ВИП), – но там об этом ничего не известно. Они начали поиски и просмотр архива, а поисковая группа уже

кое-что уточнила. Ведут раскопки, нашли одно захоронение бойцов. Думаю, что скоро доброе имя папы войдет в историю ВОВ. Удержав три дня Тульскую дорогу он позволил нашим войскам укрепиться в Туле, а дальше погнали немцев».

В этом бою Дмитрий Матвеевич был контужен и в таком состоянии попал в плен. Дима умер и продолжить поиски было уже некому. Занимался ли Анатолий продолжением поисков, мне неизвестно.

О том, как Дмитрий Матвеевич попал в плен, и о его пребывании в плену – см. публикации в альманахе «Калужская застава», вып. 2005 г. т.1, стр. 245-255.

Расказывал Валя и о нахождении Дмитрия Матвеевича в концлагере, какие муки и страдания он там пережил, а также о том, что в концлагере Дмитрий Матвеевич тайно вел дневниковые записи, которые прятал в мусорном ящике. Позже мне станет известно от Анатолия Дмитриевича, что эти записи сохранились, но не поддаются прочтению, а поэтому восстановить их содержание не представилось возможным.

Некоторые архивные сведения о пребывании Дмитрия Матвеевича в плену удалось выяснить только в 2016 году. Их обнаружил в Интернете на сайте Obd-memorial.ru и прислал мне Андрей Ивочкин. Суть сведений такова:

В июне 1945 г. военными Полевого подвижного госпиталя 3 гв. армии в одном из домов в Германии, покинутых немцами, было обнаружено 12 книг с записями, содержащими сведения о больных и умерших военнопленных из числа бывших военнослужащих Красной Армии. Книги были пересланы в Управление по учету погибшего и пропавшего без вести сержантского и рядового состава и пенсионного обеспечения их семей действующей армии.

На первой книге написано название (по-видимому, относящееся ко всем остальным книгам,) «Книга умерших резервного

лазарета для военнопленных лагеря Фалькенау (Эгер)». В одной из книг (она без обложки, записи в которой начинаются с 1 октября 1941 г.), имеется запись (на странице она восьмая сверху), разбитая на графы, следующего содержания:

Berestow Dimitry (R) – 931 – Krg Gef Laz Neunmarkt – 11.2.05 – Lehrer – Pleuritis. После перевода записи и её расшифровки получаем: *Берестов Дмитрий – лагерный номер 931 – военнопленный, лазарет Нойнмаркт – дата рождения 11.2.05 – учитель – диагноз плеврит, – дата поступления в лазарет – 27.11.42.* (дата указана на предыдущей странице). *Что означает буква «R» в скобках, выяснить не удалось.*

Сразу возник вопрос: относится ли эта запись к Дмитрию Матвеевичу? Вот что в заявлении в Окружную парткомиссию Московского Военного округа о восстановлении в партии писал он сам: *«В конце 1942 г. с плевритом и признаками туберкулеза лежал в русском лазарете в г. Фалькенау. И только с половины октября 1943 года я был направлен в рабочую команду (в 12 километрах от Карлсбада)»* (Альманах «Калужская застава», вып. 2005 г., т. 1, стр.254.).

Итак, совпадают: фамилия, имя, нахождение в плену, профессия, диагноз, срок нахождения в лазарете. Не совпадает только дата рождения (Дмитрий Матвеевич родился в Киеве в 1895 г.), и остается непонятным, о чем свидетельствуют слова «лазарет Нойнмаркт».

Учитывая схожесть цифр 0 и 9, можно предположить, что лицо, делавшее записи в книге или в других документах, на каком-то этапе перемещений Дмитрия Матвеевича по лагерям и лазаретам, при написании (переписывании) года рождения перепутало цифру 9 с цифрой 0, что и привело к ошибке, вследствие чего в книге вместо 95 появилось 05.

Теперь о дате и месяце рождения Дмитрия Матвеевича. В воспоминаниях «Детство в маленьком городе», глава «Дед

Матвей», Валя указывает, что его папа не знал даты своего рождения, а родился он на масленицу. Первый день Пасхи в 1895 г. выпал на 3 апреля, масленице предшествует великий пост, а великий пост длится семь недель, простой подсчет показывает, что масленица выпадает на середину февраля. Следовательно, дата рождения Дмитрия Матвеевича тоже совпадает.

Что касается слов «лазарет Нойнмаркт», то, как установлено, в Нойнмаркт-Оберпфальц – Neunmarkt in der Oberpfalz (старинный торговый город в Баварии на пути из Нюрнберга в Регенсбург) тоже располагался резервный лазарет для военнопленных. И по всей вероятности, Дмитрий Матвеевич из этого лазарета был переведен в лазарет Фалькенау, о чем и указано в графе. О факте пребывания в лазарете Фалькенау указывает и сам Дмитрий Матвеевич.

Так что можно с уверенностью заключить, что запись в книге сделана о Дмитрии Матвеевиче.

Резервный лазарет для военнопленных в Фалькенау-на-Эгере, Судеты, (Reserve Lazaret fur Kriegsgefangene Falkenau) был филиалом огромного лагеря для пленных Сталаг XIII Б, который находился в баварском Вайдене в ведении военного округа XIII Норимберг. Теперь г. Фалькенау-на-Эгере находится в Чехии и в 1948 г. переименован в г. Соколов.

Резервный лазарет Фалькенау предназначался для нетрудоспособных и бессильных советских военнопленных. Очевидно, по этой причине туда из лазарета Нойнмаркт и был переведен Дмитрий Матвеевич. Жизнь советских военнопленных была там невыносимой, условия жизни напоминали скорее классический концентрационный лагерь, нежели лазарет. Обращение с военнопленными было часто грубое, поставки продуктов – ничтожные, которые с продолжающейся войной все более снижались. Это касалось также медицинского ухода и поставки лекарств. Неудивительно, что смертность в лагере была доста-

точно высокая. Так на странице, где находится запись данных о Дмитрие Матвеевиче, всего 29 записей о военнопленных, возле фамилий двенадцати из них проставлены крест и дата (даты относятся к периоду с декабря 1942 по февраль 1943г.), что указывает на смерть и её дату. Из-за высокой смертности пленных уже в сентябре 1942 года рядом с лазаретом было построено огромное кладбище. Наиболее частой причиной смерти пленных был туберкулез легких, тиф, воспаление легких, поносы, заражение крови, малярия и полное истощение организма.

Освободившие лагерь 7 мая 1945г. американцы были поражены увиденным. Десятки полуживых людей и десятки трупов в морге замученных голодом людей.

В лазарете Фалькенау Дмитрий Матвеевич пробыл почти год, в октябре 1943 г. оттуда был направлен в концлагерь Шлакенверк. В январе 1945 г. он снова попал в госпиталь (в какой, данных нет), и уже там 25 апреля 1945 г. был освобожден американскими войсками.

Город Шлакенверк – теперь г. Остров в Карловарском крае, Чехия.

Но и на родине мучения Дмитрия Матвеевича не окончились. Он еще долго не мог добиться реабилитации, носил «пятно» попавшего в плен, что в те времена приравнивалось чуть ли не к измене Родине. Из-за пребывания в плену Дмитрий Матвеевич не мог вернуться на свою прежнюю работу, в связи с чем некоторое время работал завучем в Кудринской сельской школе.

Моральные и физические раны, которые Дмитрий Матвеевич перенес в плену, были настолько угнетающими, что он старался о них не вспоминать, а потому не любил говорить о войне, а тем более о плене, так что соседи по дому о его нахождении в плену ничего не знали. Возможно, знал директор техникума Шишкин, поскольку именно из-за нахождения в плену Дми-

трия Матвеевича долгое время не восстанавливали на прежней работе в техникуме.

Соседка Соловьева вспоминала, что когда она поселилась в дом, в котором жили Берестовы, Дмитрий Матвеевич нигде не работал. Но потом некоторое время преподавал историю в исправительной колонии. Начальником колонии был её бывший муж Соловьев Дмитрий Федорович, который в этом же доме примерно два года жил вместе с Соловьевой и их дочерью Светланой. По-видимому, он и поспособствовал Дмитрию Матвеевичу в устройстве на работу в колонии. Работал ли Дмитрий Матвеевич там постоянно или кого-то замещал, Соловьева не помнит.

Все эти издевательства, как мне помнится, длились до самой смерти Сталина в 1953 году, и только тогда он вернулся на свою прежнюю работу в коммунально-строительном техникуме в качестве преподавателя истории.

Поселились Берестовы по своему прежнему адресу – в доме № 74 на улице Пролетарской, но не на первом этаже (их прежняя квартира была занята), а на «верхотуре», где раньше жил художник – герой Валиного стихотворения.

В первой половине 60-х годов Зинаиде Федоровне от работы дали квартиру на ул. Московской, 218, куда она с Дмитрием Матвеевичем и Анатолием и переехала. Дима с женой Лидой остались в квартире. Дом был признан ветхим и подлежащим сносу и в 1970 г. все жильцы дома были расселены, Дима получил квартиру на ул. Дзержинского, 52. Вскоре дом был снесен.

В 1945 году Валя перешел в 10 класс, а я – на третий курс техникума (об окончании 9-го класса в письме от 19.06.45 г. Валя написал: «испытания сдал, в году 7 пятерок и 5 четверок»). Мы должны были встретиться во время каникул, но встреча откладывалась, так как по окончании учебного года меня в числе

других допризывников отправили на учебные сборы в лагерь куда-то за Косую Гору, что под Тулой.

Запомнились тёмные, сырые землянки, в которых мы жили, а раньше в них жили бойцы дислоцировавшейся в этом лесу воинской части, давно ушедшей на запад. Еще запомнились бесконечный, совсем не летний, дождь и мокрый луг, по которому нас учили ползать по-пластунски, да жидкая баланда из свекольной ботвы. И, наконец, запомнились стройные, подтянутые девушки-сержанты, которые в соседнем взводе командовали отделениями – уж очень красиво они маршировали. Девушки уже успели понюхать пороху на фронте и к нам, салагам, относились безразлично и снисходительно.

Военная дисциплина и лагерные трудности меня не пугали, я больше боялся, что Валя уже приехал в Калугу, и не дождавшись моего возвращения, снова уедет в Москву (он писал мне, что в Калугу приедет только на три недели).

Домой я вернулся голодный, худой и простуженный. Валя, съездив вместе с братом Димой к бабушке Кате в Мещовск, ждал в Калуге моего возвращения. К моему рассказу о лагерной жизни отнесся сочувственно, сказав, что в школе они тоже изучают военное дело, но ни в какие лагеря их не посылают.

Следствием этой встречи явилось еще одно приключение двух друзей, о котором считаю нужным рассказать. Из Горок Валя частенько наезжал в Москву и уже достаточно хорошо в ней ориентировался, и ему вдруг захотелось, чтобы я приехал к нему – он покажет мне столицу. Вот такая ему пришла причуда. Я не возражал и мы тут же стали обсуждать возможность реализации этой задумки.

Занятия у Вали в школе начинались 1 сентября. У нас же в техникуме, по причине привлечения студентов в каникулярное время к заготовке дров и другим работам, учебный год начинался позже. Следовательно, с этой стороны никаких помех для

моей поездки не было. Еще нужно было решить три важные проблемы: ночлега, питания (была карточная система) и дороги. И, что немаловажно, на мою поездку надо было получить согласие моей мамы. Решение проблемы питания и ночлега Валя брал на себя. Он очень уверенно говорил, что это вовсе и не проблемы, поскольку у них в интернате всегда кто-нибудь из учеников отсутствует, и одну порцию в столовой можно будет получить без каких-либо сложностей. То же самое и с ночлегом – свободных коек всегда полно, так что и ночлег будет обеспечен.

Что касается дороги, то все решалось просто. Я, как студент железнодорожного техникума, имел право на ежегодный односторонний бесплатный проезд по железной дороге туда и обратно. Еще для въезда в Москву был необходим пропуск, и я опасался, что его могут не дать, хотя никаких препятствий для его получения вроде бы не имелось.

А как практически Валя будет знакомить меня с Москвой – этот вопрос выпал из нашего обсуждения. Горки Ленинские, где Валя жил в интернате, находились от Москвы километрах в сорока. С утра у Вали занятия в школе и освобождался он только после обеда, так что времени на поездку в Москву, чтобы там успеть что-то повидать, оставалось слишком мало, но об этом мы тогда не подумали. Решив, как нам казалось, все вопросы, мы с Валею распрощались до встречи в Горках, а как туда проехать, я получил от него подробный инструктаж.

Узнав о моем намерении поехать к Вале, мама поворчала, но выделила из своих скудных средств некоторую сумму денег и дала наставления, какие покупки сделать в Москве, главное же – чтобы не ловил там ворон.

Пропуск в Москву получил довольно быстро – моя биография была чиста. В техникуме выдали документы на приобретение бесплатного билета. Еще надо было пройти санпропускник или, как его называли, вошебойку. Со всеми собранными бума-

гами иду в кассы вокзала и получаю вождеденный билет. Московский поезд отправлялся поздно вечером и прибывал в столицу рано утром. От Киевского вокзала на метро добираюсь до Павелецкого. Очень долго жду электричку на Каширу. Выхожу на станции Ленинская, четыре километра до Горок иду пешком, сверяясь у встречных, правильно ли держу путь. Вот и Горки. По виденным ранее снимкам сразу узнаю двухэтажное здание с шестью колоннами, в котором в 1924 году умер В. И. Ленин. Здание интерната поодаль. Кого-то из встречных мальчишек прошу позвать Валу. Его долго не могут найти. Наконец, он появляется с радостным, но несколько растерянным видом: он не ожидал, что я так быстро управлюсь со всеми делами, связанными с отъездом. После короткого разговора Валя ведет меня в столовую. Обед уже давно закончился, но что-то находят, и я утоляю свой голод. Теперь надо решить проблему ночлега, и Валя надолго уходит. Возвращается он растерянный: ночевать в интернате мне, не являющемуся его родственником, не разрешили. Что же делать? Не возвращаться же назад в Калугу. Валя опять уходит и возвращается с каким-то пареньком, которого представляет как своего одноклассника и сына директора (возможно, заведующего или коменданта) Дома Ленина (Ленинский музей будет там образован только в 1949 г.). Знакомимся, паренька звали Слава Чемоданов. «Будешь ночевать в Доме Ленина», – уверенным голосом заявляет он. Идем к Дому, в нём тихо и безлюдно. По широкой лестнице поднимаемся на второй этаж, заходим в небольшую комнату, в которой имеется диван. Обстановку комнаты не помню, а диван запомнился: он был с упругими пружинами, вполне удобный для ночлега.

После смерти Ленина в Горках поселился его младший брат Дмитрий Ильич Ульянова со своим семейством. Дмитрий Ильич умер в Горках в 1943-м году и его семью из Горок переселили. Еще в 1930-х было принято решение о создании в усадь-

бе музея, но работы по музеефикации начались только в 1947-м году. В январе 1949 года, к 25-летию со дня смерти Ленина, усадьба Горки получила статус музея-заповедника.

Что касается дивана, то, по всей видимости, он, как и другая мебель, остался от последней владелицы усадьбы Горки Зинаиды Григорьевны Морозовой, вдовы и наследницы промышленника Саввы Морозова.

Поскольку усадьба служила резиденцией В. И. Ленина, который в ней жил и работал, она и сохранилась в образцовом виде — в отличие от многих прочих дворянских усадеб, которые были разграблены и сожжены.

Из своих школьных товарищей Валя познакомил меня с Вадимом (мы стали его называть Вадим-два), Мишей Шишовым, Сандро и Люсей, а чем мы занимались с Валею в оставшееся до вечера время, не помню. Вечером Валя вместе с Мишей проводил меня в Дом Ленина. После всех переживаний показавшегося мне необычно длинным дня я заснул крепким и безмятежным сном. Последней мыслью было: здесь жил и умер великий вождь пролетариата, возможно, он сидел на этом диване, а теперь на нём сплю я, какой же я везучий, будет, о чем рассказать и дома и ребятам в техникуме.

Проснулся я оттого, что кто-то энергично тряс меня за плечо. Это был милиционер. Кто-то бдительный уже «накапал», что в музей проник посторонний. Милиционер учинил мне строгий допрос: кто таков, откуда приехал, как попал в музей. Проверив мой паспорт и пропуск в Москву, выслушав мои объяснения, потребовал немедленно убраться из музея. Снова не повезло. Нахожу Валу и рассказываю ему о возникшей проблеме, высказываю опасения, не попадет ли его товарищу за самовольство с устройством моего ночлега в музее, но Валя убеждает меня, что ничего ему не будет. Что же делать дальше? Все наши планы рушатся. Где-то в Измайлово живет в общежитии моя двоюрод-

ная сестра Настя, но её адреса, я не знаю. В Москве проживает еще одна наша родственница, тётка Домна, у неё мы с бабушкой Клашей останавливались еще до войны, но и её адреса я не знаю. Помню адрес Ляли Пчёлкиной, она с родителями жила в Тихвинском переулке, и недавно, как до войны, снова приезжала в Калугу погостить у своей тетки, и мы с ней встречались. Делать нечего, решаю, что поеду к ней, авось её родители меня не выгонят, ведь её мама меня хорошо знает, да и Ляля замолвит словечко. Сообщаю Вале адрес Ляли, чтобы он меня там нашел. Завтра выходной и наконец-то под его руководством начнется мое знакомство со столичными достопримечательностями.

Снова иду пешком до станции Ленинская, оттуда еду электричкой до Москвы. Нахожу Тихвинский переулок и дом, в котором живет Ляля. Мое появление не могло не удивить. Рассказываю ей всю историю и задаю вопрос: могу ли у них переночевать? Ждем прихода с работы её отца Василия Георгиевича – разрешение должен дать он. Снова допрос, и разрешение получено. В моем распоряжении диван (опять диван), на котором после всех волнений дня я, как и в Горках, заснул крепко и беспробудно.

Утром Ляля накормила меня макаронами, такими, как до войны. В Калуге макароны – большой дефицит, и ничего более вкусного, чем эти московские макароны, я давно не ел. В ожидании сижу у окна, наконец-то слышу стук в окно – это пришел Валя. Благодарю Пчёлкиных за гостеприимство, прощаюсь, и мы с Валею бежим к трамвайной остановке. Валя излагает программу дня: начнем с Третьяковки, затем еще какой-нибудь музей, Красная площадь, а вечером – встреча с Риной Зелёной. То, что Валя был с ней знаком, я знал из его рассказов. Их знакомство состоялось еще в Ташкенте, где, кстати, Рина Васильевна родилась, и где в 1942 году базировался театр, в котором она тогда работала. В своей книге «Разрозненные страницы» Рина

Васильевна с любовью и теплотой упоминает о Вале. Вот что она написала о нем:

«...Откуда он взялся? Этого мальчика-поэта нашли в Ташкенте в 1942 году. Нашли по его стихам, которые бродили по городу, разносимые школьниками. Отыскал этого мальчишку К. И. Чуковский. И Анна Андреевна Ахматова, и Алексей Николаевич Толстой – все сразу поняли, что его надо прибрать к рукам, чтобы он не затерялся.

Сначала Валею Берестова кормили, чтобы он стал похож на обыкновенного мальчика, а то уж очень был худой ...»

И еще:

«...Валентин приходил к нам всегда, и я делила все между ним и нашими детьми, водила своих и его в кино и театры. Союз писателей принял горячее участие в судьбе юного поэта...»

Встреча с Риной Зелёной – для меня это было полной неожиданностью и компенсировало все постигшие нас неудачи. Кто же не знал в те годы Рину Зелёную? (В предисловии к её книге «Разрозненные страницы» Р. Плятт написал: Рина Зелёная – кто не знает этого имени?!). Кто не слышал по радио её выступлений «О маленьких для больших»? Снималась она и в кино. Фильм «Подкидыш», одним из авторов которого была Рина Васильевна (вторым автором являлась Агния Барто), в котором она играла роль домработницы Ариши, был известен и любим. А выражение одной из героинь фильма, которую играла Фаина Раневская: «Муля, не нервируй меня!» – стало крылатой фразой. И вот предстоит встреча с этой популярной и всеми любимой артисткой.

Но прежде чем рассказать об этой знаменательной для меня встрече, несколько слов о Фаине Раневской. Не так давно вышла

в свет книжка «Раневская – случаи, шутки, афоризмы», читать которую без улыбки и смеха не возможно, и в этом вижу пользу этой книжки, поскольку смех поднимает настроение и продлевает жизнь. Оказывается, Раневская в годы войны жила в Ташкенте, где тесно общалась с Анной Ахматовой. А у Ахматовой бывал Валя, так что у неё он не мог не встретиться с Раневской, не мог не слышать её метких и полных юмора изречений. Почему Валя не упомянул Раневскую в своем очерке об Ахматовой «Блаженная весна» и ничего не написал об этой яркой и незабываемой женщине, остается загадкой.

День пролетел быстро. Наконец-то мы идем к месту свидания с Риной Васильевной где-то в центре города. Она появляется совсем не с той стороны, с которой мы её ждали. Не останавливаясь возле нас, отвечает на наши приветствия и жестом приглашает следовать за ней. Она оказалась совсем не такой, какой запомнилась по кинофильмам, но узнаваема. Походка у неё быстрая, легкая, и мы чуть ли не бежим за ней. На ходу Валя представляет меня. Я почему-то решил, что вот сейчас Рина Васильевна заговорит детским голосом, но она говорила нормальным взрослым голосом. Речь её, так же как и походка, была быстрой и эмоциональной. Обратившись ко мне, Рина Васильевна сказала, что берет меня с собой на сборный концерт, который состоится в зале Политехнического музея. В концерте участвуют многие столичные знаменитости, участвует и она, и мне будет интересно посмотреть выступления. А Валя, тут она обернулась к нему, пусть едет в свои Горки, после чего мы с Валею распрощались до нашей следующей встречи уже в Калуге. «А где я буду ночевать?» – едва не спросил я, глядя на спину удаляющегося Вали, но промолчал, – коли я попал в руки великой актрисы, то, наверное, как в сказке, всё окончится хорошо, в крайнем случае, переночую на вокзале. Потом я понял, что Валя, по-видимому, договорился с Риной Васильевной и о моём ночлеге.

Пешком идем к Площади Дзержинского. Некоторые встречные, узнав популярную артистку, оглядываются на нее. Входим в Политехнический музей. В музее Рина Васильевна провела меня в артистическую уборную (там я оставил свою авоську с апельсинами, купленными для брата и сестры), а затем передала меня на попечение служительнице, которая привела меня в зрительный зал. Свободных мест не было, и весь концерт я простоял в боковом проходе. Из всех выступавших в концерте запомнил только Клавдию Шульженко и Леонида Утесова. Артистов встречали и провожали долгими аплодисментами. Я же больше всего аплодировал Рине Васильевне.

Когда, по окончании концерта, я зашел в артистическую комнату за своей авоськой, там для меня лежала записка, оставленная Риной Васильевной, в которой было написано, чтобы я явился к ней домой, в ней же был указан адрес и номер автобуса. Дом на Кузнецком мосту, в котором жила Рина Васильевна, я нашел быстро. Дверь мне открыла высокая, красивая женщина с черными волосами, зачесанными назад и уложенными на затылке в пучок. Как я потом узнал, звали её Тамара Тихоновна; это была сестра мужа Риной Васильевны Константина Тихоновича Топуридзе, известного архитектора, автора фонтанов: «Дружба народов», «Золотой колос», «Каменный цветок», сооруженных в 1954 году на бывшей Выставке достижений народного хозяйства (ВСХВ, ВДНХ) в Москве.

В квартире была тишина, очевидно, все уже спали. Женщина провела меня на кухню, где меня ожидали чай и бутерброд. В комнате, куда она затем меня провела, на полу под стеллажами с книгами была приготовлена постель. Рано утром Тамара Тихоновна разбудила меня, опять напоила чаем с бутербродом и проводила до выхода из квартиры. Рину Васильевну я так больше и не увидел. Вероятно она, как все артисты, вставала поздно, а мне так хотелось её поблагодарить.

Добираюсь до Киевского вокзала. До отправления калужского поезда остается еще много времени, и я принимаю неожиданное решение: ближайшей электричкой ехать до Малоярославца. Там живут Гусаровы, а я так давно не видел Соню. С ней я переписывался и адрес помнил. Подробностей встречи с Гусаровыми в памяти не осталось, лишь запомнил, что дядя Лёня мою поездку к Вале осудил, назвав её легкомысленной и авантюрной. Он же проводил меня на калужский поезд. Домой я приехал досрочно, без покупок и денег, но с апельсинами для брата и сестры и, конечно, получил нагоняй от мамы. Когда же я рассказал ей, что ночевал у Рины Зелёной, маму это и удивило, и восхитило. Мама не преминула поделиться этим фактом со своими товарками на работе, и они тоже были удивлены. А из моих однокурсников, которым я рассказывал о поездке в Москву, никто не поверил, что я ночевал у самой (!) Рины Зелёной.

Вадимусу. 1946 г.

В январе 1946 года был демобилизован мой отец и, в соответствии с правительственным постановлением, ему, как фронтовику, вернули нашу довоенную квартиру, в которую мы вселились 8 мая. Наша семья снова стала проживать по прежнему адресу, и с Берестовыми мы снова стали жить по соседству.

1946 год – год Валиного и моего совершеннолетия. Валя приехал в Калугу со стихами «Восемнадцать лет».

Он уже давно задумывался над своим будущим (о чём свидетельствовало и написанное им в канун дня рождения письмо от 19.03.46 г., в котором он излагал свои раздумья о будущем: о ближайшей, отдаленной и самой даль-

ней цели своей жизни), и эти стихи можно было расценить как стихи – программу, стихи – предназначение:

*Мне хочется тревоги и труда,
Чтоб дни мои недаром проходили,
Чтоб мужество стремлений и усилий
Меня не покидало никогда,

Чтоб стали настоящие преграды
Передо мною на моем пути,
Чтоб мелкие обиды и досады
Окрепнувшей душой перерастить,

И чтоб не растворялся день любой
В бессильном смутном сне воспоминанья,
Чтоб был он полон света и сознанья,
Куда-то вел и что-то нес с собой,

Чтоб жизнь моя, и мысль моя, и слово
Упрямо и уверенно росли,
Чтоб стать частицей разума людского,
Творящего историю земли.*

Из Москвы Валя привез не только стихи, но и «толстенный фолиант в малиновом переплете» – Дантову «Божественную комедию» с чудесными гравюрами французского графика Гюстава Доре – подарок Всеволода Пудовкина к восемнадцатилетию Вали (об этом можно прочесть в воспоминаниях Вали о Всеволоде Пудовкине). Поскольку «Божественную комедию» мне раньше читать не доводилось, я уговорил Валью оставить книгу у меня до его следующего приезда. Так что это подарочное издание с автографом Пудовкина я держал в руках и читал. Сохранилось ли оно?

В 1946 году Валя оканчивал школу и должен был уже определиться, где учиться дальше. Еще в марте Валя прислал мне письмо, в котором изложил свои планы на будущее: «ближай-

шая цель – медаль, отдаленная – Ленинград, филфак, самая дальняя и в тоже время самая близкая, определяющая всю его жизнь – литературная работа». Ближайшая цель была успешно достигнута – школу Валя окончил с золотой медалью. Какие у нас с ним были разговоры о второй и третьей цели, не помню, но, что касается дальнейшей учебы, то я пребывал в твердой уверенности, что Валя, как поэт, которого уже заметили и в судьбе которого принимали участие именитые литераторы, будет поступать только в литературный. Куда же еще? Но как я ошибался – все случилось не так, как я предполагал и как планировал сам Валя.

Летом у меня была производственная практика на вагоноремонтном заводе в Харькове. Когда возвратился с практики, от родителей Вали узнал, что он поступил на исторический факультет МГУ (кафедра археологии). Было чему удивиться: а как же поэзия? литературная судьба? неужели Валя зароет свой поэтический дар? Зинаида Фёдоровна, как мне показалось, тоже в недоумении: считалось, что вопрос, где дальше будет учиться Валя, в семье давно решен – только в литературном. Еще весной цель был одна – поступить на филфак ЛГУ (но не на истфак МГУ). Его планы изменились в течение каких-то нескольких месяцев, и, видимо, не без веских оснований, Я ждал приезда Вали и когда он, наконец-то, появился в Калуге, засыпал его вопросами. Примерный смысл его объяснений был таков. Если ему суждено стать поэтом, он им станет. Ранняя же специализация в качестве литератора ему ни к чему. Сначала нужно приобрести профессию (археолога), а поэт – это не профессия, это скорее призвание, предназначение. И, если у него то и другое имеется, то поэтом он обязательно станет. Не обошлось ли тут без влияния Дмитрия Матвеевича, историка по профессии, размышлял я, но после прочтения воспоминаний Вали о Всеволоде Пудовкине мне стало ясно, что на исторический факультет Валя

поступил под его влиянием, о чём он вначале умалчивал. Позже в повести об археологах «Государыня пустыня» Валя напишет: «Я пошел в археологи, чтобы стать поэтом». Но археология так увлекла, засосала Валу, что встал вопрос: «поэзия или археология?», Самая дальняя цель (и самая близкая) оказалась под вопросом.

<i>Я труд поэта позабыл Для жребия иного. Я в землю свой талант зарыл, В буквальном смысле слова.</i>	<i>А, может, я зарыл его Послушною лопатой На том дворе, что Вечевой Был площадью когда-то?</i>
<i>И где теперь его найти? В каких местах и странах? Быть может в двадцати пяти Раскопанных курганах?</i>	<i>Где он? В песках ли Каракум? В амударьинской глине? Иль разметал его самум, Бушующий в пустыне?</i>

Это стихотворение Валя написал в 1949 году (в моей записной книжке оно записано в первоначальном варианте). Он действительно «труд поэта позабыл». За три прошедших года (1946-49) он написал всего лишь два-три десятка стихотворений, что для поэта очень мало. Причем из всего написанного – половина сонеты, посвященные любимой девушке.

Да, Валя был влюблен, о чём свидетельствуют как сонеты:

*Пишу сонеты, пусть я не Шекспир.
Но я люблю. И пусть услышит мир,
Несовершенства их признать готов я.
Как счастлив я, как я горжусь любовью.*

Так и четверостишие из первоначального варианта стихотворения «Поэзия или археология?»:

*Тем временем страна росла,
Весна весной сменялась.
Тем временем любовь пришла
И навсегда осталась.*

Эту Валину пассию, которой он посвящал сонеты, звали Милой, и когда писались эти строки, она была еще жива, о чём мне стало известно от брата Вали Димы, и, очевидно, могла бы рассказать о Вале много интересного.

Вокруг этой любви Вали к однокурснице Миле (позже я узнал, что её полное имя Людмила Васильевна Маркова, но девичья фамилия так и осталась мне неизвестной) образовалась завеса тайны – почти никакой информации.

Брат Вали Дмитрий пассию своего брата назвал Милой, так дальше и я буду её называть.

Кто такая Мила и что о ней известно?

Людмила Васильевна Маркова родилась в Москве 25 мая 1928 года в семье служащих. С 1946 по 1951 год студентка кафедры этнографии исторического факультета МГУ; с 1951 по 1954 год аспирантка, защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сельская община у болгар в XIX веке. С 1955 по 1975 год младший научный сотрудник, а с 1975 по 1999 год старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, а затем Российской Академии наук. Участвовала в ряде международных и все-союзных научных конгрессах. Имела научные труды, и довольно много. Последняя её научная статья датирована 1997 годом, т. е. она трудилась до 69-ти лет. Но все эти подробности я узнал много позже.

Назвать историю первой любви Вали белым пятном можно условно, поскольку он не делал из неё секрета и неоднократно упоминает о ней в своих произведениях.

Так, Миле он посвятил десять сонетов (кстати, сонеты Валя ни раньше, ни позже не писал).

О любви к Миле – к кому ж еще? – упоминается в последнем четверостишии первоначального варианта стихотворения «Я труд поэта позабыл», написанных в 1949 году («Тем временем любовь пришла//И навсегда осталась»).

О любви к ней свидетельствует и стихотворение, написанное Валей в 1979 году:

*Я девушку любил на третьем курсе,
Что ездила на практику в пустыню.
Тогда и я поехал вместе с ней.
Но там она другого полюбила.
А что же я? Я полюбил пустыню
И двадцать лет к ней ездил на свиданье,
Покуда не освоили ее.*

На третьем курсе Валя учился в 1948-49 г.г.

Упоминает Валя о любви к однокурснице и в воспоминаниях о С.П.Толстове (1968 г.). В них он пишет:

«Но пока оторвемся от девушки с папирсой, чтобы вспомнить одну некурящую этнографичку, мою однокурсницу. Я знал её уже несколько лет, но влюбился только после её рассказов о раскопках, о пустыне, о том, как прекрасно на ночь вынести раскладушку из палатки на такыр (ровное глинистое пространство в пустынях и полупустынях Средней Азии.-ВИП) и, перед тем как уснуть, глядеть из спального мешка на звезды. Однажды она громко восхитилась: «Смотрите, какие косматые звезды!», чем привела в восторг остальных любителей спать на такыре. (Я не решился спросить у нее, что такое такыр, но полагал, будто это нечто великопное). А ее бедняжку, по вечерам донимали восторженными возгласами: «Что за прелесть эти косматые звезды!» Признаться в любви прямым текстом я не посмел, а вместо этого посвящал ей веселые сонеты, которые, правда, становились все грустней. Но в экспедиции все влюблялись не в тех, кто их полюбил бы, а это в молодости благоприятно влияет на творчество, как поэтическое, так и научное. Зато я признавался ей в своей симпатии к каждому из «хорезмийцев», с какими постепенно знакомился». (т.2, стр.405).

Что меня в этом упоминании огорчило, – так это то, что Валя, указав фамилии и имена «девушек с папирсами» – Ольга

Вишневецкая и Софья Трудновская, – имени и фамилии «некурящей этнографички» не упомянул. Почему?

Какие весёлые сонеты, которые становились всё грустнее, посвящал влюблённый поэт своей пассии? Нет сомнения, что речь идет о сонетах 1949 года, опубликованных в I томе посмертных «Избранных произведений».

Сонеты я перечитал. Из содержания первых трех можно сделать вывод, что Мила была больна и находилась в больнице на операции. Первый сонет так и называется: «Сонет в больницу». А из содержания последнего – десятого «грустного» сонета («Последняя бессонница») – можно сделать вывод, что Валя убедился в бесперспективности любви к Миле: «там она другого полюбила». Это был конец: *«...мне столько выстрадать пришлось, Чтоб увенчать любовь свою достойно».*

А вот что о любви Вали в марте 1999 г. писал мне его брат Дмитрий: *«О Миле. Валя встретился с ней в экспедиции. Влюбился, когда она была в Москве. Он почти каждый день писал ей письма. Он посвятил ей 10 сонетов и ряд стихов. Как она говорит, он не сделал ей предложение, и она встретила более настойчивого. Вышла замуж, родила дочку, он ее с ребенком бросил. Она в жизни не имела больше радости и т.д. У меня чудом очутилось более 20 писем Валиных, написанных ей, и все 10 сонетов».*

Дмитрий допустил небольшую неточность. Мила, как указал сам Валя (см. выше), была его однокурсницей, а влюбился он в неё, опять же с его слов, в экспедиции.

Сонеты – известны, а какие стихи он посвящал Миле? Из всех стихотворений, датированных 1948-1949 годами, Миле могло быть посвящено только одно – «Я тебя на кухне встретил» из цикла «В студенческом городке», датированное 1948 года. Привожу его полностью:

*Я тебя на кухне встретил
В голубом сиянье газа,*

*Был твой облик чист и светел,
И на танцах в час веселый
Я тобой пленился сразу,
Ты казалась мне крылатой.
И гремела радиола:
«Помирать нам рановато!»
О, как сердце было радо!
Как сияло все в природе!
Только нам таких не надо,
Кто на лекции не ходит!*

Неужели Дима прав: Валя влюбился в Милу еще в Москве?

В следующем письме Дмитрий писал:

«Сейчас я закончил работу над восстановлением более 20 чудесных писем, которые Валя посвятил своей первой любви. Эти письма мне удалось спасти от уничтожения (Видимо, Дмитрий подозревал, что письма могла уничтожить вдова Вали Наталья Ивановна. – ВИП). Валя их попросил у Милы где-то за 4-5 месяцев до рокового дня. Вчитываясь в них, сопоставляя события, связанные с её именем, чувствую, что Валя пронес любовь к ней через всю свою жизнь. На одном из своих последних выступлений он читал посвященный ей сонет, а их у меня десять. Встречался с этой Милой, она тоже пишет свои воспоминания (это 1949 год). Очень жалеет, что не поняла Валью и вышла за другого. Жизнь ее не сложилась. Муж бросил и в семье (у нее осталась дочь) все сложилось трагично... Но письма чудные, он писал ей каждый день (значит много их не сохранилось). Там он пишет о себе, о раскопках, о друзьях и природе. Их можно печатать без обработки».

Как я узнал позже, воспоминаний о Вале Мила так и не написала.

Интересные свидетельства дает академик Валентин Янин в документальном фильме «Быть взрослым очень просто. Вален-

тин Берестов», впервые показанном на телеканале «Культура» к 80-летию со дня рождения Вали (фильм можно найти в Интернете). Рассказ Янина даю с небольшими сокращениями:

«Это было в экспедиции профессора Гракова Бориса Николаевича (предположительно в 1949 г. – ВИП), очень почтенный профессор. Берестов ухаживал за одной девушкой, а может она за ним ухаживала, не знаю. Переписка между ними была, и Берестов часто получал эти письма и читал их. А Борис Николаевич Граков почему-то назвал эту девушку совсем несозвучной её фамилии девицей Пеликановой. Время от времени он говорил Берестову: «Ну что, опять читаешь письма от девицы Пеликановой. И в какой-то момент Валя вспыхнул весь и сказал: «Борис Николаевич, если вы еще раз назовете её Пеликановой, я набью вам морду!». Разговор студента с профессором».

Девушкой, с которой Валя переписывался, и которую Граков назвал девицей Пеликановой, несомненно, была Мила.

Этот эпатаж уравновешенного Вали в адрес почтенного профессора свидетельствует о многом (Граков Борис Николаевич – археолог, специалист по скифо-сарматской и античной археологии и античной эпиграфике, доктор исторических наук являлся преподавателем у Вали в МГУ).

Что касается Янина Валентина Лаврентьевича, то он был однокурсником Вали; впоследствии стал известен, как археолог, историк, специалист по отечественной медиевистике, нумизматике, сфрагистике, в целом историческому источниковедению; академик РАН (1990), начальник Новгородской археологической экспедиции (с 1962 г.)

Итак, сомнений в серьезности любовных чувств Вали к Миле не имеется. Кстати, в этом же фильме есть фотография Вали рядом с Милой, которую я скопировал.

Меня озаботила судьба писем, о которых рассказывал Дима (косвенно об их существовании можно сделать вывод и из рассказа Валентина Янина), и которые, вне сомнения, представляют художественный интерес, поскольку каждое письмо Вали можно рассматривать как литературное произведение. Куда они могли подеваться после смерти Димы? Я спрашивал об этом Анатолия, и в ответном письме от 16.06.2003 он написал: *«Письма к девушке, о которой тебе говорил Дима, у меня есть. Они войдут во вторую книгу»* (Первой была книга «Сквозь цветные стёкла детства». – ВИП).

30 мая 2013 г. умер Анатолий Берестов. После его смерти письма к Миле были обнаружены в его бумагах и переданы на хранение в РГАЛИ

Итак, Валя поступил на исторический, чтобы стать археологом и иметь профессию, которая дала бы ему возможность познать жизнь, а потом уже стать поэтом

*А потом общежитья, раскопки в пустыне.
А стихов моих не было даже в помине,
Лишь туристские песни порой сочинял
Да грустил, вспоминая, как я начинал.*

А только ли из-за археологии Валя «труд поэта позабыл?» Не было ли тому виной пресловутое постановление ЦК ВКП(б) сорок шестого года о журналах «Звезда» и «Ленинград», антигероями которого сделали Анну Ахматову («не то монахиня, не то блудница») и прозаика Михаила Зощенко («пошляк и подонок»)? Именно эту причину Валя называет в очерке о Корнее Чуковском «Совсем недавно был Корней Иванович»: «В 1946 году я, прочитав постановление о Зощенко и Ахматовой, в, сущности, бросил пи-

сать стихи, поступил на исторический факультет, сделался археологом».

Каким было отношение Вали к Зощенко, я не знаю, но Ахматову он более чем обожал и стихи её любил; чтобы понять всё это, достаточно прочесть его «Блаженную весну» («Блаженную!»). Этим постановлением Валины чувства были оскорблены, и из-за обиды за Ахматову он мог изменить свои жизненные планы. Творить в клетке Валя не мог.

Вместе с тем Валя еще не утратил веры в наших вождей. В письме от 15.01.47 г. он ссылается на доклад Жданова («о совершенствовании советского человека, о необходимости подводить итоги каждого дня»), хотя именно Жданов, как член политбюро ЦК ВКП (б), как раз и делал тот доклад, по которому было принято пресловутое постановление от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». Полагаю, что доклад Жданова Валя изучал не по своей инициативе, а, как говорят, «по обязательке».

И всё же самая дальняя цель – литературная работа была Валией достигнута: в 1957 году он стал членом Союза писателей СССР.

«Ревнивая Москва» крепко держала Валию в своих руках. Круг знаменитостей, к которым Валя был вхож, по сравнению с Ташкентом, увеличился. К их числу прибавились Алексей Толстой, Самуил Маршак, Всеволод Пудовкин и другие. Это были замечательные учителя, Валя же был добросовестным учеником. Он как губка впитывал каждое их слово. У них он набирался жизненного и литературного опыта, в общении с ними расширял свой кругозор, проходил свои университеты.

Учеба в МГУ, чуть ли не ежедневные встречи со своими наставниками, литературные занятия – все это отнимало много времени. Однако, несмотря на сильную занятость, Валя находил возможность съездить в Калугу, чтобы навестить родных:

*На два дня расставшись с Москвою,
Я иду по улице своей,
По булыжной, устланной листвою
Низеньких калужских тополей.*

*Слишком ненадолго отпуская,
Ждет меня ревнивая Москва.
Помогу отцу пилить дрова
И воды для мамы натаскаю.*

Ненадолго, на минутку, чтобы только повидаться, Валя забегал к нам. Но от нас скоро не уйдешь. Мама приглашает Валию к столу и за чаем, за разговорами мы не замечаем течения времени. Зинаида Фёдоровна, соскучившаяся по сыну и недовольная его долгим отсутствием, бросается на его розыски и, конечно, (как до войны) идет искать его у нас.

Её тоже усаживают за стол к еще не остывшему самовару. Разговоры продолжают, и не было бы им конца, если бы вдруг не появлялся Дмитрий Матвеевич – он в розыске жены и сына. Все смеются и смотрят на часы – пора прощаться. Но так было не всегда: в другой раз я засиживался у Берестовых до поздней ночи.

Но какую-то конкретную нашу с Валией встречу из тех лет теперь трудно припомнить, хотя об одной нашей встрече в 1947 году есть свидетельство – фотокарточка, которую Валя мне подарил. На её обратной стороне его рукою написано: «Таким я был 18-ти лет. На следующий день мне было уже 19 лет. Твой В. Берестов. 17 апреля 1947 г.» Значит, 17 апреля 1947 года Валя был в Калуге и мы с ним встречались.

Теперь не вспомнить и содержания наших бесед при встречах. Конечно, Валя делился со мной впечатлениями о встречах со своими наставниками, об учебе в университете, об археоло-

гических раскопках в древнем Новгороде, о чудесных находках, которые сохранила для потомков новгородская земля.

*Браслеты. Кольца. Нож железный.
Гранат, янтарь и сердолик.
И женский образ бестелесный
Из праха темного возник.*

*Не к нам, потомкам, снарядили
Ее былые времена.
С дарами, что лежат в могиле,
К покойным предкам шла она.*

А однажды Валя рассказал, что на историческом факультете МГУ, учится дочь Сталина Светлана Аллилуева. Дочь Сталина учится с Валею на том же факультете! Такая новость! Но ничего конкретного, кроме того, что ведет она себя скромно и в университет из Кремля ходит пешком, Валя рассказать о ней не смог. Уже позже я узнал, что сначала она поступала на филологический факультет, но под давлением отца перевелась на исторический, который окончила в 1950-х годах, то есть годом раньше, чем его окончил Валя.

А вот что написал о Светлане Сталиной друг Вали по учёбе в МГУ Владимир Кабо в воспоминаниях «Дикий голубь. Памяти Валентина Берестова»:

«Лекции для всего курса читаются в здании на углу Большой Никитской и Моховой, в двух больших аудиториях – Ленинской и Коммунистической. Это здесь в широком коридоре, в перерыве между лекциями, я иногда вижу Светлану Сталину, – она учится курсом старше меня, – вижу ее бледное лицо и прекрасные рыжие волосы, которые волнами стекают на плечи. В элегантном серо-зеленом полувоенном костюме и мягких сапожках она прогуливается со своей неизменной наперсницей – Леной Мельник, красивой чернобровой девушкой, дочерью полковника МВД, на-

чальника охраны Молотова. На том же курсе учится Светлана Гурвич – дочь Бухарина, моя давняя знакомая еще по детскому саду. Когда-то Сталин убил её отца, а теперь дочь убийцы и дочь её жертвы учатся на одном курсе и даже, кажется, на одной кафедре – новейшей истории».

В 1946 году наша страна пережила великую засуху. Наступил голод. Очень трудными для всех были зима и весна 1947 года. В этот год я окончил учебу в техникуме и получил свою первую профессию техника-механика вагонного хозяйства. По распределению был направлен в Москву. Как и Валя, я стал москвичом. Теперь будем часто встречаться, считал я. Но где там! В общежитии на Стромынке Валию не застать, он постоянно в бегах: или в библиотеке, или у него встреча с Маршаком, Чуковским, еще с кем-то из своих наставников. Летом у Вали экспедиции в Новгород. В экспедиции в Среднюю Азию он будет ездить уже тогда, когда я буду переведен в Калугу по семейным обстоятельствам.

Из всех не так уж частых московских встреч я запомнил только две, наверное, из-за их необычности. В первую московскую зиму на деповских сквозняках я подхватил фурункулез и еще какую-то болячку и на излечение был помещен в Центральную больницу НКПС в Сокольниках (много позже я прочту у Вали, что в 1969 году в этой больнице лежал его наставник К.И. Чуковский, и Валя вместе с Риной Зелёной, его там навещали). Через некоторое время меня выписали. Я шел к автобусной остановке, и вдруг увидел Валию, идущего мне навстречу. Вот так мы встретились, а могли бы и разминуться. Оказалось, что Валя только что приехал из Калуги, там узнал от моей мамы, что я в больнице, и привез мне от неё домашних гостинцев. На лавочке у автобусной остановке за разговорами мы и поглотили их с большим аппетитом. Это первая из запомнившихся мне встреча.

Вторая была в конце лета 1948 года. Можно ли в многомиллионном городе встретиться случайно? Оказывается, можно. В один из выходных дней я шел из кинотеатра «Метрополь» в сторону площади Свердлова, и у сквера напротив Большого театра неожиданно встретил Валу. Он выглядел загорелым и, что я сразу заметил, очень худым. На нём была выцветшая, когда-то голубая, футболка (не та ли футболка, о которой Валя писал в лирико-фантастической и, как я полагаю, автобиографической повести «Меня приглашают на Марс» в главе «Голубая футболка»). Из последовавшего разговора я узнал, что Валя недавно вернулся из экспедиции. Мы давно не виделись и долго стояли, разговаривая.

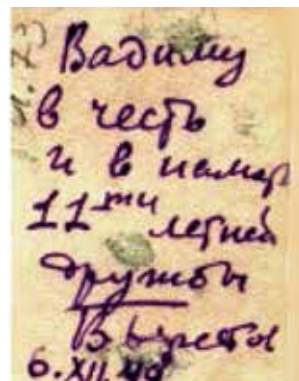
Впрочем, вспоминаю еще одну нашу встречу. На ней мы договаривались вместе поехать в Калугу, но, к сожалению, не получилось. В Москве я проработал ровно год (с августа 1947 г. по август 1948 г.) и довольно часто ездил в Калугу. Но что удивительно – нам с Валею ни разу не удавалось поехать туда вместе. Из своей небольшой зарплаты (650 руб.) я выкраивал денег на продукты, которые вёз из более благополучной столицы в голодную Калугу. А чтобы не тратиться ещё и на билет, хотя бы в один конец, если позволяла погода, ездил «зайцем». Так поступал не только я. Со мной работало много молодёжи, сбежавшей из обнищавших колхозов. Своим родным в деревнях они тоже что-то везли: крупу, макароны, сахар, а от них – картошку и другие овощи. Вот этот молодёжный контингент и составлял основную массу безбилетников.

На станции Москва-2, где располагалось наше депо, и где я проживал в общежитии, калужский поезд, отправлявшийся с Киевского вокзала, делал первую остановку. И как только заканчивалась посадка, и поезд трогался с места, к нему со всех сторон устремлялись безбилетники. Часть из них устраивалась на буферах или переходных площадках между вагонами,

а часть забиралась на крыши вагонов. Я предпочитал крышу: там собиралась более отчаянная и веселая компания, да и обзор с крыши был лучше. Ехали с ветерком, с песнями, умолкая и прячась на остановках. После каждой остановки количество «зайцев» уменьшалось, а на полпути, когда контролеры заканчивали обход вагонов, оставшиеся «зайцы» просачивались в вагоны, и к концу пути на крышах и буферах уже никого не оставалось.

Валя ездил в Калугу реже меня. Давно покинувший родной дом и привыкший к самостоятельности, он не так рвался на побывку домой как я, впервые оторванный от родных. Да и не было у Вали свободного времени даже в выходные дни. Зачастую он стоял перед выбором: поехать в Калугу или пойти на встречу с кем-либо из своих именитых наставников, и выбирал второе. Так что договориться о совместной поездке никак не получалось. Но однажды я предложил поехать в ближайшую субботу вместе, и Валя охотно согласился. Стали обсуждать время и место встречи, и тут Валя сокрушенно заявил, что поехать не сможет. Но почему? Оказалось, по банальной причине: нет денег на билет, да и откуда они могли быть у студента. У меня тоже было безденежье, и, имея опыт поездок без билета, я предложил поехать «зайцами», описав всю прелесть такой поездки и заставив Валу своим предложением надолго задуматься. Увы, ехать «зайцем» Валя отказался, и совместная поездка не состоялась. Побоялся ли Валя? Уверен, что нет, так как в трусости он замечен не был. Возможно, он вспомнил неудачную попытку прокатиться «зайцем», когда летом 1945 года он с братом Димой добирался с приключениями до Мещовска. Впрочем, ехать без билета Валею, скорее всего, не позволила его совесть, честность, щепетильность. Хотя не уверен, что в студенческие годы он всегда оставался таким «правильным» и никогда ничего не преступал.

В августе 1948 года по семейным обстоятельствам я был переведен из Москвы в Калугу. Наши с Валею встречи стали еще более редкими, только в его приезды на побывку к родителям. В Калугу он приезжал большей частью в зимнее время, поскольку летом находился в археологических экспедициях, так что мы снова начали общаться посредством писем. О новостях в жизни Вали я узнавал не только из писем, но и от его родителей, с которыми виделся довольно часто. Дмитрий Матвеевич работал в техникуме. А Зинаида Федоровна была полностью поглощена воспитанием младшего сына Анатолия, родившегося в 1947 году. Зинаида Федоровна была уже не так молода, а маленький Толя рос капризным и неуправляемым ребенком, чем доставлял ей, да и Дмитрию Матвеевичу, много беспокойства и хлопот.

Во время встречи в Калуге 6 декабря 1949 года Валя подарил мне эту фотографию в честь и в память нашей 11-тилетней дружбы.

Анатолий родился в 1947 г., когда Дмитрию Матвеевичу было 52 года, а Зинаиде Федоровне 42 г. Старшие сыновья были уже взрослыми, и всё родительское внимание было обращено на Толю. Возможно, это и сделало его деспотичным и неуправляемым. Измученная капризами сына, Зинаида Федоровна оставляла его на попечении Дмитрия Матвеевича и убегала к моим маме и бабушке, чтобы, хотя немного, отдохнуть от своего маленького мучителя и деспота.

В 1950 году меня призвали в армию и направили в Группу Советских оккупационных войск в Германии. В наших и так не частых встречах наступила продолжительная пауза. В 1952 году

я служил в Потсдаме на офицерской должности и в августе получил свой первый офицерский отпуск на родину. Написал Вале письмо, в котором сообщал дату приезда в Москву и о сроках пребывания в Калуге, надеясь, что к тому времени Валя

Семья Берестовых. Калуга. 1949 г.

уже вернется из экспедиции. Но он все еще находился в Средней Азии, и мое письмо получила его жена Лариса, которая и отвезла его Вале в экспедицию.

Да, Валя женился. Его жену звали Лариса. Эту его скороспелую женитьбу никто не ожидал, и мы с Валиной мамой долго и подробно её обсуждали. Ответное письмо Вали из экспедиции в Калуге меня не застало, и лежало у моей мамы до следующего моего приезда в отпуск. Ответ был коротким, написанный наспех карандашом:

«Дорогой Вадим! Письма настоящего написать не могу, пошлю его следующей машиной. Коротко о себе: Выехал в экспедицию в марте, когда по всей России от Москвы до Казахстана мела метель, в Казахстане появилась первая грязь, под Ташкентом – тюльпаны и травка. В пустыне дул холодный ветер и утром пески покрывались инеем. Сейчас стоит азиатская жара во всей ее красе. Но уеду я в Москву только поздней осенью. Был на Узбое, видел, как разворачиваются работы на ГТК. Сейчас копаю древнюю крепость Куня-Уаз, каждый день приносит множество замечательных находок. Думаю, что подробное письмо, отправленное авиапочтой 1 числа, 25-26 ты успеешь получить. Пока

обнимаю и целую. Твой Валя». (Аббревиатура «ГТК» расшифровывается как главный туркменский канал).

«Подробное письмо, отправленное авиапочтой», я так и не получил. В экспедиции Вале было не до писем, а возможно, оно пропало.

Вместе с письмом от Вали пришло письмо и от Ларисы. Привожу его частично: *«Дорогой Вадим! Ваше внимание к Вале и ко мне трогательно. Мне кажется, что у Вали нет больше таких друзей, нет такого товарища...»*

Жаль, что мы не виделись с Вами в Калуге. Боюсь, что и в Москве не удастся встретиться, т.к. я хочу пробыть с Валею до 10-12 сентября...

Ну, что Вам написать о Вале? Он, как всегда, бодр, весел, но нашла я его не таким, каким хотелось бы найти. Длительная экспедиция утомила его. Он устал, выглядит (даже не знаю, как и определить его худобу), в общем, тощ, как никогда. Долго мне не удавалось найти его, теперь же я обитаю вместе с их маленьким отрядом среди колючек и песков. Следует к этому добавить жару, мух и пр. прелести. Но я рада тому, что удалось познакомиться с Валиной археологией...»

Прочитав Ларисино письмо, я вспомнил, что таким тощим, каким Лариса нашла Валу в экспедиции, я встретил его в 1948 году у сквера Большого театра. Да, экспедиции – это не шутки.

А о раскопках крепости Куня-Уаз Валя подробно написал в седьмой главе повести об археологах «Каменные зерна».

Мой следующий отпуск был ровно через год (я служил тогда уже в городе Коттбус). И опять я не застал Валу в Москве – он, как и в предыдущем году, находился в экспедиции. Наша встреча и на этот раз не состоялась.

В 1954 году женился и я (у Вали же 10-го января этого года родилась дочь Марина). Свой отпуск мы провели с женой Сашей в Калуге и Таганроге, где жили родственники жены. Так

как Валя опять был в экспедиции, познакомиться его со своей женой не удалось. Удалось это сделать только в 1955 году. На этот раз мы с женой приехали в Москву весной, в последней декаде апреля. Валя еще не успел никуда уехать, и мы, наконец-то, познакомились друг друга со своими женами.

Саша и Валя в электричке.

Валя и Лариса повели нас в маленький ресторанчик недалеко от Арбата. Там мы ели цыплят табака, запивая их грузинским вином, и говорили, говорили, говорили – слишком долго мы не виделись.

Да, Валя был, как писала Лариса, бодр и весел, но, что плохо, выглядел усталым, был худ и бледен, и много курил. Еще до женитьбы я избавился от этой дурной привычки и стал убеждать Валу бросить курить. Меня дружно поддержали наши жены. Валя оправдывался, что привык курить в экспедиции, там все курят, даже женщины, без этого там нельзя, но обещал бросить. Свое обещание Валя сдержал, и курить бросил, но случилось это гораздо позже.

Потом на электричке мы поехали куда-то за город, кажется, в Кунцево или Крюково, не там ли была первая Валина квартира?

*После дачного сезона
Дачу снять немудрено.
Мы с тобой молодожены
Нам бы крышу да окно.*

От той поездки почти ничего в памяти не осталось. Лишь помню большой деревянный дом и большую комнату в нём

ту – жилище молодожёнов. Мебели почти нет, вместо стульев – чурбаки, кругом разбросаны книги, какие-то бумаги, в общем, художественный беспорядок. А вот дочь Марину мы не видели, она была у кого-то из Ларисиних родственников, по-видимому, у её родителей.

Во время этой встречи Валя много рассказывал об экспедициях в Среднюю Азию. Я поинтересовался, чему же он всё-таки посвятит себя: поэзии или археологии? Валя уверял, что поэзию он не бросил и для будущей книги стихов им уже кое-что написано (его стихи появлялись в журналах, а первая книга стихов «Отплытие» будет издана только в 1957 году):

*Я столько ездил по стране
И снова стал поэтом.
И дар забытый нужен мне,
Чтоб рассказать об этом.*

Это четверостишие тоже из первого варианта стихотворения «Поэзия или археология?». Валя действительно возвращался в поэзию, и, что надо отметить, для этого появились объективные условия: умер Сталин, и в стране повеяло ветерком свободы. По нашей просьбе Валя прочитал кое-что из своих последних стихов: «Дочери», что-то об археологии и ставшую знаменитой «Сердцевину».

Валя рассказал также, что в экспедициях сделал много записей для будущей книги об археологах, так что, будет у него и проза. Надо сказать, что я очень ревниво относился к вопросу, будет ли Валя писать прозу, и при каждой нашей новой встрече интересовался его планами на этот счёт, а Валя неизменно отвечал: «Пишу. Работаю. Скоро отдам в печать». И это были не пустые слова. Кроме сборников стихов наконец-то в печати появились его прозаические произведения. В шестидесятых годах Валя напишет книгу для малышей «Вавилонская башня», лирико-фантастическую повесть «Меня приглашают на Марс»,

повести и рассказы об археологах. Дальше – больше: работа над воспоминаниями о своем детстве и юности («Светлые силы»), переводы, пересказ сказок. Займется он и литературоведческими исследованиями: напишет воспоминания об А.А.Ахматовой, К.И. Чуковском, С.Я.Маршаке, А.Н.Толстом, и о многих других. К их числу надо отнести, прежде всего, Владимира Высоцкого, но о нём, по известным причинам, напишет много позже, когда Высоцкий уже умрет.

Кстати, о Высоцком. В один из моих приездов в Москву, между мной и Валею состоялся разговор об этой незаурядной опальной личности. Было это в годы строгой цензуры, когда Высоцкий во многом был под запретом. Мне было интересно узнать мнение Вали, и я спросил его, что он думает о творчестве Высоцкого. Его ответ был однозначен: Высоцкий обладает большим поэтическим даром, это несомненный талант и не за горами то время, когда он будет оценен как великий поэт и бард. Кроме этого Валя сказал, что не будет удивлен, если со временем Высоцкий будет зачислен в ряды русских классиков. В своих прогнозах Валя не ошибся.

Калуга, бор. 02.05.1955 г. Саша и Валя.

Калуга, бор. 02.05.1955 г. Валя и Лариса.

Дома у Берестовых. 2.05.1955 г.

научную карьеру. Но не получилось – Валя твердо и бесповоротно выбрал литературу. Хотя, возможно, из Вали, при его-то задатках, получился бы неплохой учёный муж.

Мы с женой не планировали долго быть в Москве и вскоре распрощались с Валей и Ларисой, договорившись о встрече в Калуге. В Калугу Валя и Лариса приехали перед самыми майскими праздниками. Первого мая был большой сбор у моей мамы, а второго мы ходили на прогулку в знаменитый калужский бор, где фотографировались у вековых, в два обхвата, сосен, а вторую половину этого дня провели дома у Берестовых

В порядке отступления несколько слов о Валиных женах. Женат он был трижды, но это не являлось данью моде, которой подвержены некоторые мужи от искусства, меняющие жён, как перчатки. Так распорядилась Валина фортуна. Я долго размышлял, вправе ли освещать интимные стороны жизни своего

В связи с вопросом «поэзия или археология?», которым Валя задавался в конце сороковых годов, вспомнилось, что как-то при нашей встрече, а было это уже после его развода с Ларисой, он признался мне, что она упорно толкала его в науку. Предпосылки для этого имелись – в 1955 году он окончил аспирантуру при Институте этнографии Академии наук, что обеспечивало ему

покойного друга, но публикацией стихов под общим названием «Беда» Валя, как бы априори, дал на это согласие.

Своего первого впечатления о Ларисе я не помню. Как мне кажется, Валя и Лариса не были приспособлены к трудностям семейной жизни и, прежде всего, к её бытовой стороне. Описывая свои встречи с К. И. Чуковским, А. Н. Толстым, С. Я. Маршаком и другими, Валя упоминает и о тех прекрасных женщинах, которые были рядом с этими гигантами. Эти женщины являлись не только супругами, они являлись ангелами-хранителями, и в этом заключался их жизненный подвиг. Вот такого ангела-хранителя, такого подвижника и не хватало Вале в супружестве с Ларисой. Любовь дала трещину. Несмотря на появившийся разлад в семье, а он вскоре появился, Валя никогда не жаловался. Это ему было не прищуще. А разлад и связанные с этим муки были не пустячными, что видно по его стихам «Беда»:

*Видно, от доски до доски
Я перелистал словарь тоски,
Знал я все слова наперечёт,
А теперь додумался до сути.*

Лариса, Валя, Саша. 2.05.1955 г.

Валя с дочерью Мариной.

*Скорбь и впрямь скребёт
Печаль печёт,
Грусть грызёт,
Беда наотмашь бьёт,
Мука мутит, кручина крутит.*

*Разлюбила и сама же не заметила,
С виду тихая и милая жена.
Просто там не проводила, здесь не встретила,
Тем обижена, другим раздражена.*

*Обвиненья превратятся в оправдания,
И в семье себя почувствуешь как гость,
И покажется, что с первого свидания
Незаметно разлученье началось.*

(1966-68г.г.)

О разладе в семье сына Зинаида Федоровна делилась с моей мамой, а она в свою очередь делилась со мной, так что я был в курсе, что семейная жизнь у моего друга не сложилась.

Но когда-то всему приходит конец:

*Когда душа обиды не смолчала,
Я жизнь свою решил начать сначала.
Тайком сложил пожитки в чемодан,
Дверь отворил и вышел в ночь, в туман.*

(1999 г.)

С чемоданом, а, возможно, и без него Валя уехал в свой родной Мещовск. Было это в 1967 году. Но потом он вернулся к Ларисе и уже окончательно ушел от неё в следующем году.

О причинах разрыва с Ларисой я Валю никогда не расспрашивал, а сам он мне ничего конкретного не рассказывал. Только однажды Валю прорвало. Я приехал в Москву и жил у него на ул. Волгина. Много говорили «о жизни» и совсем неожиданно Валя стал рассказывать мне о тех бедах, которые ему причинила Лариса. Шли семидесятые годы, и Валя уже давно с ней не жил

(развелись они, как мне помнится, в 1968 году), у него была другая жена, но старая обида, видимо, еще мучила его.

Татьяну Ивановну Александрову, вторую жену Вали, я знал с 1959 года. В тот год срок моей службы в ГСВГ закончился, и из ГДР, вместе с женой Сашей и двумя детьми, я приехал в Ригу за новым назначением. Тогда Хрущёв уволил из Вооруженных Сил 1200 тысяч военнослужащих, вакансий не было, и меня отправили в отпуск. Мы уехали в Калугу, где я и дожидался решения своей судьбы. Был август месяц. Родители Вали сказали, что он ушел в калужскую глубинку «за фольклором» и скоро должен вернуться. И вот однажды Валя появился в нашем дворе в сопровождении незнакомой мне женщины. На ней был старинный русский наряд, как оказалось, подаренный ей в какой-то глухой деревеньке, где она рисовала детей. Валя представил её как художницу Таню, вместе с ним она ходила по калужской глубинке.

*Как-то в калужской лесной деревеньке
Ты посадила детей на ступеньке,
Вынула краски, достала тетрадку
И рисовала их всех по порядку*

Кто мог тогда предположить, что через десять лет Таня станет женой Вали. Позже я напишу о ней еще несколько слов.

С третьей женой Вали я знаком не был. После смерти Тани ею стала её сестра-близнец Наталья Ивановна Александрова.

После смерти Тани Валю охватили душевный надлом и растерянность, угнетали его и бытовые проблемы. Перед ним снова встала необходимость обзавестись женой, хозяйкой дома, что разрешило бы многие проблемы и избавило от одиночества. Наиболее подходящей кандидатурой на роль жены он посчитал внешне

Таня Александрова.

Валя с Наташей.

похожую на Таню её близняшку Наташу. Вот что я прочитал в статье Лолы Звонарёвой (литературовед, Главный редактор международного альманаха «Литературные знакомства») «Как нарисовать портрет цветка»:

«Однажды Валентин Дмитриевич стал со мною советоваться довольно оригинально: «Танечка была такая добрая, что родилась в двух экземплярах, оставила нам свою сестру-близняшку – Наташу. Наташе очень плохо дома,

мне - тоже, я думаю, что вместе нам будет легче. Кстати, я вспомнил, что часто писатели женились после смерти одной сестры на другой, я могу привести много исторических примеров...»

Я тоже беспокоилась, что беспомощный в быту Берестов, остался один, и сказала, что горячо поддерживаю его решение, что мне тоже симпатична Наталья Ивановна, не только внешне, но и добротой, и преданностью искусству похожая на нашу дорогую Татьяну Ивановну.

Вскоре в доме появилась Наталья Ивановна, которую гости иногда путали с сестрой-близняшкой». Журнал «Художник и Писатель» (ХиП) № 2 (17).

В июне 1986 года по пути из Ленинграда домой мы с моей второй женой Светланой делали остановку в Москве и несколько дней жили у Вали. Он, конечно, не скрывал, что женился на Таниной сестре Наташе, но, пока мы у него жили, его новая жена в квартире так и не появилась. Последующие наши встречи с Валею также проходили в отсутствие Наташи, и всегда на это находилась «уважительная» причина.

Лично познакомиться с Наталией Ивановной мне удалось много позже – уже после смерти Вали, случилось это на Первых Берестовских чтениях. Был перерыв, она стояла в окружении не-

знакомых мне лиц. Я подошел к ней и представился, и у нас состоялся короткий разговор. Потом мы обменялись с ней несколькими письмами, в которых она делилась своим горем и сообщала о планах издания Валиных книг. На что я обратил внимание в её письмах – на её приторно-слащавое сюсюкание, которое, кстати, отмечал и Дима. Всех упоминаемых в письмах лиц она называла, как малых детишек – уменьшительно-ласкательно: Валюшечка, Танюшечка, Димочка, Леночка, Рэмочка и т.д.

Не могу не упомянуть о весьма негативном отношении брата Вали Дмитрия и к Тане, и к Наташе. Дима очень ревниво относился к своему талантливому брату и считал, что обе они были его недостойны. Насколько мне известно, кроме ревности, имелись у него и другие основания их не любить – истинные или надуманные – не мне судить.

Выше я упомянул, что со своей женой Светланой несколько дней жил у Вали.

Именно тогда я и познакомил Валею с ней. Летом 1986 года мы со Светланой провели неделю в Ленинграде, а на обратном пути в Житомир сделали остановку в Москве и несколько дней жили у Вали на ул. Волгина. Вначале, как мне показалось, Валя отнёсся к Светлане настороженно, но вскоре они подружились. Узнав, что Светлана работает воспитателем в детском саду, Валя читал ей свои детские стихи, рассказывал о дочери Марине и внуках Рауле-Антонио и Марине-Эсперанса. А

при расставании подарил ей и мне пластинки с дарственными ми надписями (их я тоже передал в музей «В.Д. Берестов и его окружение»).

Потом, в августе 1987 года и мае 1988 года мы со Светланой снова побывали в Москве, но останавливались уже не у Вали, а у Софьи Анатольевны Жижиной («Девочка с мячом»), а к Вале на улицу Волгина ездили на такси.

Во время этих встреч Валя поделился с нами забавной историей, которая с ним приключилась.

Будучи в заграничной поездке Валя и его товарищ посетили книжную выставку. Там Вале приглянулась дорогая, чудесно изданная книга, на покупку которой денег в их скромном бюджете не нашлось. Валя очень огорчился, но когда они вышли с выставки, то сопровождавший его товарищ протянул ему эту вожаделенную книгу, а на вопрос Вали, где он её взял, пояснил, что украл.

Кто был тем товарищем, который вместе с Валею находился в заграничной поездке? Мне известно, что день своего 50-летия Валя встречал в Италии и там вместе с ним находился его друг художник Лев Токмаков. Не тогда ли произошла эта пикантная история? Мне хотелось получить этому подтверждение, и я его получил. Ольга Чурсина написала мне, что этот случай, действительно, произошел с Токмаковым, о чём он в красках рассказывал в интервью, которое у него брал её муж режиссер Владимир Иванов.

Но вернемся в 1955 год. В этом году было положено начало взаимных визитов двух наших фамилий. Когда мы с Валею съезжались в Калуге, то Валя и его родители приходили к нам, а мы – к ним. Вот во время таких визитов Дмитрий Матвеевич и пел романсы для гостей. После 1955 года наступила новая, если можно так выразиться, взрослая пора нашей дружбы, подкреплённая дружбой моей мамы с родителями Вали.

Как-то так получилось, что переписываться мы с Валею почти перестали, да и встречаться стали реже, поскольку после окончания службы в ГСВГ не каждый свой отпуск я проводил в Калуге. Но это не означало, что мы не были осведомлены о жизни друг друга. Валя чаще меня бывал в Калуге и всегда навещал мою маму, а мама присылала мне отчеты о его визитах. Она же рассказывала Вале о моем житье-бытье. Новости о Валиной жизни мама узнавала и от Зинаиды Фёдоровны, с которой постоянно общалась. Общалась мама и с соседкой Берестовых по дому Соловьёвой Ниной Ивановной и, по-видимому, какую-то информацию могла получать и от неё. Подружилась мама и с невесткой Зинаиды Фёдоровны Лидой, женой Димы. И когда Зинаида Фёдоровна умерла, информацию о Вале получала от неё.

Иногда мы не виделись с Валею по несколько лет, но всегда встречались так, будто расстались только вчера.

А о нашей встрече в 1955 году сохранилось десятка два фотографий. О, как молоды мы тогда были!

Во время моего следующего отпуска в 1957 году встретиться с Валею не удалось, его не было в Москве. Но зато я встретился с нашими общими с Валею друзьями из калужского детства Соней Жижиной и Соколовой Ларисой (Лялей Пчёлкиной). Встреча, зафиксированная на фотоснимке, состоялась в квартире Ляли в Тихвинском переулке. Вспоминали Валу и сожалели, что его нет на нашей встрече.

Последующие мои отпуска во время службы в ГСВГ выпадали на летнее время, когда Валя находился в экспедиции. В Мо-

скве меня с женой Сашей и сыном Женей встречала Лариса, от неё мы и узнавали все новости об их с Валею житье-бытье.

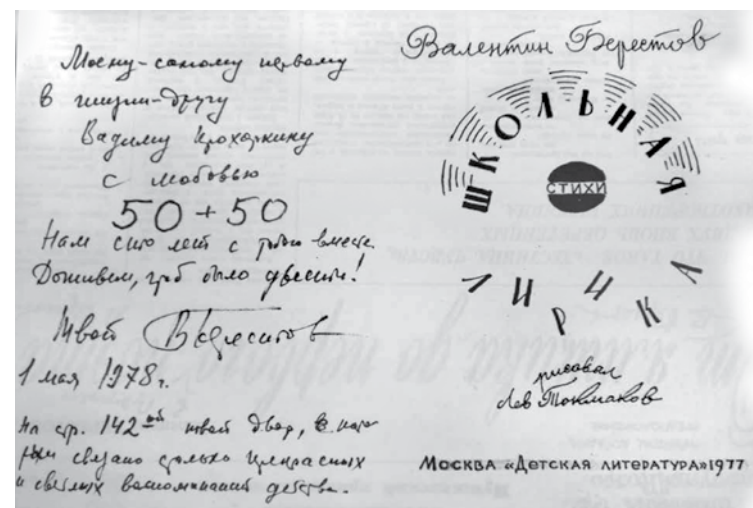
В первой половине шестидесятых годов я ежегодно наезжал в столицу. В 1960 и 1961 годах был участником военных парадов на Красной площади в составе парадной группы ракетных войск стратегического назначения; затем с 1961 по 1966 год заочно учился в академии. Во время моих приездов в Москву мы, конечно, не раз встречались с Валею (когда он не пропадал в Переделкино или в экспедиции), но ни одну из тех встреч припомнить не могу. Тогда Валя почти не писал стихов и очень мало издавался. Он активно работал над прозой, о чём я уже упоминал. Из Москвы я заезжал и в Калугу. Помню, что одна такая поездка пришлась на Пасху, выпавшую на 9 апреля 1961 года. Накануне Пасхи я навестил Берестовых, чтобы узнать новости о Вале. А вечером Зинаида Федоровна, моя мама и я ходили к Георгиевскому собору смотреть на крестный ход.

Шли годы. Прошло наше тридцатилетие, затем – сорокалетие. Наступил 1978 год – год нашего пятидесятилетия. В юбилей принято подводить итоги. Что ж, Валя достиг уже многого: он известен и как детский поэт, и как поэт-лирик, и уже как прозаик. Издана не одна его книга, его показывают по телевидению.

У меня другие итоги: позади одиннадцать гарнизонов (в ГДР, Литве, Белоруссии, Калининградской области, на Украине) и столько же переездов, а два переезда, как утверждают, равносильны пожару. Мое последнее место службы – Житомирщина, там я по достижению предельного возраста ушел в запас и осел на жительство в городе Житомире. Двадцать восемь лет тому назад я уехал из Калуги, и все свои дни рождения в эти годы отмечал вдали от родного дома. Это ли не причина отметить полувековой юбилей в родной Калуге, среди родных и близких. Идея была горячо поддержана как мамой, так и другими родственниками. В переписке с мамой обсуждаем список гостей.

Берестовых (против их фамилии стоит цифра 4) причисляем к числу близких родственников.

28 апреля юбилей был отмечен в кругу сослуживцев, на другой день – в Калугу. Сбор назначен на 1 мая по адресу улица Пролетарская, дом № 82. Приедут ли Валя с Таней? В день своего 50-летия Валя находился в туристической поездке в Венецию, но уже должен был вернуться. И вот Валя появился, но один, без Тани (была больна? или не захотела?). Он дарит мне книгу своих стихов «Школьная лирика» с надписью:

«Моему – самому первому в жизни – другу Вадиму Прохоркину с любовью. 50 + 50

Нам сто лет с тобою вместе.

Доживем, чтоб было двести!

Твой В. Берестов. 1 мая 1978 г.

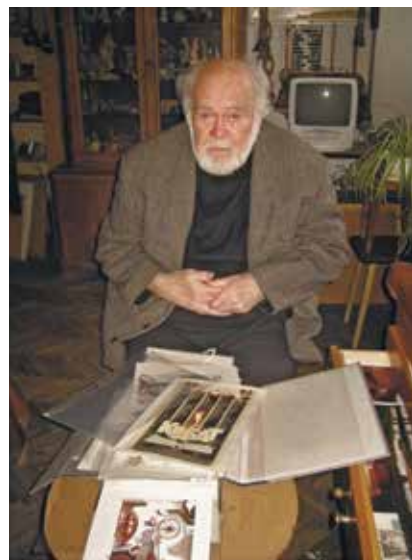
На стр. 142-й твой двор, с которым связано столько прекрасных и светлых воспоминаний детства».

На 142-й странице книги действительно изображен двор нашего детства, правда, не совсем точно, но узнаваемо. На соседней странице – стихотворение «Прятки», посвященное этому двору:

*Снова, как и много лет назад,
Захожу в знакомый двор и сад...*

Спрашиваю Валю, кто рисовал наш двор. Он рассказывает, что когда книга готовилась к изданию, с ним в Калугу приезжал его друг – художник Лев Токмаков, и в книге – его рисунки. А когда потом моя мама стала расспрашивать Валю о том, как он отметил свое 50-летие, он рассказал о своем пребывании в Венеции. Рассказал и о том, как Токмаков, он был там вместе с ним, в качестве юбилейного подарка преподнёс Вале один из венецианских мостов, сделав на нём надпись на итальянском языке «Мост Валентина Берестова».

Народный художник РФ Лев Алексеевич Токмаков являлся старым другом Валентина. За свою творческую жизнь он создал автолитографии и рисунки в станковой графике, проиллюстрировал более 200 детских книг. В частности, создал красочные, весёлые и остроумные иллюстрации к произведениям почти всех знаменитых представителей отечественной детской литературы: Я. Акима, А. Алексина, Т. Александровой, А. Барто, И. Токмаковой, Т. Белозёрова, В. Бианки, Е. Велтистова, А. Гайдара, В.

Драгунского, Б. Заходера, С. Маршака, С. Михалкова, А. Митяева, Э. Мошковской, С. Сахарнова, Р. Сефа, Г. Цыферова и, конечно, Валентина Берестова. Он также являлся автором иллюстраций к произведениям Дж. Родари, А. Линдгрена и сказок итальянских писателей, китайских народных сказок.

Токмаков был ровесником Вали, умер он в 2010 г.

Гостей в нашем доме собралось много, и столы в зале пришлось

поставить по диагонали. Веселились от души. Дима Берестов снимал празднество кинокамерой (эта дорогая для меня плёнка, на которой были запечатлены моя покойная жена Саша и теперь покойный Валя, к сожалению, пропала). Между тостами и танцами Валя читал свои стихи о нашем детстве и обо мне: «Мальчишка в тельняшке», «С тобой мы дружили, как дружат мальчишки», и посвященное мне «Исполнение желаний»:

*О, как с тобой мечтали мы когда-то!
Их было столько, замыслов и грез,
Что, может быть, по тысяче на брата
Мечтаний тех исполнилось всерьез,
Хоть их не сразу в памяти находишь.
Вот, например: ты вправду офицер,
В шинели ходишь, сам машину водишь,
Имеешь настоящий револьвер.
А то, о чем мечтал я, как о чуде,
И для меня исполнилось давно:
Книг дома у меня полным-полно,
Купался в море, ездил на верблюде
И на любой сеанс хожу в кино.*

На другой день мы с Валею распрощались. Это была наша последняя с ним встреча в этом доме, в этом дворе, с которым связано, как написал Валя в подаренной мне книге, столько прекрасных и светлых воспоминаний детства. Через несколько месяцев наш дом будет снесён.

Когда в Валином двухтомнике я прочитал «Еще про остров коммунизма», вспомнил, что Валя уже рассказывал мне об этом «острове».

*Калуга. 2 мая 1978 г.
На другой день после юбилея.
Моя мама, Валя, мой сын Женя,
дядя Коля.*

Летом 1981 года мне предложили путевку в подмосковный санаторий «Семёновское». Скорые сборы и скорый отъезд. Вот и Москва. Переезжаю с Киевского на Павелецкий вокзал. Вспоминаю о поездке в 1945 году с этого вокзала к Вале в Горки Ленинские. С тех пор на этом вокзале я не бывал. С вокзала звоню Вале, чтобы договориться о встрече, но на звонок никто не отвечает.

На электричке еду до станции Митино, оттуда на санаторном автобусе в Семёновское. С соседом по комнате мне повезло: подполковник из Вильнюса Малахов Петр Дмитриевич (когда-то я с ним встречался во время службы в Прибалтике) был книголюбом и эрудитом, и нам было, о чём поговорить.

В лесу за рекой находилась, как мне рассказали, правительственная дача, её высоченный забор был виден из окон санатория (сколько же досок ушло на его сооружение!)

Снова звоню Вале и застаю его дома. Узнав, что я в Семёновском, он обещает меня навестить.

Однажды Петр Дмитриевич, придя с прогулки, сказал, что меня спрашивает какая-то странная пара. Я сразу понял, что это Валя и Таня, и не ошибся. А странность заключалась в их внешнем облике. На Тане было её излюбленное, неопределенного цвета, платье в виде балахона, а у Вали через плечо висела матерчатая сумка наподобие нищенской сумы (с похожей сумой до войны к нам во двор приходил старик, собиравший подаяния), в ней лежали книги, купленные им в Митино. Так что всем своим видом они отличались от нарядных обитателей санатория.

Мы долго гуляли по посёлку, осматривая местные достопримечательности. Их было не так уж и много: бывшая усадьба графа Алексея Орлова из красного кирпича (она выглядела разорённой и униженной), в которой жили солдаты охраны, бывшая ямская станция из такого же красного кирпича, да церковь на взгорке, не потерявшая былой красоты и тоже разорённая. К поселку примыкала липовая роща, вероятно посаженная еще

во времена Алексея Орлова, вековые липы как раз цвели, и мы вдыхали их аромат.

Вот во время этой прогулки, указав на забор правительственной дачи (тоже своего рода достопримечательность), Валя и обмолвился, что ему довелось побывать за этим забором на встрече руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией. Я попросил рассказать подробнее, и Валя, с присущим ему юмором, описал саму встречу, и Хрущева, и всю бывшую с ним камарилью; рассказал и о том, какими яствами их там угощали.

В 1981 году отношение к Хрущеву было неоднозначным: кто-то его хвалил за разоблачение культа личности, кто-то ругал за авантюризм (кстати, в 1981 году мы должны были уже жить в провозглашенном Хрущевым коммунистическом обществе), и мне было интересно узнать, какое впечатление о Хрущеве Валя вынес из этой встречи. Ответ Вали меня удивил, он сказал, что никакого, а вся эта встреча была очередным пропагандистским мероприятием, вряд ли имевшим какое-либо практическое значение.

Я проводил Вали и Таню до автобуса, и мы договорились, что по окончании срока пребывания в санатории я заеду к ним. Так я и сделал. В память об этой встрече у меня осталась книга стихов «Читалочка» с Валиным автографом:

«Моим дорогим друзьям Саше и Вадиму Прохоркиным с любовью. Будьте – самое главное – здоровы, чтобы читать эту «Читалочку» внукам и правнукам. Ваш В. Берестов. 24.VII.81».

Так и было: эту «Читалочку» невестки читали моим внукам, а моя вторая жена Светлана, работавшая воспитателем в детском саду, читала её детям своей группы. «Читалочка» детям очень нравилась.

Когда я, проводив гостей, вернулся в палату, Петр Дмитриевич поинтересовался, кто это ко мне приезжал. Я ответил, что

приезжал мой друг детства поэт Валентин Берестов с женой. И тут Петр Дмитриевич сказал, что ему знакомо имя Валентина Берестова, что в его домашней библиотеке имеются книги его стихов, которые он читает своим внукам. Я был приятно удивлен и обрадован: и до Литвы дошли Валины стихи.

Кстати, стихи и проза Вали были переведены на многие языки, их издавали не только в нашей стране, но и за границей, и даже в далекой Японии. Не могу не упомянуть и о таком интересном факте: в 1990 году на родине Цицерона в итальянском городе Арпино (Валя и там побывал), по просьбе его жителей, тексты стихотворений Вали «С птичьего полёта» и «Мир» были высечены на мраморной плите – на «Каменной книге поэзии». Кстати, я поинтересовался, имеются ли Валины произведения в Житомирской областной библиотеке, и оказалось, что имеются («Два огня», сборник стихов «Семейная фотография», «Ранняя любовь Пушкина» и др.).

Не могу точно припомнить, во время нашей встречи в Семёновском или еще раньше Валя рассказывал мне о том, как он писал государственный гимн. Уже после его смерти я прочитал в двухтомнике написанный с присущим ему юмором рассказ о том, как он в числе других поэтов был приглашен в ЦК КПСС, «чтобы получить заказ на государственный гимн». Гимны поэтами были написаны, но ни один из них не пригодился.

Мне очень хотелось разыскать текст этого гимна, и он «нашелся» в музее «В.Д. Берестов и его окружение»; его руководитель Ольга Чурсина по моей просьбе текст гимна мне прислала. Гимн у Вали получился посредственный. По-видимому, Валя и сам понимал, что текст – далеко не шедевр, а потому нигде его не опубликовал, и, возможно, сам же его и уничтожил. Не велика потеря, но участие Вали в создании гимна – факт «исторический», он дал ему повод написать отличный рассказ «Как я писал государственный гимн». Кстати, о рассказе упоминает

некий Вадим Зеленков из Минска в статье «По следам гимна», опубликованной в «Известиях» от 26.08.2008 года в рубрике «Исторический клуб. Обратная связь».

В рассказе Валя пишет, что стихов гимна не помнит: «Что-то утопическое, вроде «Мы строим мир и счастье вечное для всех людей, для всех детей Земли». Память его подвела – таких слов в тексте гимна нет.

Текст Валиного гимна привожу ниже:

*Всегда, во всем ты вместе с нами, Рабочее Отечество,
Ты любишь нас и веришь в нас. Советская страна!
Ты – наша сила в грозный час. Путем крутым и небывалым
Ты – наша совесть, наше знамя. Идешь ты, строя и творя.
Надежда человечества, Коммуны яркая заря
Цветущая весна, Уже горит над перевалом.
Рабочее Отечество, Надежда человечества,
Советская страна! Цветущая весна,
Ты озаренья жизни новой Рабочее Отечество,
Земле измученной несла. Советская страна!
Ты людям Ленина дала, Настанет мир на всей планете,
Ты первой сбросила оковы. Падет насилье, сгинет тьма.
Надежда человечества, С тобой история сама,
Цветущая весна, С тобой все лучшее на свете.*

Каждому из нас отведен свой срок жизни. Первым из самых близких нашей семье людей ушел из жизни отец Вали Дмитрий Матвеевич. Он был не так уж и стар, но война, плен, концлагерь подорвали его здоровье. Умер Дмитрий Матвеевич от инсульта. После удара он несколько дней был еще жив, но лежал в беспомощности.

Известие о смерти Дмитрия Матвеевича я получил от своей мамы. Было это в конце 1964 года, я служил тогда в поселке Ветрино Полоцкого района Витебской области. Моя мама, как самая близкая подруга Зинаиды Фёдоровны, принимала дея-

тельное участие во всех ритуальных мероприятиях, связанных с похоронами. Мама мне всё подробно описала в своем письме.

После смерти Дмитрия Матвеевича Зинаида Фёдоровна искала утешения и находила его у моей мамы. А Валя, как и в годы войны, остался старшим в доме, и теперь оказывал Зинаиде Федоровне не только моральную, но и материальную помощь, впрочем, материально он помогал родителям и раньше.

А в июле 1976 года умерла и Зинаида Фёдоровна. Это печальное известие я также получил от своей мамы. Она писала мне: «12-го умерла Зинаида Фёдоровна – у нее случился инфаркт. Так неожиданно. Она собиралась придти ко мне, я всё ее ждала и вдруг... Такое горе ужасное, я и сейчас не могу осознать. Валя рыдал у меня на груди, говорил: «Вы теперь моя мама, я буду теперь к Вам ездить...»

После сороковины мама мне написала: «Недавно отмечали 40 дней со дня смерти Зинаиды Фёдоровны. За мной явился Валя со своей падчерицей и каким-то славным художником. Были мы на кладбище, а потом пошли на квартиру Зинаиды Фёдоровны и там поминали. Всё готовили Димина Лида и Толина теща.

Валя с мамой.

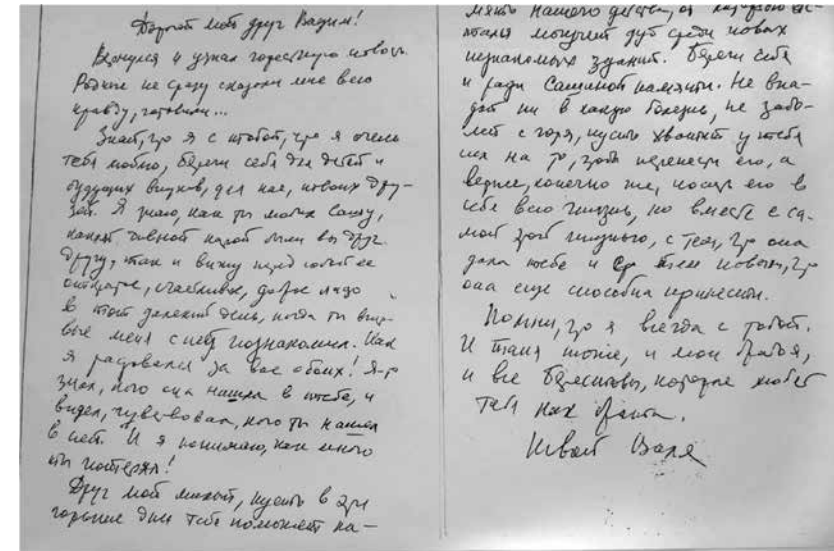
Было все хорошо. Валя читал стихи. Немного всплакнули. А потом Валя вспомнил детство и тебя...»

Валя приезжал в Калугу и на полюдие смерти Зинаиды Фёдоровны, и на годовщину, и каждый раз приходил за моей мамой, а мама сообщала мне о его приездах.

Упомянутые мамой в письме падчерица Вали и художник – дочь Татьяны Александровой Галина и Валин друг Лев Токмаков.

Добралась смерть и до наших жен. 1 июля 1983 года умерла от меланомы моя жена Александра Васильевна, Валя называл её

милой Сашенькой. В связи с её смертью Валя прислал мне чудесное, полное сочувствия и дружеской любви письмо. Вот оно:

«Дорогой мой друг Вадим! Вернулся и узнал горестную новость. Родные не сразу сказали мне всю правду, готовили...

Знай, что я с тобой, что я очень тебя люблю, береги себя для детей и будущих внуков, для нас, твоих друзей. Я знаю, как ты любил Сашу, какой дивной парой были вы друг другу, так и вижу перед собой ее открытое, счастливое, доброе лицо в тот далекий день, когда ты впервые меня с ней познакомил. Как я радовался за вас обоих! Я-то знал, кого она нашла в тебе, и видел, чувствовал, кого ты нашел в ней. И я понимаю, как много ты потерял!

Друг мой милый, пусть в эти горькие дни тебе поможет память нашего детства, от которого остался могучий дуб среди новых незнакомых зданий. Береги себя и ради Сашиной памяти. Не впадай ни в какую болезнь, не заболевай от горя, пусть хватит у тебя сил на то, чтобы перенести его, а вернее, конечно же, носить его в себе всю жизнь, но вместе с самой этой жизнью, с тем, что она дала тебе и с тем новым, что она еще способна принести. Помни, что я всегда с тобой. И Таня тоже, и мои братья, и все Берестовы, которые любят тебя как брата. Твой Валя».

Такое письмо мог написать только истинный друг.

Саша болела долго, и моя мама – моя родительница и мой верный друг – не один месяц жила у меня в Житомире. Саша умерла на моих и её руках. После сороковины, чтобы вывести меня из горестного состояния, мама увезла меня в Калугу. Там я получил известие, что 28 августа у меня родился внук, названный Александром. Моя тетка Варя, узнав о рождении внука, сказала: «Вот и утешься: Бог взял, Бог дал».

Узнав, что я в Калуге, Валя не мог не приехать, чтобы разделить со мной мое горе, и он, не мешкая, приехал. Известно, что время – лучший лекарь. Но лечит и природа. Наверное, Валя понимал это, потому что сразу же предложил мне совершить прогулку по Оке на судне на подводных крыльях, кажется, оно называлось «Ракета». Мой милый Валя, как хорошо он это придумал.

Встаем рано утром. Берем с собой моего племянника Романа и пешком идем к пристани. По Воробьевке спускаемся к Оке, где «Ракета» ожидает пассажиров. День обещает быть солнечным и тёплым. Пассажиров мало, садимся впереди, где лучше обзор.

*Плывем! Проходит стороной
Причал с притихшею толпою,
Седые ветлы над водой,
Песок прибрежный золотой,
Табун коней у водооя.*

Быстро промелькнули заводские и хозяйственные постройки, протянувшиеся вдоль левого берега реки, за ними речушка Калужка, впадающая в Оку. Где-то здесь должна быть песчаная коса, на которую Лёсик Чудов водил нас ловить пескарей. Дальше высокий, как утес, берег. По утверждению краеведов, там, на этой горе, было первое калужское поселение. Высокие берега отражаются в реке. Какой чудесный вид! Говорим о том, что с воды красота природы воспринимается иначе, чем с суши. Я давно уже это заметил, еще, когда с братом жены Анатолием ходил

на яхте из Таганрога в гирло Дона. Рассказываю об этом Вале. Он согласен со мною, говорит, что отражение усиливает восприятие окружающей нас природы, её красоты. Прочитав много позже в Валиных воспоминаниях о Тане, что «отражение – это искусство, создаваемое самой природой» (об отражении берёзы в пруду), вспоминаю, что примерно о том же самом Валя говорил мне тогда, при поездке по Оке. Высокие берега, отражаясь в реке, делали её зеленой, и только посередине реки была видна узкая голубая полоска отражённого неба, по этой полоске и мчалась наша «Ракета». Это было так сказочно красиво.

Пересекаем Никольскую паромную переправу, и вскоре «Ракета» причаливает к правому берегу. Тут только мостки и никаких построек. Выясняем время обратного рейса и узкой, малохоженой тропинкой, направляемся к деревне. Деревня какая-то неуютная, запущенная. С её грязных, истолчённых прошедшим стадом улиц, с трудом находим дорогу за околицу, в луга. Они бескрайней лентой тянутся вдоль Оки. Боже мой, сколько прекрасного сена здесь можно заготовить! – чуть ли не в два голоса восклицаем мы, а наши СМИ только и говорят о нехватке кормов. Долго гуляем, вдыхая запахи пахучего разнотравья. Но я замечаю, что Валя часто останавливается – его мучают приступы стенокардии. Так, с остановками, идём всё дальше и дальше, туда, где, словно поссорившись друг с другом, поврозь стоят одинокие берёзки. Возле одной из них Валя находит выводок грибов. Это подосиновики. Отдыхаем, перекусываем и не спеша, идем назад. «Ракета» доставляет нас в Калугу, когда день уже на исходе. Усталые и умиротворенные, приходим к нам домой, где нас ждет ужин, заботливо приготовленный моей мамой. Валя любит её стряпню и с завидным аппетитом поглощает всё, что мама выставляет на стол, а она норовит подложить ему еще и еще кусочек чего-нибудь вкусенького. «Наверное, он плохо питается», – говорит мне мама, когда Валя уходит.

Какой Валя молодец! Как здорово он придумал эту прогулку! Как ловко сумел отвлечь меня от печальных мыслей. Валя – настоящий друг!

Вскоре, 22 декабря 1983 года, умирает жена Вали Таня. Наступает моя очередь утешать Валу. Я в Москве и остаиваюсь у него. Вся квартира увешана картинами работы Тани.

по Валиным рассказам. Т.Александрова. 1977 г.). На картинах, в основном, цветы. Я не знаток живописи, но картины мне понравились. Валя тяжело переживает потерю жены.

*Розы в свете морозного дня.
У могилы стою на ветру.
И впервые утешит меня
Мысль о том, что я тоже умру.*

Валя как бы раздавлен навалившимся на него горем. Говорит только о Тане: каким ему она была хорошим другом, как хорошо его понимала, какая была талантливая и не только как художник, но и как литератор, что сказки, которые она сочиняла, замечательны, что признание пришло к ней слишком поздно, что по-настоящему Танин талант будет оценен только теперь, после её смерти.

Я не берусь судить, действительно ли Таня обладала теми качествами, которыми наделял её Валя – слишком редко я с ней встречался, слишком мало её знал. Но не Валя ли когда-то писал: «Влюбившись, мы наделяем предмет своего увлечения всеми дорогими для нас качествами. В том числе и теми, какими он не обладает». Не хочу умалять достоинств Тани – об умерших говорят только хорошее или ничего. Время всё поставит на свои места. Так оно и случилось: время признало её и как художника, и как сказочницу. А то, что Валя был с Таней счастлив, – это факт, и убедительным свидетельством тому – Валин очерк «Лучшая из женщин» (очерк Валя написал в 1989 году; он вошел в посмертный двухтомник, вышедший в 1998 г.; сокращенный вариант очерка был опубликован в христианском журнале «Истина и жизнь» № 8/1996 г.).

*Моя любовь тебя пережила...
Любовь ли? Век горюй и плечи горбь.
Любовь была светла и весела.
А это – боль утраты. Это – скорбь.*

Когда настало время уезжать мне из Москвы, Валя, как мне показалось, стал выходить из того состояния, в котором я его застал, кризис в какой-то мере застопорился. Я понял, что Вале надо было просто выговориться, поговорить с кем-то о Тане. И этим кем-то стал я. Все это мне было знакомо: пережив смерть своей жены, я лучше, чем кто-либо другой, понимал чувства Вали, и старался найти нужные слова утешения, соболезнования. Но Валя, очевидно, не очень-то и нуждался в этих словах, ему надо было выплеснуть наружу всё то, что у него накопилось, было внутри, жгло его, поделиться своим горем с близким ему человеком. Такого человека, умеющего слушать, он и нашел в моем лице. Я расстался с Валею, будучи уверенным, что в какой-то мере самой встречей с ним снял с его сердца часть мучившего его гнёта.

Валя очень долго не имел нормального жилья. После студенческого общежития на Стромынке, где он только не проживал! Вот несколько его московских адресов из моих записных книжек:

Стромынка, 32, комн. 588, затем 365;
Химки, Пионерская, 7-а;
2-й Зачатьевский пер., д. 2, корп. 7, кв. 13;
пр. Вернадского, 22, кв. 42;
ул. Ново-Черемушкинская, 48, корп. 2, кв. 14.

Наконец, Валиной рукой в моей записной книжке вписан его последний адрес (очевидно, это было сделано при встрече в Калуге): Берестов В.Д. Москва, В-485, ул. Волгина, 19, кв. 32. Число 32 мною зачеркнуто и вписано новое – 96.

Почти по всем, указанным выше пяти адресам я у Вали бывал и видел все неудобства этих временных пристанищ для творческой работы. Больше всего мне запомнилось Валино жилище в бывшем Зачатьевском женском монастыре, запомнилось длинным, мрачным, неприветливым коридором, уставленным

Валя с дочерью Мариной в Зачмо.

газовыми плитами, детскими колясками, велосипедами, разным хламом, другими вещами – приметами коммуналок. Этим коридором, опасливо озираясь, мы с супругой пробирались к комнате, в которой жили Валя, Лариса и их маленькая дочка Маринка.

Свое жилье в Зачатьевском монастыре Валя называл Зачмо. В Зачмо Берестовы прожили пять лет с 1957 по 1962 год.

Но Валя жил по этим адресам, Валя там творил, принимал там своих многочисленных друзей, и все эти адреса следовало бы увековечить мемориальными досками – он того достоин.

Вале было необходимо не только нормальное жилье, был необходим и нормальный быт. Последнее лучше всего могла обеспечить его мама. И Валя, и его родители всерьез вынашивали идею их переезда в Москву, конечно, если Валя получит большую квартиру. В 1961 году Зинаида Федоровна вышла на пенсию, и вопрос о переезде встал еще более остро. Весной 1961 года я находился в Москве в составе парадной группы нашего полка. Апрельским днем я вырвался на денёк в Калугу, чтобы повидаться с мамой и другими близкими, конечно, навестил и родителей Вали, о чём уже упоминал выше. Они были очень обрадованы встречей со мной. Вот во время неё Зинаида Федоровна и Дмитрий Матвеевич и поделилась со мной своим желанием перебраться в Москву, чтобы с Валею жить одной семьей, и мы долго обсуждали эту тему. И так, была нужна большая квартира, и её получение стало для Вали заветной мечтой. Но в 1964 году умер Дмитрий Матвеевич, квартирный вопрос оставался нерешенным, и идея переезда затухла сама собой.

И всё же наступил тот день, когда заветная мечта Вали осуществилась – он смог, в конце концов, купить квартиру на ул. Волгина вблизи от Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, и не какую-нибудь, а трехкомнатную. В фильме «Быть взрослым очень просто... Валентин Берестов» Лев Токмаков рассказывает, как Валя получил квартиру: *«В местные районные власти Валя приносил письма с ходатайствами о выделении ему квартиры и от секретариата Союза Писателей, и от других инстанций, подписанные Михалковым и другими известными лицами, а ему отвечали, что если он такой, как в них написано, то у него уже была бы «вертушка» (телефон правительственной связи. ВИП) и отказывали. Тогда Валя написал заявление в стихах и получил квартиру».*

Кстати, проезжая на улицу Волгина мимо этого, ничем не привлекательного в архитектурном отношении здания, я всегда вспоминал слышанный от Вали каламбурный стишок:

*Был бы ум бы
У Лумумбы,
Нам бы Чомбе
Нипочём бы.*

Имя борца за освобождение Африки Лумумбы и его идеологического противника Чомбе знали тогда все.

Но о Валиной квартире. Когда я приехал в Москву, и Валя с вокзала привез меня к себе, оказалось, что квартира у него двухкомнатная. Я был в недоумении. Две комнаты для Москвы, конечно, хорошо, но Валя и Таня – творческие люди, им необходимы места для работы, а работать негде, поскольку почти всю квартиру занимают Валин архив, рукописи, книги, Танины художественные принадлежности. Одна из комнат превращена в художественную мастерскую, в ней работала Таня, посередине комнаты стоял станок для печатания офортов, мольберт, холсты, в общем, её царство. В другой комнате – рабочее место Вали. Тут его стол с пишущей машинкой, горы бумаг, книг, журналов. В обеих комнатах теснота, беспорядок и никаких признаков уюта. «Как тебе тут работается?» – интересуюсь я, в ответ Валя только пожимает плечами. Позже он признался мне, что поменялся квартирами с Таниной дочерью Галей: ей он отдал свою трехкомнатную в этом же доме на восьмом этаже, а себе взял её двухкомнатную на первом. Увидев недоумение на моем лице, пояснил, как бы оправдываясь, что Галя и её муж – художники, и им нужна дополнительная площадь под мастерскую (им нужна, а Вале – писателю и Тане – художнику – нет). Уверен, что этот обмен не обошёлся без воздействия Тани.

Что обмен квартирами был произведен под влиянием Тани, был уверен и Дима. В письме от 13.11.99 он писал: «Таня ... спу-

стила Валью из прекрасной 3-х комнатной квартиры в двухкомнатную на 1 этаже, а Галю с Андреем (дочь Тани и её муж. ВИП) на 8 этаж». (В скобках замечу, что зарегистрированными Валя и Таня оставались в прежней, трехкомнатной квартире).

О переезде Вали и Тани на первый этаж (это событие случилось в 1981 г.) поэтесса и переводчица Марина Бородницкая, близко их знавшая, в воспоминаниях «Дядя Валя» пишет: «... Татьяна Ивановна радуется, что они скоро переедут на первый этаж (в их квартире поселятся «ребята», ее дочка Галя с мужем): – Наконец-то можно будет на дерево смотреть нормально, снизу вверх! И все мы радуемся за неё»

Почти то же самое повторяет подруга Бородницкой Наталья Тумашкова в воспоминаниях «Национальное меньшинство»: «Валентин Дмитриевич страшно радовался переезду и говорил: «Смотреть на деревья сверху про-ти-во-ес-тес-твен-но!»

Чему тут радоваться, не понимаю. Возможно, смотреть на деревья сверху не совсем нормально, но зато какой обзор окружающей местности, и света наверху больше, да и уличный шум менее слышан. Радость Татьяны от переезда с верхотуры на первый этаж, ею же и спровоцированный, понятна. А Валя, думаю, лукавит. Квартиры на первом этаже всегда считались менее удобными и менее престижными, что Валя не мог не понимать. К тому же, потеряв одну комнату, он обрекал себя на тесноту. Теперь Валя не смотрел на деревья сверху, он смотрел на них из окна первого этажа, теперь деревья заслоняли свет и оттого в квартире было сумрачно, неприветливо и сыро, что при первом же посещении его квартиры я сразу же заметил.

Тогда-то я и исправил в своей записной книжке число 32 на 96. Квартира № 96 по ул. Волгина стала последним пристанищем Вали в этой жизни.

В очерке о встречах с Маршаком Валя вспоминает, какими словами он наставлял его во время одной из встреч: «Получше

заботьтесь о своем здоровье! Человек – могучее существо! Копите силы для дальнего пути! Для великих замыслов!»

Валя в те годы был худ и хил, и Маршак знал, что говорил: «Получше заботьтесь о своем здоровье!» Чтобы реализовать «великие замыслы», а их – замыслов – было у Вали великое множество, здоровье, конечно, было необходимо. И жаль, что Валя не внял наставлениям Маршака. Своё здоровье, крепостью которого Валя изначально не отличался (а ведь имя Валентин с латинского – сильный, здоровый), он совсем не берёт, и многие вынашиваемые им замыслы – великие и не очень – остались не реализованными.

Здоровье у Вали было давно подорвано. Военное лихолетье, нищенские студенческие годы, длительные и изнурительные экспедиции, неустроенный быт, и, наконец, неудачная первая женитьба – быстро дали о себе знать. Всегда худой (и даже тощий), Валя рано начал полнеть – удел многих сердечников. И можно было только удивляться, как с больным сердцем он мог быть таким непоседливым. Всё закончилось инфарктом. Оправившись после него, Валя не изменил свой образ жизни и по-прежнему оставался неисправимым непоседой.

При наших встречах, а также когда я видел Валу по телевидению, а его стали довольно часто показывать («В нашу гавань заходили корабли», «Вокруг смеха», «Белый попугай»), я замечал его полноту, одутловатость. Проблемы со здоровьем оставались, но сам Валя о них ничего не говорил – он не любил жаловаться, плакаться. И о его проблемах со здоровьем я стал узнавать от своей мамы.

В феврале 1976 года я лежал в центральном госпитале РВСН в Одинцове с острым инфекционным миокардитом и хотел дать знать о себе Вале, но он жил уже в новой квартире по улице Волгина, и я не знал, как с ним связаться. Написал об этом маме в Калугу, в ответ она написала: «... Вчера я ходила к Лиде Берестовой

узнать телефон Вали. Но, оказывается, у Вали на новой квартире еще нет телефона. Лида мне рассказала, что Валя очень плохо себя чувствует. Перед тем, как идти на улицу, пьет нитроглицерин, а иначе задыхается. Выглядит плохо. Постарел очень».

Телефон у Вали всё же появился. История о том, как он его добивался, описана его другом писателем и журналистом Георгием Елиным (из группы молодых литераторов, которых с Валией познакомил Чернов) в статье «Берестову 85»:

«Приобретя в середине 70-х квартиру в Беляеве, Валентин Дмитриевич долго пытался получить телефон. Тщетно обивал чиновничьи пороги, запасаясь казёнными бумагами от Союза писателей, Литфонда, «Детгиза» и даже Дома дружбы с народами зарубежных стран, где изобретательно подчеркивалась необходимость регулярно созваниваться с Морисом Каремом и Джанни Родари. Чиновники почтительно листали ходатайства и в упрощённой для писателя форме объясняли, что при телефонизации всего дома требуется подвести дорогой сорокажильный кабель, а ради одного номера, даже если по нему будет звонить сам синьор Чиполлино, столь сложные работы не делаются. В итоге Берестов дошел до Главного Телефонщика Москвы и тот, всей душой войдя в положение, опять же рассказал про кабель, но заверил, что как только его, сорокажильного, протянут – писателя подключат первым. Наложил резолюцию и послал регистрироваться. Рядовая регистраторша в окошечке, взяв у просителя бумагу, осведомилась, не родственник ли он поэту Берестову, на стихах которого её дети выросли. А услышав, что это он собственной персоной, изумилась: «Какая вам очередь! – купите телефонный аппарат и завтра будьте дома». Как честный человек, Валентин Дмитриевич предупредил, что к нему не проложен очень нужный провод, но тётяшка в окошке отмахнулась: слушайте их больше! На другой день Берестов уже звонил всем знакомым: «Записывайте наш номер!..»

Когда меня выписали из госпиталя, за мной приехала сестра Эла и сопровождала меня, еще не окрепшего от болезни, в Калугу, где я несколько дней набирался сил среди родных и близких.

Приехал в Калугу и Валя. Он подарил мне несколько своих книг со стихами, написав на одной из них: *«Дорогому Вадиму, самому первому моему другу. Пожалуйста, не болей. Твой Валя. 2.III.76»*.

Прочитав эти слова, я с упреком сказал Вале: «Меня просят не болеть, а сам совсем не бережешься, и твоя Таня тебя не бережет. Посмотри на себя в зеркало, на кого ты похож. Вот дам тебе и Тане нагоняй». И что же? Валя стал заверять меня, что чувствует он себя вполне сносно. И что Таня о нём заботится. Ой, ли? Было ли ей до того, занятой своим творчеством? Она ведь тоже была из породы чудаков, не от мира сего, и ничего не видела вокруг себя. Валя меня не убедил. Можно ли было ему верить? А о том, как мучили Валю приступы стенокардии во время нашей прогулки по Оке в 1983 году, я уже упоминал.

Но Валя – непоседа, продолжал мотаться по заграницам, вел активный образ жизни, и много работал. Всё это не могло не кончиться плохо: Валя снова «заработал» инфаркт.

В один из моих приездов в Москву (кажется, это было в конце лета 1986 года) Валя рассказал мне, как это случилось, как тяжело и долго он болел, находился, чуть ли не при смерти. Он долго лежал в больнице, но и там оставался оптимистом и не терял чувства юмора, о чем свидетельствуют его стихи «В больнице». Мне особенно понравились «Надпись на своей кардиограмме»:

*Сердце подлое, о чем
Толковало ты с врачом?*

И еще «Поздравление медикам»:

*Поздравляем бесконечно
И желаем долгих лет.
Самый искренний сердечный
И сосудистый привет!*

Потом, когда Валя уже долечивался дома, приходящие медики, считая, что у него «денег куры не клюют», требовали «дать на лапу», а после их ухода Валя обнаруживал, что в стоящих в прихожей стеллажах с книгами, не доставало самых лучших и редких изданий. Рассказывал об этом горестно и как-то потерянно. Раньше таким растерянным и безысходным я Валю никогда не видел.

Валя умер после поездки в Нью-Йорк к дочери Марине и внукам Раулю-Антонио и Марине-Эсперанса, с ними он отмечал свое семидесятилетие. Там же выступил перед студентами славянской кафедры Колумбийского университета с лекцией о любимом им Пушкине. Это был не первый и, можно сказать, уже привычный для него полет через океан, но, к великому сожалению он оказался последним.

Марина рассказывала, что в Нью-Йорке Валя чувствовал себя прекрасно, был весел и бодр. Он так радовался, что сбежал из Москвы от предстоящего юбилея и так боялся возвращения обратно. Перед возвращением в Москву Марина предложила отцу пожить у неё несколько месяцев, дописать воспоминания, и он с радостью согласился, хотел по прибытию в Москву сразу же продлить визу и лететь к Марине обратно. Марина убеждена, что не надо было ей отпускать папу назад в Москву. Вернувшись в Москву, Валя столкнулся с какими-то неприятностями, очень его взволновавшими, после чего и наступил кризис с летальным исходом. А взволновали Валю после его возвращения из Америки какие-то неурядицы, связанные с изданием его двухтомника. Не помню, кто мне об этом рассказывал (возможно, Дмитрий), но так, по-видимому, и было.

Тот факт, что Валя по возвращении из Америки был в нездоровом состоянии, подтвердила библиограф РГДБ Семенова Вера Геннадьевна, она мне писала: «Он (Валя, – В.И.П) часто бывал в библиотеке, чтобы с ней (Кузьменковой. – В.И.П) пооб-

щаться. И после последней поездки к Марине приходил. Я его встретила и поразила его чрезвычайно усталому виду».

А вот выдержка из воспоминаний о Вале его брата Димы «Я пал в сражение, я убит...» («Детская литература» №

1-2/2001): «За несколько дней до смерти мы говорили с ним по телефону... В его голосе я уловил плохо скрытое волнение и грусть: «Дима, вы еще много раз будете на моих вечерах...». Он был чем-то расстроен. В больнице, преодолевая боль, сказал: «Теперь ни один экстрасенс мне не поможет».

Гражданская панихида проводилась в Политехническом музее. Из нашего калужского детства на панихиде присутствовали Лариса Соколова и Соня Жижина. А я о смерти Вали узнал значительно позже, и это исключило возможность поехать на похороны. Похоронен Валя на 299 участке Хованского (Северного) кладбища вместе с женой Татьяной.

Как и многие другие русские поэты, Валя был поэтом по состоянию души.

Перебираю его книги. Вот «Отплытие» – его первая книга, изданная в 1957 г., следующая «Жар-птица» – это уже 1958 год. С этих пор Валя стал регулярно печататься. Эти обе книги попали ко мне не из его рук. Зато все последующие, подаренные мне Валею, имеют его дарственные надписи. Исключение – двухтомник, вышедший уже после его смерти, он был подарен мне его братом Димой.

Мне очень дорога невзрачная на вид книжка стихов «Идя из школы» (1983 г.), дорога автографом: «Герою этой книги Вадиму Прохоркину с неизменной, почти полувековой дружбой и любовью. В. Берестов. 2.VIII.84». В книжке все стихи обо мне Валя пометил красной пастой, а против стихотворения «Великан» написал: «Лёсик», я же добавил: «Чудов».

Я люблю Валины стихи. Они не вычурные, не заумные, они доходчивы и понятны. То, о чём в них говорится, мне известно, будит воспоминания. Валины стихи любит и вся моя родня. Мы ревниво следили за Валиным творчеством, ждали его стихов, с восторгом встречали каждую его новую книгу. На Валиных стихах выросли наши дети и внуки.

Валины стихи легко читаются, в них чёткая рифма. А главное их достоинство – доступность.

Мое восприятие Валиных стихов, очевидно, иное, чем у других читателей, которые не были знакомы с ним лично, не были знакомы с его семьей, не жили с ним на одной улице, не играли в одни игры, не читали одних и тех же книг, не мечтали вместе:

*О, как с тобой мечтали мы когда-то!
Их было столько, замыслов и грез...*

Многое, о ком или о чём писал Валя, было мне знакомо и узнаваемо, поскольку он писал не только о своем детстве, он писал о нашем детстве: стихотворение «Великан» – это о Лёсике Чудове, «Девочка с мячом» – о девочке с нашего двора Соне Гусаровой, «Дом с мезонином» – о доме купца Капырина на нашей улице, «Подростки» – о «войне» мальчишек улица на улице.

Или возьмем песенку детей из рассказа «Как найти дорожку к дедушке в сторожку»:

*Белка, Белка, расскажи,
Белка, Белка, покажи,
Как найти дорожку
К дедушке в сторожку?*

Для обычного читателя – это какая-то абстрактная сторожка, в которой живет дедушка-лесник. А для меня это сторожка – из нашего детства, она и теперь стоит в калужском бору. Когда-то поблизости от неё, в тени высоких сосен, были врыты столы и скамейки для горожан, приходивших в бор на отдых, а в сторожке можно было взять напрокат самовар. Вот эта сторожка, возле которой мы не раз с Валею бывали, и стала прототипом сторожки, которую искали дети в Валиной сказке.

Детские стихи Вали вообще великолепны.

*Петушки распетушились,
Но подражаться не решились,
Если очень петушиться,
Можно перышек лишиться.
Если перышек лишиться,
Нечем будет петушиться.*

Разве не здорово! Детям очень нравятся петушки, которые распетушились.

В Валиных стихах мы не выискивали ни подражаний, ни заимствований. Это дело критиков и мэтров от поэзии.

Я так и не понял, почему Валя так ужаснулся вопроса Пастернака, есть ли в его стихотворении «Срочный разговор» любимейшее слово Пушкина «бледный» (об этом Валя пишет в своих воспоминаниях о Б. Л. Пастернаке). Неужели на этот эпитет наложено табу? Да таких «любимейших» слов у Пушкина не перечесать, и что? Теперь поэты не могут этими словами пользоваться, чтобы не получить обвинение в заимствовании? Я уверен, что Валя эпитет «бледный» не заимствовал у Пушкина, и совсем зря он так трепетно последовал совету Пастернака, поменяв его на «синий». Бледный – это слабоокрашенный, и, уверен, таким слабоокрашенным Валя и видел лунный свет на стенах древней крепости. Пастернак же своим вопросом и советом принудил Валу видеть лунный свет синим, то есть, заставил лгать.

Еще в 14 лет Валя писал «О подражании»:

*В моих стихах находят подражанье
Творениям поэтов дней иных.
Да, для меня их стройное звучанье
Дороже детских опытов моих.*

Тогда, в 14 лет Валя был начинающим поэтом и, возможно, не избежал подражаний, заимствований (ведь учитель Вали К. И. Чуковский ценил отроческую переимчивость), но не он ли закончил это стихотворение вещими словами:

*...Так и поэт.
Он подражает много,
Но если он решил и тверд душой,
Ему своя откроется дорога:
Иди по ней и стань самим собой.*

И Валя стал самим собой, даже если вы найдете в его стихах чье-нибудь «любимейшее» слово.

В моих старых записных книжках я нашел несколько Валиных стихов 40-х и 50-х годов. Помнится, что я переписывал их у родителей Вали, которые скрупулезно собирали всё сочинённое их сыном. Анатолий Дмитриевич рассказывал, что вырезки Валиных стихов из периодики собирал Дмитрий Матвеевич. Он вклеивал стихи в специальный альбом, из которого я, наверное, их и переписывал.

Стихи «Отец мой! Ты не шлешь известий», «Поэзия или археология?», «Без человека техника мертва» и другие записаны мною в их первоначальном виде, а в двухтомнике они даны в новой, переработанной редакции. А некоторых стихов из моих записных книжек ни в двухтомнике, ни в других ранее изданных Валиных книгах я не нахожу. Это два стихотворения из «Калейдоскопа» («Рот посинел и смотрит прямо в небо» и «Покинув край, войною разорённый»), «Недвижимы деревья бульвара», «Гонителям Робсона» и три стихотворения под общим названием «Гимн метро».

Ниже привожу их тексты.

1. *В путь снаряжая сына своего,
Как горестно седая мать рыдает!
Но в смертный бой за Родину
Дрожащею рукой благословляет.
Как детям тяжело любимого отца
Утратить навсегда в начале жизни,
Но и они напутствуют бойца:
Иди отец, и верен будь отчизне!
И он идет, покинув милый дом,
Решимостью исполнен величавой.
Иль умереть лицом к лицу с врагом,
Иль сокрушив его, придти со славой.*

Это стихотворение с некоторыми изменениями (и не полностью) упоминается Валею в его воспоминаниях о Чуковском «Совсем недавно был Корней Иванович».

2. *О, эта пошлость! В годы изобилья,
Когда весною жизнь озарена,
Прекрасное скрывая серой пылью,
Весь праздник жизни портит нам она.*
- Когда ж беда нависнет грозной тучей,
Она опять возникнет на пути.
И, ставши грязью, липкой и вонючей
Мешает нам бороться и идти.*
3. **Калейдоскоп** (тыловые картинки)
- Рот посинел и смотрит прямо в небо.
Недвижные зрачки потухших глаз,
Зажат в руке иссохший ломтик хлеба-
Он есть уже не мог в последний час.
Покинув край войною разоренный,
Он пал вдали от милой стороны.
Не пулю, так голодом сраженный-
Одна из жертв безжалостной войны.*

Эти три стихотворения входили в цикл «Стихи о войне» и помечены мною 1942-м годом.

*Недвижимы деревья бульвара.
Кто-то звезды над ними зажег.
Чуть белеет на дне тротуара
Сладковатый декабрьский снежок.
Погляди, как плывет полнолуние,
Голубое – над миром огней.
О, пойми же, ведь мы накануне
Мудрых, ясных, ликующих дней.
Сколько силы в душе человека!
Сколько счастья в полете ума!
Красотою двадцатого века
Нам в лицо задышала весна.*

Декабрь 1945 г.

Гонителям Робсона

*Дорогу в мир вы Робсону закрыли.
Вы захотели рот зажать певцу.
Но встретитесь вы снова как в Пексиле
С Америкой его лицом к лицу.
Не будет Робсон жертвой вашей злобы,
И в вашу дверь стучится новый век
Недаром там, в пустыне небоскребов,
Поет о братстве черный человек.
Он родину найдет в стране своей,
В Америке. Теперь я вижу в ней
Не бронзовую мертвую свободу,
А Робсона, поющего народу.*

Гимн метро

- I. В век электричества – это не чудо
– Мчат под землю во все концы:
Но для кого, зачем и откуда
Станции эти, эти дворцы?
Не тихим парадом музейных витрин,
Не пышностью памятников старины.
К народу в движенье людей и машин
Выходит искусство моей страны.
Запомнить навек эти люстры, пилоны,
Скульптуру и камня зеркальную гладь.
И знать, что ты молодой и влюбленный,
И только – прекрасное можешь создать.
- II. Вечно куда-то торопишься, занят
(Нельзя же часами глядеть в подземелье!)
Скользнешь по сияющим стенам глазами
И вот уже мчишься в гремящем туннеле.
- Но в новогоднее утро раннее
Вся Москва на подземном гулянье.
Можете, граждане,
Видеть воочию
Открыта для каждого
Новая очередь!
С морозных улиц мы
Толпою живою
Пришли, любуемся
Подземною Москвою.
Ходим и рады –
Метро – что надо!
Вверху колоннады,
Внизу колоннады!
Свет дневной,
Цвет любой,

Розовый и голубой!

*Легкий путь из Замоскворечья нам
Во все районы, считай, обеспеченным.*

- III. А помнишь, как плакали дети и матери,
В метро на полу ожидали рассвета.
Казалось, поднимешься на эскалаторе –
Скорей домой! – Разрушен... нету!
Здесь выступил Сталин. Потом, проходя
Ласкал он детей и вступал он в беседы.
И видели люди в улыбке вождя,
В спокойной улыбке предвестье победы.
Он – главный строитель! На улицу выйдем –
В морозом пылающий день новогодний.
Он с нами! И все мы по-новому видим,
Прекрасное завтра в прекрасном сегодня.
Пора на работу! И каждый идет
К себе в институт, к себе на завод.
А где-то шахтеры, бетонщики, зодчие
Готовят в подарок нам новую очередь.

Возможно, эти стихи печатались в каких-то газетах или журналах. А в двухтомник Валя не поместил их, по всей видимости, ввиду несовершенства одних, неактуальности и конъюнктурности других. Но стихи интересны хотя бы тем, что, сравнивая их с теми стихами, которые Валя напишет позже, можно проследить, как он рос творчески, как от отроческих опытов пришел к зрелому, характерному только для него, мастерству.

Почему не включен в двухтомник «Гимн метро», понятно. В нем есть такие строки:

*Здесь выступил Сталин. Потом проходя,
Ласкал он детей и вступал он в беседы.
И видели люди в улыбке вождя,
В спокойной улыбке предвестье победы.*

Дело прошлое. Вообще-то в те годы мы верили в «вождя всех народов» и приписывали ему такие качества и поступки, которых у него, как говорят, и близко не было. Был ли Валя искренен, когда сочинял это стихотворение, или покривил душою из-за конъюнктурных соображений, ответ надо искать в его «Покаянии», написанном в 1991 году.

*И Мудрый, Родной и Любимый
Входил в наши песни и сны.
И пели мы, как херувимы,
На празднестве сатаны.*

Не мог Валя любить Сталина, хотя бы даже из-за тех унижений и страданий, которые от сталинщины пережил его отец.

Не нахожу я опубликованным и стихотворение, написанное Валею в альбом Рины Зелёной. В книге «Разрозненные страницы» Рина Васильевна пишет: «Однажды в моем альбоме появились такие строки:

*Я помню эту елку,
Где самый первый раз
Я видел Вашу челку
И робко слушал Вас.
И понял я – на свете
Вы больше всех нужны:
Замечательные дети,
Настоящие ребёнки –
И мальчишки и девчонки
В Вас одной заключены.*

В. Берестов

Видимо, эти строки пришлись по душе Рине Васильевне, если она поместила их в свою книгу. А Валя почему-то их не опубликовал.

Вот что я могу сказать о Валиных стихах как рядовой читатель, не искушенный во всех тонкостях поэтической кухни.

Что же касается Валиной прозы, то его мемуары «Светлые силы», которые, к сожалению, остались не законченными, мне близки, понятны и интересны. То же самое могу сказать про повести об археологах «Государыня пустыня» и о рассказах и очерках об археологии «Фата-Моргана». К такому их восприятию я был изначально подготовлен Валиными рассказами о его замыслах и планах.

Когда же Валя поделился со мной своими замыслами писать о Пушкине, я был ошеломлён и удивлён одновременно: ишь, на что замахнулся! И, конечно, был очень заинтригован. Я знал, что еще с детских лет, когда мы с ним от корки до корки прочитали тот заветный пушкинский том, подаренный мне в 1937 году кухней Таней, Валя был влюблён в Пушкина. Потом, повзрослев, прочитал всё, что было написано Пушкиным, и всё (или почти всё), что было написано о нём. Но одно дело – любить Пушкина, интересоваться им, другое дело – писать о нём, ведь писать можно о чём-то новом, не открытым другими. Такими были мои рассуждения. Я еще не знал, что Валя, много и скрупулезно занимаясь Пушкиным, уже увидел то новое, что еще не увидели, не исследовали и не опубликовали другие. Валя кропотливо трудился. Он рассказывал мне о поездках в Ленинград в Пушкинский дом и работах над пушкинскими рукописями. Если Валу допустили до рукописей великого поэта, то это серьезно, размышлял я.

Очередная встреча с Валею в Москве в 1980 или 1981 году. Интересуюсь, как с Пушкиным. И узнаю, что начало уже сделано: в «Литературной России» (№ 22 от 30.05.80 г.), под рубрикой «Гипотезы, догадки, предположения», опубликована статья Вали «От ямщика до первого поэта» (о том, что такое «лестница чувств» и о двух вновь обретенных стихотворениях Пушкина). Читаю статью и не могу скрыть восхищения. Ай, да молодец Валя! Неужели появился новый пушкинист (потом в некрологе на смерть Вали «Вечёрка» назовет его «блестящим пушкинистом»).

Прошу Валю подарить мне экземпляр еженедельника, но оказывается, это последний авторский экземпляр – всё уже роздано. Валя в нерешительности, но видимо, сжалившись надо мной, отдает мне газету. Теперь она хранится у меня.

Интересная деталь. На этом экземпляре газеты в название статьи «От ямщика до первого поэта» рукою Вали вписано несколько слов, отчего заголовок звучал так: «От В. Берестова – ямщика до первого в будущем поэта А. Чернова».

От Вали я знал о его дружбе с поэтом Андреем Черновым (кто-то назвал его Валиным учеником), но знаком с ним не был. Очевидно, Чернов хороший поэт, если Валя прочил ему такое будущее.

Как я могу заключить, и А. Чернов питал к Вале добрые чувства и ценил его талант, о чём свидетельствует его статья «Смеется тот, кто смеется за 70», опубликованная в канун Валиного семидесятилетия в «Новой газете». Кстати, в этом же номере еженедельника (№ 12, 30 марта – 5 апреля 1998 г.) сообщается о присуждении Вале учрежденной газетой литературной премии имени А. Д. Синявского «За достойное творческое поведение в литературе».

Валя продолжал работать и дальше над пушкинской темой, о чём рассказывал мне при наших встречах. Пушкиниана его ув-

лекла, она стала ему по силам. Появились новые статьи, и жаль, что не все они у меня имеются. В 1988 г. Валя сообщил мне (я звонил ему, чтобы поздравить его с 60-летием), что очередные статьи будут напечатаны в журнале «Огонёк» и еженедельнике «Неделя». «Неделю» я получал по подписке, и в № 22 от 30 мая – 5 июня прочитал статью «Тени в волшебном фонаре». «Огонёк» № 23 нахожу в газетном киоске, в нём статья «Невольная исповедь Пушкина».

И вот, наконец, Валин двухтомник. Его завершают две (как Валя пишет в предисловии, дорогие ему) работы о Пушкине.

Работы Вали о Пушкине я нахожу толковыми, умными и, конечно, интересными.

Итак, новый пушкинист состоялся. Повторю за «Вечеркой»: «блестящий пушкинист».

Не теряю надежды, что не далеко то время, когда будет издано полное собрание сочинений Валентина Берестова, в которое войдет всё, что он успел написать, в том числе дневники и письма.

В воспоминаниях «Весёлый барабанщик» о Булате Окуджаве (не могу не упомянуть о том, что в 1950-х годах Окуджава некоторое время работал преподавателем русского языка и литературы в школе, в которой учился Валя и в 5-й средней школе, в которой учился я) Валя пишет, что перед отъездом Окуджавы в Париж (где он и умер) его навестили Валины друзья Андрей Чернов и Олег Хлебников, и в разговоре о Вале Окуджава сказал: «Среди нас, шестидесятников, Валя выделялся одним большим недостатком. Мы были ершистые, а его все любили». Помолчав, добавил: «А теперь я думаю, недостаток ли это?»

Действительно, разве это недостаток, что Валю все любили. Его нельзя было не любить. Любила его и вся моя родня. Моя мама называла Валю милым. Он и был милым. Для моей родни Валя был как член семьи, его и любили как своего.

О некоторых чертах Валиного характера я уже упоминал выше, так что, возможно, повторюсь.

Валя был непривередлив и неприхотлив ни в одежде, ни в еде; его мало волновали бытовые условия, уют. Везде, где он жил, царил художественный беспорядок. Мои знакомые, которых мне случалось приводить к Вале, увидев беспорядок, хаос, пыль и паутину в его жилищах, удивленно спрашивали меня: «А живет ли тут женщина?», на что я уклончиво отвечал, что здесь живут творческие люди.

Что касается неприхотливости, то к ней Валю приучили военные годы, интернетовская и студенческая жизнь, длительные археологические экспедиции.

Я уже упоминал о том, что из-за странностей в поведении Валю считали чудаком, человеком не от мира сего, таким считал себя и сам Валя, помните: «Идет человек не от мира сего...» Таким Валя был в детстве, таким остался, когда стал взрослым. Валя не умел устроить свой быт, поэтому я и был убежден, и это убеждение, повторюсь, разделяла и его мама Зинаида Фёдоровна, что рядом с ним должен был находиться ангел-хранитель, который все заботы о Валином быте, о нормальном здоровом питании, об опрятности его одежды взял бы на себя, оставив ему заниматься только творчеством.

Конечно, можно было нанять домработницу, но Валя не был еще настолько хорошо материально обеспечен, чтобы позволить себе такую роскошь. И всё же домработница у Вали появилась, и мне довелось с ней познакомиться.

В 1984 или 1985 году я со своей свояченицей Клавой был в Москве проездом из Калуги в Таганрог, и мы несколько дней жили у Вали на улице Волгина. Вот тогда-то я и узнал, что Валя завел домработницу. Правда, с её появлением в двух жилых комнатах мало что изменилось – в святое святых домработницу Валя предпочитал не допускать, она царствовала на кухне. Целыми

днями Валя где-то пропадал по своим делам и даже не всегда ночевал дома (кажется, он ездил в Переделкино), и мы с Клавой свободное от беготни по городу время проводили в беседах с этой женщиной. Не знаю, была ли она коренной москвичкой, но городского в ней виделось мало, наверное, она перебралась в Москву из деревни. В ней просматривались и крестьянская мудрость, и крестьянская основательность, и крестьянская хитрость, и крестьянская спесь. Москвичей она считала бездельниками, недотёпами и неумехами. А поскольку им (москвичам) требовались услуги таких, как она, женщин, умеющих вести домашнее хозяйство, она чувствовала над ними свое превосходство, и была уверена, что в столице она не пропадет.

Беседовать с этой женщиной было интересно, и я захотел узнать её мнение о Вале. Конечно, и Валю она считала недотёпой, неумехой, ни к чему не приспособленным взрослым дитятей, а то, чем он занимался (литературным трудом) – баловством. По этой причине её отношение к Вале было снисходительно-покровительственным.

Но почему-то эта домработница долго у Вали не задержалась. В мой следующий приезд в 1986 году, когда я несколько дней жил у него с женой Светланой, её уже не было.

Упоминал я и о мягкости Валиного характера, о его толерантности, об отсутствии каких-либо признаков агрессивности. Валя был очень деликатным человеком. Как говорил один из его близких друзей поэт Наум Коржавин, Валя вежливо мыслил. Снова обращаюсь к свидетельствам Ларисы Васильевны Соколовой. В разговоре со мной о Вале она приводила такие примеры Валиной деликатности. Так, при игре в шандер или лапту игрок, поймавший мяч, должен осалить, то есть ударить мячом, другого игрока. И если я и другие мальчишки, как правило, салили больно, то Валя бросал мяч так, что боли не причинял. И второй пример: купаться на Яченку с нами ино-

гда ходили и девчонки. Никаких надувных кругов или пузырей для плавания в те годы не было, и для этой цели девчонки приспособивали обыкновенную наволочку. Чтобы из наволочки получился пузырь, её сначала надо было намочить, а потом надуть, Мокрая наволочка воздуха не пропускала, получался пузырь, с ними девчонки и плавали. Мальчишки же, из озорства, подныривали под девчонок и дергали за наволочку, чтобы из неё вышел воздух. Всё кончалось визгом девчонок и смехом мальчишек. Так вот, такого озорства Валя никогда не допускал. Лариса Васильевна не могла не запомнить этих примеров Валиной деликатности, поскольку именно её мальчишки, прежде всего, старались и побольнее осалить, и вырвать наволочку из её рук, – так они выражали к нравившейся им москвичке своё «повышенное внимание».

Еще надо отметить, что Валя никогда не метал молний и грома, не выходил из себя и злым его, наверняка, никогда никто не видел, он никогда никого не осуждал и ни о ком не говорил плохо. Добрый дядя Валя, – говорили о нём. И правильно говорили – только таким и мог быть детский поэт. Но это не означало, что Валя был простаком, что все окружающее видел только в розовом цвете. В нашей жизни хватало негатива, и Валя, как и многие другие, был чем-то возмущён, к чему-то относился критически.

Повторюсь еще раз: Валя не любил жаловаться. И если уж жаловался, значит, его допекло. Так, однажды он мне пожаловался, что его обошли какой-то премией (или присвоением какого-то звания). Я мог только посочувствовать. Мне было известно, что Валя являлся лауреатом Государственной премии Российской Федерации за книгу «Улыбка», был награжден Почетным дипломом Международного совета по детской книге. И это почти всё, а он, вне сомнений, заслуживал большего внимания. «Вечёрка» написала в некрологе: «Не добрал премий и регалий». Не добрал – это не взял, а следовало бы написать:

обошли премиями и регалиями. Или еще точнее: несправедливо обошли премиями и регалиями. Не являлось ли такое отношение к творчеству Вали следствием интриг в Союзе писателей, членом которого он был с 1957 года? Не мне об этом судить, но такой вопрос напрашивается.

Наум Коржавин в некрологе в связи со смертью Вали написал: «Ему не было додано. Десятилетиями он оставался в тени. Теперь значение его будет высветляться». Что верно, то верно. Но почему у нас всегда так: значение, признание заслуг, признание таланта, – все после смерти.

Однако надо не забывать, в какое время мы жили, и если подумать, то можно найти и иные причины, по которым Валя в советское время мог быть обойден премиями и регалиями. Для этого надо вспомнить, что Валя поставил свою подпись под письмом 62 писателей, выступивших в защиту Синявского и Даниэля, а в 1966 году написал стихи «Вокруг А. Синявского и Ю. Даниэля:

*Поздно ночью КГБ
Не ко мне пришло. К тебе!
За тобой, а не за мной!
Слава партии родной!*

В те годы власти такую вольность не прощали.

Что же отличало Валу от других? Это наличие таких качеств, как обладание хорошей, цепкой памятью, наблюдательностью, зоркостью, способностью подмечать такое, чего не все замечают. Впечатления детства Валя хранил всю жизнь, о чём свидетельствуют его стихи: о детстве он писал и тогда, когда ему было за сорок, и когда было за пятьдесят.

*А думал я, с детством прощаясь,
Что нету возврата туда.
Теперь я легко возвращаюсь
В далекие эти года.*

*Иду к незабытому дому,
К друзьям незабытым бегу.
Но только в том мире любому
Судьбу предсказать не могу.*

У Вали было хорошо развито чувство юмора. Его юмор тонок и изящен. Недаром Валю приглашали на телевидение на такие передачи, как «Вокруг смеха» и в клуб «Белый попугай».

Был ли Валя подвержен тщеславию? В какой-то мере – да. Еще в 1949 году он задавался вопросом:

*Но скажут ли, что я недаром жил
И голос мой услышала страна?*

Но кто не ищет славы, признания? Для творческого человека признание его трудов не может быть безразличным, и осуждать творческого человека за тщеславие было бы некорректно.

Много можно написать, каким был Валя. По профессии он был археологом, он стал поэтом, прозаиком, пушкинистом – в этом было его призвание. Но кроме профессии археолога у Вали была еще одна профессия. После смерти Юрия Никулина «Аргументы и факты» написали, что по профессии Юрий Никулин был хороший человек. Вот и Валя был по профессии хороший человек. **ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК!**

Наталья Тумашкова в воспоминаниях «Байки» от Валентина Дмитриевича назвала его несколько иначе: «По национальности он... был поэт».

Вот какую характеристику в 1948 году Корней Иванович Чуковский дал Вале в письме к его отцу Дмитрию Матвеевичу:

«...Всякий – в первый же час знакомства с ним – чувствовал, что это необыкновенная личность. От него шла какая-то эманация благородства, ума и таланта. Чувства собственного достоинства он не терял никогда. О Вас вспоминал с благоговением. Его одухотворенность всегда поднимала нравственную t в том обществе, где он появлялся».*

Не могу не привести здесь и те слова, которыми охарактеризовала Валю поэтесса Новелла Матвеева: «Если бы меня спросили, кто – человек столетия, я бы сказала Валентин Берестов. Потому что именно таких людей двадцатому веку не хватало больше всего». Лучше о Вале не скажешь! Лучшей характеристики ему не дашь!

«Мне жалко тех, кто его не знал», – так написал о Вале Олег Хлебников, и это истинно так. Я знал Валю, был его другом, и тем счастлив.

Дуб среди незнакомых зданий.

В заключение о том дубе, о котором Валя упоминает в письме, присланном мне в связи со смертью моей жены Саши. Когда родилась Софья Анатольевна Жижина, её тётка, Софья Сергеевна Гусарова, в честь её рождения посадила в цветочный горшок жёлудь. Жёлудь дал всход, и медленно пошел в рост. Несколько лет маленький дубок жил на подоконнике среди комнатных

цветов, пока ему не стало там тесно. Тогда Софья Сергеевна пересадила дубок под окна своей квартиры, выпустила его на вольное житьё.

Мне было лет семь или восемь. Я хотел сделать лук и искал во дворе подходящую для этого палку. Мой взгляд упал на дубок. Будет очень хорошая палка для лука. Но мои попытки сломать дубок не удавались. Он был гибок и крепок, и как я ни гнул его в разные стороны, дубок не поддавался, устоял.

С тех пор прошло много лет, много утекло воды, многое изменилось на нашей Пролетарской улице. Уютная и тихая, она приглянулась богатому и всесильному Моторному заводу, который вознамерился построить в нашем квартале комплекс детских дошкольных учреждений. В конце 70-х годов по чётной стороне улицы начали сносить дома, и первым был снесён дом, в котором жили Берестовы. Такая же участь постигла и «дом с мезонином». Дошла очередь и до нашего дома № 82. Дом не хотел умирать и долго сопротивлялся насилию. Купцы строились основательно, и стоило большого труда, чтобы разрушить то, что было сделано прочно и надолго. Когда же, наконец, дом был обрушен, среди балок и досок был найден портрет купца Ченцова. Он как бы явился из прошлого, чтобы посмотреть на печальный конец своего семейного гнезда.

На месте снесённых домов детский комбинат, в конце концов, был построен, и наш квартал стал неузнаваем. Но двор нашего детства не исчез бесследно. Там, где он был, как памятник о нём, «среди незнакомых зданий» остался стоять могучий дуб, выросший из жёлудя в цветочном горшке.

Каждый раз, когда я приезжаю в Калугу, я иду на нашу Пролетарскую улицу, на улицу Валентина Берестова, полюбоваться на этого великана и попросить у него прощения за то, что когда-то я, по неразумению, покусился на его жизнь. Приходил сюда и Валя, чтобы посмотреть на наш дуб, пообщать-

ся с ним, получить вдохновение для новых стихов о нашем детстве.

Дуб стоит, и стоять ему сотни лет живым свидетелем наших детских игр и забав.

Вот и всё, что я смог написать о Вале и о том, что его окружало. Написал и о себе, ибо были мы, как я уже отмечал, не разлей вода. И не только о себе, но и о некоторых приметах того времени, на которое пришлось наше детство и юность: о лихолетье, репрессиях, голоде и лишениях, когда из еды – 150 граммов хлеба и щепотка соли, а из одежды – выцветшая футболка. Описав эти приметы, наверное, поступил правильно: будет легче представить, в каком котле мы варились, каким воздухом дышали, что влияло на наше становление.

Менялось время, менялись взгляды и убеждения. Теперешняя жизнь так сильно перемешала обычаи и нравы, что многие и вовсе потеряли жизненные и нравственные ориентиры – кому и во что верить, каким авторитетам поклоняться. И вот уже взято под сомнение философское понятие, что общественное бытие определяет сознание; а общество возвращается к тому, от чего ушло с такими огромными и невозполнимыми потерями – вопреки марксистско-ленинской теории исторического материализма о смене общественно-экономических формаций стало строить капитализм.

*Был лозунг такой: «Смена смене идет».
За сменой смена, вперед и вперед.
Мы думать не думали, что бизнесмену
Придется шагать коммунистам на смену.*

Менялись и мы с Валей. Если раньше:

*Мы пели, как горы сдвигают,
Меняют течение рек,
Как песни нам жить помогают,
Как вольно живет человек.*

то, когда всё перевернулось, на многое стали смотреть другими глазами, удивляясь тому, в каких шорах жили прежде.

Но какие бы зигзаги не делал наш жизненный путь, как бы ни менялось наше мировоззрение, мы не менялись в главном. Мы были и остались оптимистами, не потеряли веры в человеческий разум, в любовь и дружбу, в добро и справедливость, не потеряли убеждения в том, что красота спасёт мир: красота нравственная и душевная, красота человеческих отношений, красота природы, красота искусства.

И еще: описывая те или иные события, я писал «мы с Вале́й», не отделяя его от себя, а себя от него. В этом, наверное, и заключается понятие «не разлей вода».

Валя говорил, что детство не забывается, оно остается с нами. Детство – наша сердцевина. Поэтому я хочу закончить свои воспоминания Валиным стихотворением «Сердцевина»:

*Как-то в летний полдень на корчевье
Повстречал я племя пней лесных.
Автобиографии деревьев
Кольцами написаны на них.*

*Кольца, что росли из лета в лето
Сосчитал я все до одного:
Это – зрелость дерева, вот это –
Юность тонкоствольная его.*

*Ну, а детство где же? В середину,
В самое заветное кольцо,
Спряталось и стало сердцевинной
Тонкое смешное деревцо.*

*Ты – отец. Так пусть же детство сына
Не пройдет перед тобой, как сон.
Это детство станет сердцевинной
Человека будущих времен.*

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ДРУЗЕЙ

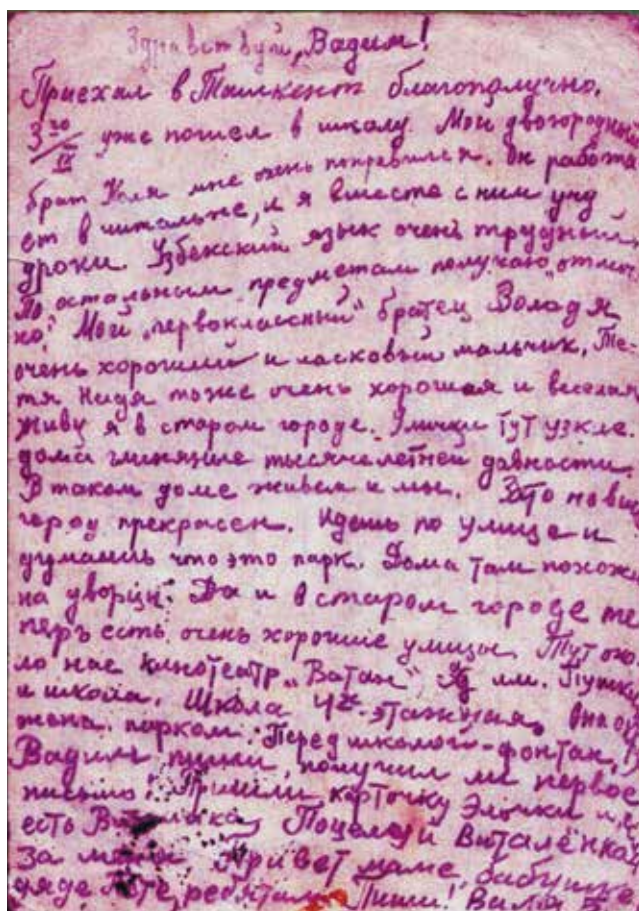
Ниже привожу тексты писем, полученных мною от Вали в 1941-1949 годах, к некоторым письмам даны пояснениями (*курсивом*). Подлинники 12 писем (№№ 2, 4, 5, 8, 10, 15, 21, 22, 26, 30, 31 и 33) находились у Анатолия Берестова, их компьютерные копии, а также подлинники остальных писем Марина Берестова передала на хранение в Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

1

*РСФСР, г.Калуга, Тульской области, улица Пролетарская, д.№ 82. кв.1, Вадиму Прохоркину Уз.ССР г.Ташкент, ул.Лабзак, проезд Уй-чи, Берестов Валентин
Почтовый штемпель: Ташкент, 15.9.41*

Здравствуй, Вадим!

Приехал в Ташкент благополучно. 3-го/IX уже пошел в школу. Мой двоюродный брат Коля мне очень понравился. Он работает в читальне, и я вместе с ним учу уроки. Узбекский язык очень трудный. По остальным предметам получаю «отлично». Мой «первоклассный» братец Володя очень хорший и ласковый мальчик. Тетя Надя тоже очень хорошая и веселая. Живу я в ста-

ром городе. Улички тут узкие, дома глиняные тысяча-летней давности. В таком доме живем и мы. Зато новый город прекрасен. Идешь по улице и думаешь, что это парк. Дома там похожи на дворцы. Да и в старом городе теперь есть очень хорошие улицы. Тут около нас кинотеатр «Ватан», сад им.Пушкина и школа. Школа 4-х этажная. Она окружена парком. Перед школой –

фонтан. Вадим, пиши, получил ли перове письмо. Пришли карточку Элочки и, если есть, Виталика. Поцелуй Виталёнка за меня. Привет маме, бабушке, дяде Пете, ребятам. Пиши. Валя Б.

Согласно календарному итемпелю, письмо прибыло в Калугу 25.09.41 г., т.е. менее, чем за две недели до нашего бегства от немцев, после чего Валя с его «Ташкентским адресом» превратился в связного «у семей, развеванных войной» (см. его стихотворение «Ташкентский адрес»). Первое письмо Вали, отправленное им с попутной станции, не сохранилось.

Тетя Надя – старшая сестра Зинаиды Федоровны, Коля и Володя – её сыновья, двоюродные братья Вали и Димы. О Коле Похиалайнен («Один из них в Ташкенте жил, // Другой приехал из

Калуги») см. стихотворение «Меценат сорок первого», а также в ч. I «Совсем недавно был Корней Иванович».

2

Внимание! Внимание! Говорит Ташкент! Слушайте новогоднюю передачу.

Здравствуй, Вадим! Последние известия.

Наши войска вступили в Калугу и заняли мою родину – Мецовск. Ура! Мама собирается по окончании войны туда (в Калугу) поехать. От папы писем нет. Учусь на отлично.

Поздравляю с Новым 1942 годом! Новогодние пожелания.

Тебе. Желаю на отличных и хороших отметках догнать и перегнать свой класс. Желаю возмужать, окрепнуть силой и умом, быть всегда здоровым и бодрым. Видя, что ты совершенствуешь свой почерк, желаю тебе успеха и в этом деле. Желаю прочитать побольше интересных книг.

Элочке. Желаю ей кукольного царства, конфетного государства, шоколадной республики и королевства бубликов.

Маленькому шемонаичнику Виталику. Желаю научиться ходить как конь, прыгать как заяц, писать пока как курица лапой, рисовать как мороз на окнах.

Тете Тамаре.

Сладко спать, романы читать, малышей не обижать.

Киселене (Кл. Сергеевне).

Жить поживать, добра наживать, иголки не терять

и Элочку за ними под стол не гонять.

Соням (тете и полутете). Всего, что самим хочется.

Всем. Получить письма от Ив. Конст. и дяди Лени.

Новогодний подарок.

Новый адрес Н.Н. Дьяконова Г. Красноярск п/о 14, Красмаш-завод, до востреб.

Внимание! Слушайте сводку погоды.

1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го января – погода замечательная. Температура +15. На крышах пробивается молодая травка.

Ночь с 7-го на 8-е – Выпал снег.

С 8-го по 11-е мороз. Солнца нет. Снега мало.

Прослушайте краткую информацию о проведении каникул!

1-го сидел дома, писал стихи. 2-го – с Колей бродил по городу. Здесь много замечательных домов с колоннами. Ташкент исходить нельзя; 3-го – то же, что и 1-го; 4 – бродил один. У Коли еще не кончилась учеба; 5, 6, 7, – однообразные дни, скучал, – 8-го ходил во дворец пионеров (по-узбекски Пионерсарай) на новогоднюю елку, 9, 10, 11 – заболел и сидел дома; 12-го иду в театр им. Муками на встречу с писателями. Я тебе уже писал, что посетил кино и видел «Гибель Орла», оперном театре – «Евгений Онегин», в школе «Белый вальс» и «Суворов» и Корнея Ивановича Чуковского, автора «Мойдодыра» и др. Я тебе послал 5 писем.

Вы прослушали (вернее прочитали) новогоднее письмо.

Остаюсь. Примите все семейные уверения в совершеннейшем к вам почтении.

В. Берестов

Дата письма не указана, но то, что оно было написано 11.01.42 г. видно из его содержания («9, 10, 11 – заболел и сидел дома, 12-го иду в театр»).

Наши войска вступили в Калугу и заняли мою родину – Мещовск. Калуга была освобождена от немцев 30 декабря 1941 г., Мещовск был захвачен немцами 7 октября, а освобожден нашими войсками 6 января 1942 г. Новость об освобождении Калуги в нашу семью принесла знакомая калужанка. Был быстро накрыт импровизированный стол. Кто-то принес спирт и все выпили за радостное известие.

Киселена (Кл. Сергеевна). Так в детстве я звал свою бабушку Клашу, о чем Вале было известно.

Соням (тете и полутете). Тетя – Софья Сергеевна Гусарова, полутетя – Софья Анатольевна Жижина («Девочка с мячом»), с ними наша семья бежала из Калуги от войны.

Всем. Получить письма от Ив. Конст. и дяди Лени. От моего отца и дяди Лени, мужа Софьи Сергеевны, мы не имели тогда никаких известий, о чем я писал Вале.

Я послал тебе 5 писем. Из них сохранилось только одно – предыдущее. В одном из пяти посланных мне писем Валя сообщал первый адрес брата моей мамы дяди Коли (Н.Н.Дьяконова), в этом письме – его новый адрес.

3

Ст.Шемонаиха Томской ж.д., Рабочий городок, дом № 261/30.

Прохоркину Вадиму

г.Ташкент Узбекской ССР,

Октябрьский район, ули-

ца Лабзак проезд Уйчи, дом

№ 49, Валентин Берестов.

Согласно почт.штемпелю,

в Шемонаиху письмо

поступило 19.01.1942 г

Здравствуй, Вадим!

Сейчас получил твое письмо с нового места. Я послал тебе по старому адресу еще два письма, наверное, они не дойдут.

Очень рад, что Элочка и Виталик меня помнят, а еще рад, что сам Виталик подписался под письмом. Пускай сам он всегда подписывается. Пусть Элочка что-нибудь нарисует для меня. Целую их обоих.

Для твоей картинке пока стихотворения не сочинил. Посылаю два других стиха. Один из них написал, когда были сильные дожди.

Во сне

Приснилось мне, что сурово
Макаров вел эскадру среди морей,
Приснилось мне, что снова в бой Суворов
Повел полки своих богатырей.

Приснилось мне, что немцы покатались
От Волги, от Днепра и от Оки,
Приснилось мне, что вновь в Берлин вступили
Увенчанные славою полки.

Размышления

«Зима! К тебе летит мое воображенье!»

Д ельви

Противный дождь, как прежде, хлещет.
Повсюду лужи, слякоть, грязь,
И солнце на небе не блещет
И снег не падает, кружась.
Мне вспомнилась зима иная,
Мороз... Румянец на щеках,
И лед прозрачный рассекая,
Мальчишки мчатся на коньках.

И как мне дышится свободно
Среди снегов, когда с небес,
Уж солнце пламенем холодным
Застывший освещает лес!
Люблю, волшебница седая,
Всю прелесть чудных дней твоих,
И часто я по ним вздыхаю,
И часто думаю о них.

Дима тоже написал стихотворение вместе с Вовкой для их газеты «За родину»:

*Среди снегов погибнет подлый Гитлер,
Как на Руси погиб Наполеон.*

*Наши танкисты фашистов громят,
Рвутся снаряды и бомбы летят,
Наша пехота идет на штыки,
И в море на битву идут моряки.*

Характер у Димки такой дурной, даже еще хуже. Жизнь в Ташкенте дорогая, поэтому мама устроилась ленточницей на Текстильный комбинат. Получает в месяц 150 руб. Я учусь так. По русскому языку два диктанта «отлично» и «хорошо», устный – «отлично», узбекский – по контрольной «хорошо», по устному – «отлично», по остальным все «отлично». Времени у меня до 4 часов много. Погода эти дни замечательная. Сидим с открытой дверью. Я много читаю, изучаю немецкий язык и сделал несколько переводов в стихах. Вот два перевода.

Гёте. Майская песня.

*Как дивно светит мне все вокруг!
Блестает солнце, смеется луг.
И отовсюду цветы глядят.*

*И птицы нежно вокруг звенят
Гори же, солнце! Гори, сияй!
О, жизнь! О, радость! О, юный май!*

Ленау.

Стихотворение «Posthorn» – Почтовый рожок.

Отрывок

*Всё затихло. Люди спят;
Рожи онемели;
Птички на ветвях молчат,
Что так нежно пели;*

*В одиночестве встает
Бледный месяц мая
И привет на землю шлет,
Тихо улыбаясь.*

*Лишь ручей, не отдохнув,
Мчится вдаль, играя,
И журчащую волну
Нежный луч ласкает.*

Я видел в школе кинокартины «Суворов» и «Большой вальс» и видел Чуковского на вечере, который, попрощавшись со мной, даже снял кепку.

Желаю тебе благополучно сдать все твои испытания. Привет всем!

В. Берестов. ПИШИ!!!!!!!!!!!!!!

Я не буду обижаться, если ты

долго не напишешь, потому что знаю о месячном испытании.

Валя Берестов

Письма Валя прислал в самодельном конверте, сделанном из листа бумаги грязно-голубого цвета и прошитого белыми нитками. По всей видимости, конверты исчезли из продажи, возможно, у Вали просто не было денег на его покупку. Самодельный конверт – примета войны. Потом мы будем посылать друг другу письма-треугольники.

Полагаю, что присланные полудетские стихи и переводы из Гёте и Ленау нигде не публиковались. Возможно, что-то из них Валя показывал Чуковскому.

Здравствуй, Вадим!

Получил твое письмо. Вот адрес А.Ф. Гусарова (по конверту, а полный, который в письме, Димкой потерян во время моей болезни): Казахская ССР, ст. Павлодар Омской ж.д., домуправление № 47-НЖЧ, Гусарову А.Ф.

Наша жизнь.

Мама послала письмо в НКЮ, чтобы сообщили что-нибудь о папе, в Калужский горсовет, чтобы сберегли оставшиеся вещи, так как мы думаем туда вернуться весной, в Советское информбюро с просьбой сообщить инициалы и военное звание того командира Берестова, о котором сообщалось в утреннем сообщении 19 января. На все эти письма ответа мы еще не получили, также как и от папы, от которого нет писем уже 4-ый месяц. Живем мы, как свиньи, в грязной комнатухе с глиняным полом и закопченными стенами. Утром в ней стоит густой дым от топящейся печки, а вечером мрак, потому что нет лампы. Сейчас мы съели хлеб по карточкам за 2 дня и едим по 200 грамм, которые нам дают в столовой вместе с двумя порциями щей без мяса по 2 руб., от которых горит рот, благодаря перцу, которого здесь не жалеют, потому что столовая узбекская, да еще едим сухарики, которые Димка выпрашивает у нашей соседки бухарской еврейки Тамары. Мама постоянно ворчит, а Дима постоянно следит за мной, чтобы я не съел чего-либо лишнего, читает твои письма, обыскивает мой портфель и таскает тетрадки. Потому я не могу иметь ничего своего. Ну, довольно об этом. Теперь об учебе. II-ую четверть окончил с хорошей отметкой только по физкультуре, а по остальным предметам – отлично. Я здесь преобразился. Теперь я не рвусь на всякую общественную работу, не выдаю товарищей и нахожусь со всеми в дружеских отношениях. Нашу школу из прекрасного 4-хэтажного здания,

утопавшего в зелени, с фонтаном, садом перевели в одноэтажную кибитку, которую не топят и в которой нам приходится учиться в три смены. Я очень часто не посещаю школу, потому что идет дождь и стоит непролазная грязь, а сапоги у меня дырявые. Поэтому я довольно часто нахожусь в обществе сопливого мерзавца Димки, который всячески пытается сделать мне зло. Маму, которая балует его, он называет дурой и боится как бы она «не сожрала все» по его выражению. На Новый год на каникулах стояла наша апрельская, даже майская погода и мы с Колей часто посещали Новый город, который не обойти за год, и находили много прекрасных зданий. Мы видели также 4-х генерал-майоров, несметное множество польских офицеров в погонах и с блестящими пуговицами, а также польских солдат, одетых в английскую форму с винтовками в руках. Ну, вот! Писать больше нечего. Конечно, передаю всем привет. Вадим, пиши мне чаще. Мы будем держать с тобой связь, а когда встретимся, расскажем друг другу много интересного. Пиши.

30/I 42г. Твой друг Валя Берестов.

P.S. Спасибо Виталику за его «курську». Поцелуй их обоих.

Ташкент – каменный город («таш» – камень, «кент» – город). Узбек – настоящий князь («уз» свой, сам, настоящий, «бек» – князь).

В январе 1942 года мы и Софья Сергеевна Гусарова с Соней жили в Шемонаихе, мы – в рабочем поселке, Софья Сергеевна с Соней – в так называемом копай-городе. Получив письмо Вали с адресом дяди Лёни, мы сразу же сообщили им эту радостную весть. Благодаря «ташкентскому адресу» связь с дядей Лёней была установлена.

Брат Вали Дима отличался необузданным, взрывным характером и в детстве частенько досаждал родителям и Вале своими выходками, а случалось и мне. Однажды я ему чем-то не угодил.

Не долго думая, он кинул в меня камнем, который попал мне в лицо, разбив до крови губу.

По своему характеру письмо резко отличается от предыдущих писем: Валию угнетают отсутствие известий от отца, неустроенность жилья и быта, болезни и голодные дни.

5

21.03.1942. Здравствуй, Вадим!!!!!!!!!!!!!! и т.д.

Получил недавно 2 твоих письма и в свою очередь послал тебе 2, на которые пока не получил ответа. Недавно нами получено письмо из Калуги от папиной племянницы В.Богачевой, у которой остались наши вещи. Она пишет, что все наши вещи целы кроме швейной машинки, которую папа взял за 5 дней до занятия Калуги. Пишет также, что «немец все надоедает бомбежкой». Квартира наша цела, но занята строительным техникумом. Напиши, получил ли ты ответ от Клевцова. Эти дни погода у нас меняется. Позавчера стоял жаркий день. Вчера к утру выпал снег, который к полудню растаял и снова стало жарко. Сегодня тепло, но сейчас солнце скрылось, и все небо покрылось тучами. Крыши все ярко-зеленые. На тротуарах цветут одуванчики. Узбеки уже продают какие-то синие цветы. На рынке ожидается появление свежих овощей.

Теперь о моей учебе. Учусь только на «отлично». Каникул у нас не будет, но зато быстрее кончим учиться. Я сейчас много читаю и очень увлекаюсь стихами Байрона. На лето мы с Колей наметили много прогулок по городу и за город. Окрестности вокруг очень интересные. По одну сторону от нас по направлению к нашей школе находится орденоносный театр Хамза – здание в восточном стиле с башней и арабскими узорами, далее на улице Хамза расположено здание, на крыше которого ходит медведица, еще далее – узбекский театр Юного зрителя, парк им.

Пушкина, высокий купол мечети. Если пойти в другую сторону, выйдешь на трамвайную остановку Хаура и ул. Навои. Эту улицу хотели сделать главной улицей города, на ней воздвигнули несколько прекрасных зданий, стали строить новые, но война помешала строительству. Кстати, и наша кибитка предназначалась на слом. Первой остановкой будет Шейх-ан-таур (какое прекрасное название). Это ворота с куполом и арабскими надписями. Недалеко от него находится прекрасный театр им. Муками. Я был внутри этого здания на встрече с писателями. Недалеко от нас есть также различные мечети, минареты, купола и тому подобные восточные сооружения. Ну, пока хватит об этом.

Я забыл тебе написать, что когда лил дождь, наша глиняная хижина превратилась в решето и протекла повсюду так, что тете Наде приходилось ежечасно целыми корытами выносить из дома воду. Недавно со мной был еще один случай. Я, по своему обыкновению, вышел вечером после школы погулять на свежем воздухе. Вдруг около столовой встречается мне какой-то пьяный, усатый мужчина в папахе, пожимает мне руку и предлагает денег. Я, удивившись, спрашиваю его, кто он такой и почему он мне предлагает эти деньги. Незнакомец ответил: «Ты, Коля, не бойся, что от меня такой запах. Я сейчас обедал с укротителем львов. На деньги. Поешь, если голоден». Я сказал, что его денег мне не надо и ушел. Вот такой случай!

Наша мама бросила работать на фабрике. Очень устает. От папы нет вестей, а в мае кончится денежный аттестат. Какие известия имеешь ты от своего? Пиши. Пока все.

Твой друг В. Берестов.

«Напиши, получил ли ты ответ от Клевцова». Валентин Клевцов – член нашей детской компании, «Вадимовой ватаги», как называл ее Валя. Он с родителями оставался в оккупированной Калуге.

27.03.1942. Здравствуй защитник!!!!

Получил твое письмо из Защиты, немедленно переменял адрес на твоём конверте и выслал тебе одно неотправленное письмо. Пишу еще одно. Я послал после получения твоего письма еще два письма в Шемонаиху. Получил ли ты их?

Получил письмо из Калуги от В. Клевцова и очень благодарен тебе за то, что ты выслал ему мой адрес. Твоих писем у меня много и мне очень интересно их перечитывать. Когда встретимся, у нас рассказов хвалит на полгода. Думаете ли вы вернуться в Калугу? Мама рвется туда всей душой. Еще более подстегнул к этому отъезд нашей мебельной фабрики обратно в Калугу. Мы получили письма от Марфы Петровны и нашего завуча Фед. Вас. Весна вступила в свои права. Плоские крыши превратились в сплошной зеленый ковер. Кустарник по краям тротуара и сирень оделись листвой. В садах цветут абрикосы и персики. Но ташкентская весна любит капризничать. Позавчера стояла теплая майская погода, которая к вечеру сменилась нестерпимой духотой. Всю ночь лил дождь, а утром выпал снег. В середине дня выглянуло солнце, и снег немедленно начал таять, но солнце скрылось и снова стало пасмурно и холодно. Наутро был мороз 8 (мороз за всю зиму был раз 10), который сразил все цветы абрикосов и персиков. Днем уже стояла жара. Сейчас грязь уже высохла, трава зеленеет, солнце светит, как ни в чем не бывало. Недавно мне пришлось быть свидетелем землетрясения. Пока все. Живем мы сейчас лучше, чем зимой. Розыски папы продолжаются. Привет всем!!! Как поживает Виталий Иванович? Как здоровье кукол Элеоноры Ивановны? Поцелуй их от моего имени (не кукол, а Элочку и Виталика). Остаюсь вот уже почти 14 лет В. Берестовым и 4-ый год твоим другом.

В марте 1942 года мы переехали на станцию Защита. Два письма, посланные Валею в Шемонаиху были мною или не получены, или пропали позже.

«Твоих писем у меня много и мне очень интересно их перечитывать, к сожалению эти письма не сохранились. Когда встретимся, у нас рассказов хватит на полгода». О первой нашей встрече после трехлетней разлуки см. в тексте воспоминаний.

«Плоские крыши превратились в сплошной зеленый ковер». Очевидно, именно тогда Валя сочинил стихотворение «В эвакуации»:

*...И кровли плоские с зеленою травой
Лужайками висят среди садов.*

«Розыски папы продолжаются». О том, что от отца Вали нет известий, Валя писал и в предыдущих письмах. Очевидно, в эти дни появилось стихотворение «Отцу».

Марфа Петровна Кучепатова с мужем и сыном Юрой проживала в одном доме с Берестовыми

« Остаюсь вот почти уже 14 лет В. Берестовым и 4-й год твоим другом». Это еще одно подтверждение, что Берестовы переехали в Калугу в 1938 году.

7

Ст.Защита Томской ж.д. дом НКПС № 20, кв.4. Прохоркину Вадиму.

Уз. ССР, Ташкент, Октябрьский р-н, ул.Лабзак, пр.Уйчи, д.№49.
Валентин Берестов

5/IV/42г. Здравствуй, «защитник»!!!

Послал тебе 2 письма в твою Защиту, но ответа не дождался. Пишу еще. У нас весна. Дожди бывают, но прежнего холода не приносят. Деревья покрываются листьями. Веет теплый и свежий ветер, поднимая целые облака розовых лепестков урюка. Ночи сейчас теплые и безлунные. В прошлый выходной день

ездил вместе с Колей к Текстильному комбинату, где очень приятно провели время, лежа на густой траве и вдыхая запах цветов. Ничто не напоминало близости завода или даже о том, что я нахожусь в городе и в Ср.Азии. Совсем, как в России в мае.

Сегодня мои занятия были прерваны звуками веселой музыки. Выйдя на улицу, я увидел двух стариков, одного с инструментом в виде флейты. Другого с бубном. Вместе с ними с собравшейся толпой вошел во двор. Даже выздоравливающие бойцы из госпиталя пришли туда на звуки музыки. Старики уселись на тахту и принялись дудеть и бить в бубен, а мальчишка-узбек, который пришел вместе с ними, начал плавно прохаживаться по кругу стуча чем-то вроде кастаньет. Хозяйка бросила ему деньги, которые он подобрал, сделав мостик. Затем она вынесла на подносе две лепешки, халву и еще что-то. Старики, завернув в салфетку приношение, важно вышли, продолжая и на улице дудеть и барабанить. Оказалось, что дочь хозяина родила, а те пришли её поздравить.

Учусь пока еще сносно. Каникул не было, но зато кончили учебу раньше и испытаний будет меньше. Что тебе пишут из Калуги? Пока все.

Привет вам от всех. Наилучшие пожелания малышам.

Твой друг Валя Берестов.

P.S. Мне уже 14 лет (1 апреля). Заранее поздравляю тебя с твоим днем рождения (28/IV).

8

Ст.Защита Томской ж.д. дом НКПС № 20, кв.1.

Прохоркину Вадиму

Уз.ССР, далее не читается.

Берестов Валентин

Почт.штампель Ташкента – 1.5.42;

Защита, Вост.Каз. – 8.5.42

25. IV. 42 г. Здравствуй, Вадим!

Сейчас получил твое долгожданное письмо, написанное 13/ III, и спешу ответить на него. Рад поздравить тебя с четырнадцатилетнем и пожелать всего наилучшего. Погода у нас установилась совсем летняя. Все деревья в зелени, сады уже отцвели. Хотя я уже давно в Ташкенте, но до сих пор не устаю любоваться замечательным видом, открывающемся с нашей крыши, покрытой травой и цветами. Всюду: на базарах, на перекрестках улиц узбечята оживленно торгуют редиской (по 2 руб за пучок), зеленью, луком, тюльпанами, фиалками, жмыхом, семечками, халвой, блинами и прочими дорогими товарами.

Мы получили письмо из моего родного города Мещовска от моей бабушки. Учусь сносно. Испытания видимо маленькие, начнутся в середине мая. После них нас отправляют в колхоз или совхоз на уборочную. В свободное от уроков время приходится работать на своем участке, засеянным картофелем в нашем школьном дворе.

От своего папы мы уже 7-ой месяц не имеем никаких известий, но надежды не теряем. Наилучшие пожелания всем от всех. Хайп (До свидания).

Остаюсь твоим другом В. Берестов. Жду твоих писем!

9

*Ст.Защита Томской ж.д. дом НКПС №20, кв.4.
Прохоркину Вадиму
Уз.ССР г.Ташкеннт, Лабзак, пр.Уйчи, 46*

7. V. 42 г. Здравствуй, Вадим!

Не дождавшись твоего письма, пишу еще и надеюсь, что ты будешь писать мне чаще.

260

Погода уже жаркая. Но перепадают и дожди, например, вчера была сильная гроза. Ташкент замечательный весь утопающий в зелени. Я в каждом письме хвалю его и, наверное, никогда не перестану. В городе на крышах везде цветут красные маки. На перекрестках улиц уже продают урюк. Недавно я ездил за город и долго бродил среди отвесных обрывов около большого арыка (может быть речки). Очень жаль, что не смог сделать зарисовок, т.к. не взял карандаши. Недавно мне пришлось наблюдать небольшой смерч. Столб пыли, двигавшийся по улице, сбил с ног двух узбечат. 3 мая был в цирке ДК и слушал выступление ансамбля красноармейской песни и пляски.

Живем сносно, т.к. мама опять устроилась на работу. Учусь, как и раньше и собираюсь летом ехать на работу в кишлак (старшие классы уже выехали туда).

Недавно получил письмо от В.Клевцова.

Пиши! Присылай зарисовки!

Всем, всем, всем наилучшие пожелания. Пока всё.

В. Берестов.

P.S. Недавно я виделся с Чуковским, который назвал меня «родным» и, очень похвалив мои стихи, пригласил меня к себе домой. Чур, не писать и не говорить об этом никому.

10

*Ст.Защита Томской ж.д. д.НКПС № 20, кв. Прохоркину Вадиму
Уз.ССР, Ташкент, Лабзак, Уйчи,49,
В. Берестов*

30/V. 42 г. Здравствуй, Вадим!

Получил твое письмо. Итак, продолжаю рассказ о моей встрече с Чуковским***. Он был у нас в читальне Дв. Пионеров

261

10/V и читал свою новую сказку. После чтения я подошел к Чук. И подал ему свои стихи. Он внимательно прочитал их и многие похвалил! Особенно понравились ему стихи о Лермонтове (ты их знаешь) и баллада «Редеда и Мстислав». 17/V был у него дома, где познакомился с Квитко, автором «Письма Ворошилову», который (не Ворошилов, а Квитко) напророчил мне блестящую будущность. Я знаком также с Лежневым, автором книги «Правда о Гитлере». Недавно я записался в читальню Дворца Пионеров. Читаю много. За последнее время прочитал стихи Байрона, баллады Жуковского, «Крошка Доррит» Диккенса и перечитал «Отверженные» В.Гюго. Кроме того, прочитал и выписал много всевозможных стихов. Испытаний у нас не было, т.к. 6-9 кл. выслали в колхозы. Меня освободили, по зрению. Погода хорошая, хотя дни жаркие. Трава на крышах выгорела. В продаже появилась черешня и клубника. Учебный год я кончил на «отлично». Димка – на «хорошо». Больше, кажется, писать нечего. Такие однообразные дни. Мой привет и наилучшие пожелания всем членам семьи. Особенно Виталику и Элочке.

Пиши! Жду ответа. Твой В. Берестов.

Свою встречу с Чуковским 10 мая 1942 года Валя подробно описал в очерке «Совсем недавно был Корней Иванович». В очерке нет никаких упоминаний о стихотворении «о Лермонтове», которое, как пишет Валя, понравилось Чуковскому и которое якобы я знаю; нет этого стихотворения и в двухтомнике его сочинений. Почему? Возможно, это стихотворение Валя присылал мне в одном из предыдущих писем, которое не сохранилось. Как и до войны, Валя много читает: «День промелькнул за окнами читальни...»(см. стихотворение «В читальне»).

9. 11. 42. Здравствуй, Вадим!

Получил твое письмо, написанное сухим канцелярским языком. Но я не обижаюсь и спешу тебе отвечать.

Теперь я нахожусь в детдоме и собираюсь устроить сюда Диму, который дома мерзнет и не ходит в школу. Одежда и обувь у меня есть, заниматься можно. Кормят плохо, но и дома едва ли бы было мне лучше.

Теперь я часто бываю у Чуковского. Перепечатаваю на пишущей машинке и сейчас могу быстро печатать обеими руками.

Сейчас наступили морозные дни, кое-где лежит снег. Скоро начнутся занятия в школе, т. к. ребята вернулись с хлопкоуборочной. Им пришлось идти по снегу и грязи 20 км.

Теперь о моей жизни в детдоме. Устроился я сюда с помощью одной учительницы и нахожусь в детдоме с 27 октября. Среди ребят я чуть ли не самый старший. Четырнадцатилетних тут мало. К 7-му ноября нарядили нас в костюмчики, шелковые рубашки, очень хорошо накормили. Теперь кормят неважно. Например, вчера завтрак – чай с халвой и 150 граммов хлеба, обед – борщ и 100 г. хлеба, ужин – хлеба 150 г. и щепотка соли, Иногда в обед бывает второе, а на ужин варят манный суп.

Друзей у меня нет, кроме двоюродного брата Коли, которого я навещаю довольно часто. Он один заменяет мне всех.

Меня устроили в хорошую библиотеку, теперь я много читаю. Вот пока все. Привет всем вашим. Пиши!

До свидания! Auf Wiedersehen!

Твой В. Берестов.

Мой адрес: Ташкент, ул. Лянгар, д. №88, детский дом № 21.

«Теперь я часто бываю у Чуковского. Перепечатаваю на пишущей машинке и сейчас могу быстро печатать обеими руками». См. ч.2 «Совсем недавно был Корней Иванович»:

«Корней Иванович научил меня печатать одним пальцем на своем «ремингтоне».

«Кормят плохо, но и дома едва ли бы было лучше».

*Как пышен юг!
Как странно голодать,
Когда вокруг
Такая благодать!*

12

Ст.Защита Томской ж.д. дом НКПС № 20, кв.4

Прохоркину Вадиму

Уз.ССР Ташкент, ул.Шахриязбская, дом № 104

Берестов Валентин

Правый верхний угол письма оборван или обгрызен мышами

11-I-43 г. Здравствуй, Вадим!

Прости, что долго тебе не писал. ...из детдома. Там я пробыл 1.1/2 месяца, заболел и ушел домой.

... ужасные условия: холод, земляной пол, пара сапог на двоих, одна ... на троих и прочие неудобства.

С нового года мы перешли на новую квартиру в общежитии фабрики Госзнак, где работает мама. Теперь у нас тепло и есть электричество, но очень трудно заниматься, т.к. в комнате помещается кроме нас, еще три семьи, всего нас – 10 человек.

Во II четверти я, вероятно, не аттестован, потому что не посещал школу из-за всевозможных болезней, к которым я привык и отношусь равнодушно. Теперь мне запретили ходить в школу, и я занимаюсь дома. Возможно, меня устроят в нервную клинику, где мне придется полежать месяца 2-3. За эти 1.1/2 года я совсем не вырос и меня в школе считают маленьким.

Летом думаю возвратиться в Калугу, откуда сообщают, что наши вещи целы, а в квартире помещается библиотека Строительного техникума.

Вадим, обязательно напиши мне. Буду с нетерпением ждать твоего письма.

Привет всем, а особенно Элочке и Виталику, которые, конечно, стали совсем большими.

В. Берестов.

Как мне помнится, из-за продолжительного недоедания у Вали появились признаки пеллагры.

13

Тульская обл. Калуга, ул.1905 года, д.№ 61, кв.1,

Прохоркину Вадиму Ивановичу

Ташкент, Шахриязбская, 104, Берестов В.

Почтовый штемпель Ташкента от 9.3.44

Дорогой Вадим!

Прости, что не писал. Хотел нагреть сам, как снег на голову. Да, не вышло. Приеду ко дню твоего рождения. Жить буду на Пушкинской у тети. Вещи наши целы. От папы нет писем. Родные что-то знают, но скрывают.

Димка устроился на Госзнак учеником гравера, если выдержит месячное испытание, поедет в Москву. Мои ташкентские друзья почти все разъехались. Переписываюсь с ними. Так что здесь мне почти нечего делать.

В Ташкенте с ноября замечательная погода: снега нет, тепло, сухо. Ночи теплые, а днем даже жарко. Распускаются почки, цветут одуванчики, продаются фиалки. А как у вас?

Очень хочу поскорее с тобой увидеться. Каким ты стал. Я теперь в очках, почти не вырос. Всё – (следующие слова жирно замазаны цензурой). Теперь нет ни того, ни другого, ни третьего.

Рисуешь ли? Пишет ли отец? Как учишься? Что читаешь? Как поживают бабушка, мама, Элочка, Виталик? Привет им всем, а также Валентину Клевцову и Олегу Кудрявцеву.

Скоро увидимся. Твой друг Валя Берестов.

P.S. Оказывается, мои стихи действительно передавали по радио. Ни с того, ни с чего получил гонорар.

Вадим! Теперь жди моих писем часто. Я хочу загладить свою вину. Теперь наша дружба прошла испытание временем и пространством. Ведь между нами 2 ½ года разлуки и 2 ½ тысячи километров. Моя мама шлёт привет всей вашей семье.

Твой Валя

Очень длительных перерывов в нашей переписке не было и разрывы между письмами могут свидетельствовать о том, что часть писем утрачена.

Приехать в Калугу к моему дню рождения у Вали не получилось. В конце апреля он уедет из Ташкента, но не в Калугу, как предполагал, а в Москву, где «Усилиями лучших представителей творческой интеллигенции был определен в интернат при школе Памяти Ленина в Горках» (см. об этом «Светлые силы. Мои встречи с Пушкиным»).

Олег Кудрявцев проживал в частном доме, расположенном на углу улиц Пролетарской и Герцена напротив дома, в котором жили Берестовы.

В 1943 году Валею было написано много стихов, но какое из них передавалось по радио, он нигде не указывает.

14

1. 12. 1944 Вадим!

Последние письма из Ташкента и из Калуги сплошь ругательные. Меня называют и сволочью, и скотиной и правильно делают. Что за свинство не писать старым друзьям. А ты самый близкий друг и поэтому перед тобой я виноват втройне.

Вадим! Мне очень хотелось бы тебя увидеть, но на зимние каникулы я приехать не смогу – нужно получить паспорт и прочие дела. Но летом приеду обязательно.

Принят в комсомол. А ты? Работаю лаборантом при физическом кабинете. Школа у нас подопытная, преподают логику и психологию. Ребята хорошие – очень тихая, благополучная школа.

Все лето дежурил на поле, даже могилу копал. Учусь и вовсе не отлично. В 1-ой четверти 1 тройка, 4 четверки, остальные 5. Очень много читаю. И первый раз за столько лет увидел зиму и нашел, что это очень хорошо, а в Ташкенте привык бояться ее.

Вот пока и все. Жди следующего письма. Там напишу подробнее.

Твой друг Валя.

Привет всем. Умеет ли Виталик считать и читать. Как учится Элочка?

Согласно штемпелю на конверте письмо было отправлено 1.12.44 г.

«Школа у нас подопытная, преподают логику и психологию». Речь идет о Школе памяти Ленина в Горках Ленинских.

«Учусь и вовсе не отлично. В 1-ой четверти 1 тройка, 4 четверки, остальные 5». «Тройка» была по анатомии. Об этом Валя написал в своих воспоминаниях «Мои встречи с Пушкиным».

15

Г. Калуга, ул.1905 года, д.61, кв.1 Прохоркину Вадиму Ивановичу п/о Ям, Подольского района, Московской обл. Ленинские Горки

5. III. 45 г. Вадим! Здравствуй!

Очень здорово, что ты написал мне такое интересное и многозначительное, скажу даже, поучительное письмо. Сейчас, когда я держу перед собою все твои письма за эти годы, исключая первое, которое потерял, я вижу растущего и мыслящего человека, своего друга во всем его движении. Чёрт возьми! Мы здо-

рово изменились за эти годы, но мы не изменились друг к другу, а это самое главное.

Твои характеристики Фатыча и Новосельцева мудры и ловки. Фатов когда-то был моим дружкой (не другом), очень меня поддразнивал, мы с ним когда-то вместе делали стенгазету, причем ни он, ни я не умели рисовать и писать красивым почерком. Он часто меня злил, становился неприятным, но что-то поддерживало наши дружеские или «дружковские» отношения. Пиши мне о нём, передавай привет, скажи, что я просил написать мне. Новосельцеву тоже передай, только он мне не напишет, он и тогда был лентяем и учился как-то по инерции.

Ты читаешь Ильфа – это хорошо Я тебя буду бить, если ты не прочел или давно не перечитывал «Одноэтажную Америку». Очень хорошая, живая, наполненная книга, сейчас, когда кончается война, после Крымской конференции особенно интересно перечитать её.

Еще ты очень хорошо делаешь, когда пишешь о себе, о том, что тебе говорят, какие у тебя учителя, что тебе нравится – это очень передает тебя самого, а ведь мне очень хочется тебя видеть. Ну-с, это всё по поводу твоего письма, теперь – о себе. Жизнь моя складывается из следующих вещей: поездок в Москву, посещений знакомых, салютов, из каких-то проглатываемых книг и стихотворных строчек. Недавно в моей жизни произошло большое событие – умер Толстой, Я мало его видел, всего несколько раз, живя у него на даче, но он такая огромная личность, что кажется очень близким и знакомым человеком. Почти до самой смерти он писал и переделывал своего Петра, причём он говорил: «Раньше я не знал, как писать, теперь знаю, и это для меня не труд, а большая радость». Третий том «Петра» поразителен, его никогда не поздно будет прочесть, а особенно теперь, когда всё оживилось и поднялось. Когда я проходил по Октябрьскому залу, я не думал о смерти, Толстой был такой че-

ловек, самым существованием которого отрицалась всяческая смерть. Я думал о цветах, кот. он перевязывал тесёмками, чтобы оставить семена, и о соснах, которые шумели вокруг его дачи. А здесь – в гробу он лежал среди очень ярких цветов, совершенно непохожий на себя, худой, навощенный и какой-то молодой. Одна женщина в поезде очень хорошо сказала: «Какое дерево, а упало». А знаешь, после Ильфа и Петрова хочется замечать и видеть в жизни что-то живое и интересное. Я завел записные книжки и в них буквально лезут всевозможные частушки, поговорки, мысли свои чужие, какие-то выписки, описания. Делай то же самое – это очень интересно. Ведёшь ли ты дневник? Я веду, получается интересно. Что у вас сейчас в городе говорят, чем интересуются, на что надеются, что делается, что поётся? Пиши. Сегодня, например, еду в поезде, проходит нищий с баяном, садится на скамейку и поёт:

*Товарищи, смерть гитлеризму,
В Москве объявили любовь.
Товарищи, свободили
Одесс, Киев, Харьков и Львов.
К Берлину немного осталось.
Советский народ разобьёт
И Гитлер собакой завоюет,
Проходу нигде не найдёт.*

И в том же духе на мотив «Раскинулось море широко». А нищие – это люди, которые в совершенстве знают, чем тронуть человека, поэтому по песням и причитаниям нищих можно узнать, что думает народ.

У меня есть много страшно интересных вещей, о которых хотелось бы тебе рассказать. А по Москве бродят слухи, москвичи видят всё, бывают везде, возвращаются с фронта, откуда-то с зимовок, из Крыма, с Дальнего Востока, попадают куда-то в Финляндию. Москва страшная сплетница, замараха, подлиза,

умница и остроумница, как Фатов, лентяйка, как Новосельцев и в то же время праздничная и серая, старая и молодая, злая и добрая, каждый день салюты, затемнение еще не сняли, только над улицей упругой дугой висят фонари, церковки, кремлёвские башни; дома-ящички и домики, жёлтые с колонами, аэростаты, дети в музеях и планетарии и всё такое прочее.

Пиши. Жду. Твой Валя Берестов

Фатов Саша и Новосельцев – бывшие одноклассники Вали. Новосельцев учился в техникуме вместе со мной и Фатовым, но не в нашей группе.

Валя, как и я, прочитал «Записные книжки» Ильи Ильфа и завел свою записную книжку. Именно после получения этого письма я и стал помогать Вале в сборе необычных выражений и словечек, о чём упоминаю в своих воспоминаниях.

16

Калуга, ул.1905 года, д.61, кв.1,

Вадиму Прохоркину

*п/о Ям, Подольский р-н, Московская обл. Школа памяти Ленина,
В. Берестов*

15. III. 45 г. Вадим, дорогой мой!

Очень жаль, если ты не получил моего письма, служившего немедленным ответом твоему второму письму. Теперь я ничем не могу доказать своей добросовестности и честности в дружбе и ты, конечно, можешь упрекнуть меня.

Получил письмо от Сони Гусаровой, в нём она забыла написать свой адрес, т.е. не указала название улицы в Малоярославце, а дала только номер дома. Я всё-таки думаю, что в Малоярославце есть улицы.

Ты был у мамы, но она написала о тебе очень неразборчиво. Сообщи что-нибудь о ней.

У меня всё по-прежнему: посещаю литературный кружок, ослабил свои занятия английским, одно время много читал, но теперь страшно обленился.

Вчера ездил на вечер поэтов в Колонном зале. Видел и слышал Асеева, Щипачёва, Кирсанова, Сельвинского, Алигер, Михалкова. Не понравилось мне всё это за исключением Михалкова. А Михалков читал свои новые басни. Одна из них – «Заяц во хмелю» очень хороша. Михалков это высокий военный «дяди степинового роста», с усиками, очень хорошо читает и при чтении его природное заикание делает его басни еще более милыми и забавными. Ехал к себе с последним полуночным поездом, проспал свою станцию и вернулся домой с этим же поездом, проведя ночь в пустом вагоне. Такие поездные приключения частенько со мной случаются. Что у вас там? Какие фильмы больше всего смотрят? Какие книги читают? Какие анекдоты рассказывают? Какие песни поют? Хочется знать всё о родном городе. Летом наверняка приеду в Калугу, во что бы то ни стало.

Итак, до свиданья! Привет всем твоим и моим родным и знакомым.

Крепко жму руку. Твой неповоротливый друг Валя.

Валя проспал свою станцию, что и не удивительно: он всегда был чудаком и человеком не от мира сего, таким он остался на всю жизнь.

17

Калуга, ул.1905 года, д.61, кв.1, Вадиму Прохоркину

*п/о Ям, Подольского р-на, Моск. обл. шк. памяти Ленина,
В. Берестов*

Здравствуй, Вадим! 15.V.45 г.

Сегодня я нашёл устаревшую открытку, в кот. я поздравляю тебя с семнадцатилетием. Я забыл её отправить. Так, поздравляю тебя с днем рождения, 1 мая, Пасхой и Победой.

Напиши, как у вас прошёл день победы, как узнали, что делали, были ли смешные сценки. Я был в Москве в этот день и, встав в 3 ч.30 мин, побежал на Красную площадь. Там уже было много народу. Взялись за руки, встали в огромный круг и бегали по кругу, ходили с флагами, перед окнами Кремля кричали «Ура Сталину!» Потом начались пляски. Качали военного. Мальчишка какой-то всё время играл на баянчике. Утром в 9 часов снова на Красной площади. Стояли у Кремля и приветствовали каждую машину, шли у кремлевской стены, глядя на цветники и газоны около неё, просто так ходили по набережной, рассматривая чаек, и сидели в скверике, чтобы отдохнуть, сел в автобус и поехал к каналу Москва – Волга. Вернулся и стоял у американского посольства. Американцы пели. В них пускали солнечные зайчики. Один из них сорвал со своего пьяного товарища шляпу и кинул её в толпу, ему вернули её, и так до тех пор пока шляпа не вернулась без дна. Американец нахлобучил её на глаза своему товарищу и показал сквозь дыру его волосы. Потом он вынул бутылку виски и в полной тишине начал пить. Мальчишки не выдержали, начали кричать: Вода! Тогда американец вылил часть содержимого бутылки на голову товарища и зажег его волосы. Американцев качали. Один дважды принимал ванну и переодевался, но его вынимали из машины и качали.

Был прекрасный салют Аэростаты держали над городом огромный портрет Сталина, кот.казался наполненным светом. Стояли красочные осветительные ракеты. После салюта по кругу над Москвой летали самолёты и сбрасывали ракеты.

Итак, еще раз поздравляю тебя и всех твоих родных. Валя.

18

*Калуга, ул.1905 года, д.№ 61, кв.1, Прохоркину Вадиму Ивановичу
п/о Ям, Подольского р-на, Московской обл. Шк. Памяти Ленина,
Берестов В.*

27. V. 45 г. Здравствуй, Вадим!

Твои письма наполовину состоят из упрёков. Ты, конечно, прав, но всё-таки ты мало пишешь о себе. Я был очень удивлён, что ты с 15.III. не получал моих писем. Мне всё кажется, что я послал одно из них на станцию Защита. Вадим, числа 15-го я выезжаю в Калугу. Директор уже обещал нас отпустить. В Калуге я пробуду неделю, затем поеду к бабушке. Сейчас сдаю испытания. Основы дарвинизма сдал на 5, геометрию – на 4. У нас 25-го был снег, так что и 25-ое мая можно считать историческим днём.

Полевые работы уже кончились, всё посеяно и посажено. Впереди прополка, окучивание и т.д.

Еду, везу свой дневник, о многом хочу с тобой поговорить. Ну, вот и всё. Ну и побродим мы с тобой за эту неделю! Тряхнём стариной! Крепко жму твою лапу по почте и, надеюсь, пожать её на самом деле. Привет всем.

Валя

19

19.06.1945 Привет, Вадим!

Мудрое отношение к жизни:

*Все в жизни пыль и прах,
И пара пустяков,
Вчера я был в очках,
Сегодня без очков.*

Сегодня мои очки трагически сгорели. Когда я не нашел в Москве пристанища, приехал назад и заночевал в шалаше, где были два сторожа, охраняющие наши поля. В том числе и мой брат, шалаш загорелся, мы спасли все, но очки погибли. Ехать придется без них, это досадно.

Директор отпустит меня на месяц, но когда я могу выехать неизвестно, может быть только в середине июля. В Калуге про-

буду недели три. Мама мне не пишет, скажи ей, если увидишь, что это нехорошо. Испытание сдал, в году 7 пятерок и 5 четверок (по химии, математике и психологии). Все.

Пиши мне!

До скорого свидания! Привет всем родным!

Твой Валя.

«Сегодня мои очки трагически сгорели». Проблемы с очками преследовали Валю постоянно. Он их терял, забывал, они разбивались, неведомо как исчезали и даже сгорали. См. главу «Без очков» в повести «Государыня пустыня» и стихотворение «Оптическая идиллия».

«В Калуге пробуду недели три». В этот приезд в Калугу (ему предстояло посещение Мещовска) Валя склонил меня к поездке к нему в Горки Ленинские, во время которой мне довелось переночевать в Доме В.И. Ленина и познакомиться с известной артисткой Риной Зелёной и интернатовскими товарищами Вали.

20

Калуга, ул. 1905 года, д. 61, кв.1, Вадиму Прохоркину
Мещовск, Октябрьская, 4, Берестов

Вадиму моё нижайшее! 20.VII.45 г. Мещовск

Я осматриваю Мещовск, и Мещовск осматривает меня. Еще бы! Такого в очках не скоро увидишь. И если в Москве кричали: Вставь зимние рамы! – а в Калуге: Эй ты, продай очки! то здесь говорят: Малый, неужели ты и в самом деле в очках? Путешествие не обошлось без приключений. Попав на Тихонову Пустынь, я пропустил три поезда, ибо билетов не давали, т.к. не было мест. В конце концов, билетерша начала меня презирать, и я решил, как и все нормальные пассажиры ехать на крыше или на подножке. На подножки нас не пустили инвалиды, предупредивши: плацкарты заняты. С крыши согнал железно-

дорожный милиционер. И мы пошли пешком к Сергиеву скиту и далее, втайне надеясь дойти таким образом и до Кудринской. Один из нас нёс котомку со всяческими книгами, а другой, как сумасшедший, шарил у насыпи, собирая ягоды. У километрового столба мы менялись местами и ели ягоды. На Сергиевом скиту (тоже «святое место») мы опять же постились, питаюсь только ягодами прямо на корню. Затем мы благополучно сели в товарняк, столь же благополучно, «скрепя сердцем», промчались мимо Кудринской. Я уже размышлял, куда пойти в Киеве, когда поезд остановился у Сухинич. Оттуда 22 километра мы прошли пешком. Сейчас Димка в Торхове ловит в бучках (маленькая глубокая лужа) мельчайшую рыбку, а я в Мещовске, обременённый любовью и заботами моей милой доброй бабушки. Ответа не жду, сам скоро приеду.

Всего хорошего. Валя.

Валя снова на коне – перед поездкой в Мещовск он обзавелся новыми очками, снова есть, что терять.

Торхово – родное село отца Вали Дмитрия Матвеевича.

21

Калуга, ул. 1905 года, д. № 61, кв.1, Вадиму Прохоркину
п/о Ям, Подольского р-на, Москов. обл., шк.памяти Ленина,
Берестов

Вадим! 9. VIII. 45 г.

У меня самая большая радость, о которой я только мечтал. Папа прислал мне письмо. Он пишет, что теперь имеет возможность прочно и навсегда связаться с нами и что он скоро приедет, а поэтому просит писать по адресу его брата, куда он сначала заедет. Он жив и здоров. Пока не пишет, где он был и где сейчас находится. Письмо датировано 22 июня этого года. Его переслали мне из Ташкента. Теперь я никому не завидую – у меня тоже

есть отец. Мне кажется, что я самый счастливый человек во всей стране. Маме я отправил срочную телеграмму и открытку, папино письмо перешлю позже. Зайди к ней, когда вернешься из лагеря и напиши мне, как она теперь. Я сейчас дежурю в поле. Папино письмо было настолько неожиданным и невозможным для меня событием, что я и сейчас не могу опомниться.

22

*Калуга, ул.1905 года, д.№ 61, кв.1, Вадиму Прохоркину
п/о Ям, Подольского р-на, Московской обл. школа памяти Ленина. Берестов*

21. VIII. 45 г. Вадим!

Уже известен адрес моего папы. Он находится в городе Торгау, в том самом городе, где, как ты знаешь, наши войска встретились с американцами. Я уже пишу ему письма.

Недавно мы с Димкой были в Тушине на авиационном параде, кот. не состоялся. Место, где мы были, по-своему красиво. Оно находится между двумя насыпями, с одной стороны – железнодорожная, над которой виден авиационный флаг (рядом аэродром), с другой – канал Москва – Волга. По ночам огни канала освещают комнату, где мы ночевали. Сначала светило солнце и дул ветер. К аэродрому мчались машины. Один за другим по насыпи проходили поезда. Приближался час начала парада. Женщина, у кот. мы остановились – агроном на фабрике шитых ремней. Мы сидели на насыпи около этой фабрики и ждали. И вдруг начался дождь. Со стороны аэродрома промчалась первая машина, за ней другая, третья – это было в час дня. Мы ждали до 5 часов, но поток машин всё тянулся в Москву. А в это время с аэродрома пускали большие цветные шары. В пять часов мы с Димкой пошли в Москву, обгоняя одну за другой грузовые, легковые и всякие прочие машины, на кот. сидели насквозь про-

мокшие люди, держа в руках большие красивые шары или выжимая рубашки. А сзади поднимались в воздух ракеты. Дождь всё продолжался. Ну, вот пока и всё. Пиши!

Валя

23

*Калуга, ул. 1905 года. Д.№ 61, кв.1
Вадиму Прохоркину
П/о Ям, Подольского р-на, Московской обл.
Шк. Имени В.И.Ленина.
В. Берестов*

15 окт. 1945 г. Вадим!

Ты, брат, не сердчай, что писем нет: время такое. Я и в Москве, можно сказать, не был со дня твоего отъезда. Ездил только по делам, возил всякие пальто, ботинки, галоши со склада в интернат. Убирали картошку и все другие овощи. И сейчас еще работы на целую неделю: капуста, свёкла, лежащая под снегом на огороде и т.д. Недавно болел и потому выспался. Смогу нормально заниматься, о чем давно мечтал. Сознание того, что настоящая, серьезная университетская работа не за горами заставляет читать, читать и читать. Сколько нужно знать! Сколько нужно прочесть! Берега нетронутые. И читать так, чтобы даром не пропало, чтобы всё оставляло в памяти осязаемый след. Решил, что сейчас надо читать вширь и немножко вглубь, т.е. читать по разным вопросам, узнавать новое, но с каждой книгой увеличивать все другие знания. С сегодняшнего дня занимаюсь систематически стараясь не пропустить в пустую ни часа.

Сейчас в Москве открылся мавзолей Ленина. Длинная вереница людей, в любую погодудвигающаяся по площади, придают ей еще большую строгость и красоту. Кремль стал белым, а на куполах открыли позолоту. Многие дома приводят в порядок. Москва всё хорошеет.

У Рины Зеленой я не бывал с тех пор, как ты уехал. Тебе повезло, Вадим. Ты увидел настоящего, замечательного, талантливого человека. Она любит повторять слова Толстого: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Но я думаю, что ты до сих пор не забыл её, и будешь помнить такой, какой она есть.

Говоря о добром деле, нельзя не вспомнить Чемоданова.

*Давно ли он над нами возвышался!
Где он теперь? От памяти его
Один лишь веник горестный остался,
В журнале – кол, и больше ничего.*

После твоего отъезда он несколько раз посетил десятый класс. Сидел он на задней парте, голову свою школьной премудростью не затруднял, и, главным образом, глядел в спину впереди сидящей девицы. Когда он пришел к выводу, что у неё мужицкая спина, делать ему в классе было нечего, и он исчез. Перед исчезновением он преподнес классу веник. Девочка, с которой я познакомил тебя на крыльце, и которую зовут Люся, теперь наш классный организатор и, кроме того, интернатский староста. Она передает тебе привет. Мишка Шишов, кот. шел с нами к дому Ленина, – в Ленинграде. Вадим № 2, настолько забавен, что о нем стоит написать целое письмо. Он тоже тебя приветствует.

Привет маме, бабушке, Виталику, Эллочке, Анатолию, всем Валентинам, Фатычу.

Жму и т.д. Твой В. Берестов.

*Чемоданов Слава, Люся, Миша Шишов, Вадим № 2 – интерна-
товские товарищи Вали, с которыми он познакомил меня в Ле-
нинских горках. Моя встреча с Риной Васильевной Зелёной опи-
сана выше.*

*Калуга, ул.1905 года, д.№ 61, кв.1, Вадиму Прохоркину
п/о Ям, Подольского района, Моск. Обл. Школа памяти Ленина,
Берестов*

Дата отправления по штемпелю 16-XI-45

Привет, Вадимус!

Спасибо за письмо. Я тоже, как и ты, собирался записывать свои воспоминания в форме дневника. Это верный путь. Потом, основываясь на этом дневнике, можно написать что-нибудь интересное. Пиши! К жизни своей нужно относиться с интересом, извлекать из неё уроки, обдумывать её – всё это создает характер и формирует ум.

У нас тут бы снег; потом его слизал туман, запели петухи, запахло весной. Зимой я почти насытился и потому противно знать, что вот-вот снова начнется эта кутерьма с первым снегом, морозами и льдами.

Сейчас рубим капусту. Первого будет торжество: нарежем уток, испечём пирог и запируем на просторе. Это будет день урожая.

Снова был в Москве. Время провёл хорошо. Учусь плохо-вато. Почему-то по физике – 3, по химии – 4, по математике и то и другое, зато сочинение моё читалось в классе, и наш литератор накал на него огромную рецензию, что меня всё-таки мало радует. Сегодня проснулся в 4 утра, встал в 5, готовлюсь к контрольной по алгебре. Туго нам приходится: завтра опять контрольная и сочинение.

Чемоданов, о кот. я тебе писал, действительно, Слава. Вадим тебе сам напишет. Люся приветствует тебя. Димка – тоже. Я тоже приветствую тебя и всю семью.

Твой Валя

*Калуга, ул.1905 года, д.№ 61, кв.1, Вадиму Прохоркину
п/о Ям, Подольского р-на, Московской обл. Шк. Памяти Ленина,
В. Берестов
На открытке нет ни почтовых штемпелей, ни даты, когда она
написана.*

Приветствую тебя, Вадим.

И поздравляю с приездом папы. Теперь мы оба в одинаковой мере счастливы: дождались!

А я, знаешь ли, рассчитал, что до конца ученья осталось три месяца, и решил всю энергию переключить на занятия и, таким образом, у меня появилось больше шансов получить медаль и те блага, кот. с нею связаны: безмятежный отдых летом, свободное поступление в любой ВУЗ и т.д.

Недавно в школе был вечер медалистов. Я сочинил для них глупенький, но чувствительный экспромт, всеми одобренный. Оба преподавателя литературы пожали мне руку и сказали, что я – «лицейский мудрец» и весьма польстили мне, прибавив, что из меня выйдет если не Пушкин, то что-нибудь вроде.

День выборов провёл празднично и безалаберно. Ей-богу, это был хороший день, и в нём было что-то такое... Мороз. С самого раннего утра во всех деревнях освещены окна домов, люди едут на подводах, на грузовиках, становятся в очередь у избирательного участка, согреваются пляской, старики важно поздравляют друг друга с праздником, всё чинно, вежливо, с улыбкой. Днём сидел в изб.участке и разговаривал с членами комиссии. Они ждали не проголосовавшего. Это был милиционер, отправившийся расследовать обстоятельства кражи в отдаленной деревне. Участок весь сияет от зелени, от малинового сукна на столах, от солнечных лучей, до всего дотрагивающихся. Вечером окна участка сияли, прожектор освещал

вход. А в окне разбросанное по столу домино и усталые люди.

Пиши! Скорее! Жду!

Мой отец был демобилизован 23 января 1946 года. Из Бухареста, последнего места службы, он выехал в Одессу, а оттуда добирался до Калуги в переполненных демобилизованными воинами поездах. Этой новостью я сразу же поделился с Валей. Выборы в Верховный Совет СССР, о которых упоминает Валя, проходили 10 февраля 1946 года, следовательно, открытка была им написана вскоре после этой даты. Поскольку на открытке отсутствуют почтовые штемпели, можно предположить, что Валя отправил её с оказией.

19 марта 46 г. Вадим, Дружище!

Обстоятельства сложились так, что я не смогу приехать в Калугу. Подробности узнаешь у моих родных. Я не писал тебе, т.к. имел какое-то глупое оправдание: мысль о скорой встрече с тобой.

Знаешь что, давай писать друг другу интересные письма. Мы оба уже стали достаточно интересными людьми для этого. Мы можем позволить себе такую роскошь. Советую тебе и себе самому описывать в письме друг к другу суть нашей жизни хотя бы в течение недели, всю остроту момента, все новое к чему мы пришли, и все ценное, что с нами происходит. О многом не надо писать, но надо писать так, чтобы чувствовалось и это «многое». Попытаюсь дать образец такого письма, а дальше мы будем свободно и непринужденно разрабатывать все это.

Последние дни в результате многочисленных размышлений над вольными темами классных сочинений, вспоминается то, что со мною было, и, раздумывая о будущем, я пришел к ряду

довольно ясных взглядов: «рабочих теорий». Я, наконец, ясно осознал, что со мной и многими из нас происходит в нашем возрасте. Дело в том, что наша судьба вручается нам в собственные руки. Мы должны приобретать и схватывать не только знания, но, главное, умение, мы должны приобрести известную гибкость, т. е. когда нам предоставляется возможность узнать что-нибудь новое, побыть с интересным человеком, просто не потерять, например, прекрасный летний вечер, чтобы ничто не проходило мимо сознания, нужно максимально воспользоваться этой возможностью и всякой оказией и не давать себе поблажек. Нужно учиться отовсюду и пить из всех источников.

Согласно новейшей научной теории энергия возобновляется и расходуется не равномерно и даже не волнами, а порциями, импульсами. Если вглядываться в политику нашей страны и партии, видишь как бы резкие скачки, изменяющиеся направления удара. В этом молодость нашей страны, а молодость всегда штурмует и штурмует небо. К чему я это говорю? Я говорю это потому, что мне совершенно ясно, как надо работать сейчас. Вот таким штурмом. Расскажу о себе. Ближайшая моя цель – медаль, отдаленная – Ленинград, филфак, и самая дальняя и в тоже время самая близкая, определяющая всю мою жизнь – литературная работа. Сейчас мне нужно готовиться к испытаниям и не систематически по билету в день, но за неделю решив сотни задач, умело пользуясь всеми учебниками и пособиями, овладеть данным предметом, овладеть основным методом и орудовать им дальше по своей воле. Неделя – на математику, неделя на историю, неделю, хотя бы, на марксизм-ленинизм, неделю на Льва Толстого, коснувшись которого ты найдешь много нужного и родственного тебе. Не только Лев Толстой, может другой писатель, критик, ученый, любой предмет, все, над чем ты будешь так агрессивно работать, принесет нужные плоды. Нужно учиться не для того только, чтобы удерживать свои знания в памяти, просто учиться умело применять их, обновлять

их и возобновлять, нужно сделать свою память гибкой и упругой, соединив ее с воображением и опытом. Нужно так укладывать в голову и схватывать свои знания, чтобы они бились трепетными пружинками, когда ты их позовешь. Читал книгу, разговаривал, слушал, или разбирал чтение чужих мыслей, нужно иметь свой противоток, чтобы мысли эти его обогащали.

Жизнь наша становится все более и более интересной, интересные люди растут как грибы. Жить бы да жить! Нужно и самим нам становится все более интересными и значительными, нужно учиться, как говорит наш литератор, волевым движениям, нужно учиться умению, мастерству, методу.

Чтобы не повторяться, кончаю письмо. У нас погода сейчас расчудесная, днем тает, синие тени, воздух все такой же легкий, все еще не остыл.

Привет твоему папе.

Зайди к моим родным, поговори с ними, скажи, чтобы не огорчались. Буду писать им – и много.

Валя.

«Ближайшая моя цель – медаль, отдаленная – Ленинград, филфак, и самая дальняя и в тоже время самая близкая, определяющая всю мою жизнь – литературная работа».

В качестве отдаленной цели в семье Берестовых назывался литературный институт, но никогда не упоминался истфак. Это письмо в какой-то мере перекликается со стихотворением «Восемнадцать лет».

27

4. V. 46. Горки-Ленинские.

Вадимище! Приветствую тебя. С Первым мая, друг мой!

Рад, что ты посещаешь моих родителей. Они рады тебе! Хочу написать тебе основательное письмо, но учебных дней осталось всего 9. За спиной 10 лет учебы. Но как сказал Маршак:

*Долгое время – не время,
Если оно миновало.*

В эти дни решается моя судьба. Почему же я так легкомысленен? Почему пляшу на вулкане? И чем меньше занимаюсь, тем больше уверенности, что получу медаль. Человек – существо довольно стадное, смею тебя заверить.

Тебе исполнилось восемнадцать лет. Чувствуешь, что это так? Пиши мне почаще, т. к. от этой счастливой поры останутся только наши письма, несколько воспоминаний и, наверное, еще что-нибудь неопределенно-приятное.

Впервые в жизни в день Первого мая я видел наших вождей. Сталина, к сожалению, в это время не было. Демонстрация была похожа на народное гуляние. Высокий Рокоссовский, подтянутый, весь в орденах, внимательно глядел в толпу, Микоян махал шляпой, Каганович вытирал пот, Жуков сначала, отвернувшись, курил, а потом улыбался и отдавал честь, маршалы и генералы живописно расположились на правом крыле мавзолея. По площади с поднятыми к ним головами, плыла толпа, и было так тесно, что я не решался кричать «ура», чтобы не оглушить соседей.

В четыре часа утра я разговаривал с подвыпившими чешскими офицерами о чешской литературе. Расскажу о них особо, когда приеду, а когда приеду, сейчас не могу сказать наверняка. Конечно, пробуду в Калуге больше месяца.

Кончаю письмо. Пиши чаще. Мне станет стыдно, и я тоже буду писать.

Привет всем! Всем! Всем!

Валя.

«Пиши мне почаще, т.к. от этой счастливой поры останутся только наши письма, несколько воспоминаний и, наверное, еще что-нибудь неопределенно-приятное».

Для нас это была действительно счастливая пора – ведь нам исполнилось по восемнадцать лет, и вся жизнь была впереди. Да, Валя был счастлив. Окончилась война, Валин отец вернулся из концлагеря. Валя оканчивал школу уверенным, что ближайшая цель будет достигнута. Отдаленная цель стала ближайшей. Через каких-то два с половиной месяца он станет студентом (это случится 22 июля 1946 года, о чем он упоминает в своих воспоминаниях о Всеволоде Пудовкине), и пусть студентом не филфака, и не в Ленинграде, как мечталось, все равно это было движение вперед к самой дальней и заветной цели – литературной работе..

28

*Калуга, ул.Пролетарская, д.№ 82, Вадиму Прохоркину
Москва, Столовый пер., д.№ 6, кв.2, Васильеву для Берестова*

Вадимус! 30. VIII. 46 г.

Ты так и не зашёл со мной попрощаться. Прощаю тебя. С ужасом думаю, что с каждым годом у тебя будет всё больше знакомых девушек, а для меня ты, может быть, еле-еле найдешь немного времени. Но всё это настолько естественно, что роптать не стоит. То ли было шесть лет назад!

Я живу в общежитии. Кроме меня в нём живут еще 3000 человек. Не все в одной комнате. Опять же девушки сами по себе, а мальчики сами по себе. В нашей комнате 8 человек. Где они, не знаю. Пока что в нашей комнате лежат вещи проходящих практику. Ночую на голом матрасе, и понемногу устраиваюсь. Читаю Тургенева.

Учиться буду не 5, а 4 года. Это лучше. Специализируюсь по новой истории. Как это ни странно, человек, который специализируется по новой истории, студент университета и т.д., это – я. Нужно меняться. Нужно приобрести необходимую развязность.

Чтобы не быть мямлей на экзаменах. Представляю себе, как меня хватит столбняк, когда профессор попросит отвечать.

Взрослею, но с трудом. В новом месте у меня, действительно, появилось что-то новое. Попробую разобраться в себе через месяц. А пока, зажмурив глаза, ныряю в студенческую жизнь.

Жму твою добрую лапу. Пиши мне. Зайди к моим родителям.

Я переживал восторги и муки первой любви, и когда встал вопрос: бежать на свидание с любимой девушкой или идти к Берестовым, чтобы попрощаться с Валею, не мог не выбрать первое. Валя – добрая душа – простил меня.

29

*Калуга, ул.Пролетарская, д.№ 82, Прохоркину Вадиму Ивановичу
Москва, ул.Стромынка, д.№ 32, комн.588, Берестов В.*

Вадимус! 27 ноября 1946

Приветствую тебя и желаю тебе всего самого лучшего при условии, если ты будешь мне писать почаще и поинтересней.

Мои новости таковы: 1) Мои стихи приняты в «Смену» и вопрос об их печатании разрешён уже практически. Когда я спрашивал об этом по телефону, мне сказали, что авторский долг исполнен. Я многозначительно кашлянул в трубку, дескать, а как насчёт гонорара, но там повесили трубку.

2) Перед началом сессии (через месяц) и зачётов (скоро) чувствую посасывание совести, такую сосущую боль: ничего не сделал, доклады не написал, запустил латынь и вдобавок устал. Обидно, что первые три месяца учёбы в университете я кончу тупой школьной заботой – лишь бы сдать.

3) Всё, что относится к археологии, действует на меня оздоравливающим образом. Летом я поеду на практику под Смоленск. Уговорились с кое-кем добраться до истоков Днепра. Мои мечты о путешествиях близятся к исполнению.

Как твои дела, старый дружище?

Пиши и кланяйся всем твоим. Витальянца я не посетил, т.к. Чуковский уже в Москве.

Твой В. Берестов

Смысл фразы «Витальянца я не посетил, т.к. Чуковский уже в Москве» пояснить не могу, поскольку не знаю (или забыл), кто такой Витальянец. Можно было бы предположить, что Витальянец – мой брат Виталик, которому в то время было семь лет. Но почему Валя должен был его посетить?

30

*г.Калуга, ул.Пролетарская, д.№ 82, Прохоркину Вадиму Ивановичу
Москва, Стромынка,32, комн.588, Берестов В.*

17. XII. 46 г. Уважаемый Вадим Иванович!

Получил твоё письмо и надеюсь, что дела твои поправились.

У меня положение такое, что нет слов, чтобы описать его во всей наготе. Я вышел из школы с низкокачественной работоспособностью и подготовкой к вузу. Работа здесь и, вообще, вся университетская атмосфера захватила меня, и школа кажется мне жалкой и почти не вспоминается. В интернат не езжу.

Заниматься бы надо много, но из-за моего неумения, много времени утекло сквозь пальцы.

Недавно была у меня мама, привезла картошек и сливочного масла. Сейчас у меня варится картошка – поем за мамино здоровье.

Впервые видел кремлёвские стены изнутри, был в оружейной палате. От золота, серебра, драгоценных камней до сих пор рябит в глазах. Оружие, троны, короны, мантии, кареты, орденна, художества, изделия – всё это было бы мёртвым грузом, если бы не объясняла женщина-экскурсовод. Чем больше знаешь, тем, видимо, интереснее и веселее жить.

Окна обросли морозным мхом. После кратковременной передышки снова хватил мороз. А на улицах Москвы продают мандарины.

Ну, пиши! Желаю всего самого хорошего!

Твой друг Берестов

Я писал Вале о возникших проблемах в нашей семье и, возможно, по этому поводу он выразил надежду, что мои дела поправились.

31

15. янв. 47 г.

Вадимус!

Ты мне не пишешь. Очень жаль! Мне очень хочется получить от тебя письма. Интересно, что ты увидишь на практике. Будет хорошо, если заведешь дневник.

Вообще, дневник дело стоящее. Человек должен жить всею своей жизнью и изредка должен возвращаться к самому себе, к своим планам, намерениям, желаниям, оценкам, ко всему, что он не может нигде найти, кроме как у себя.

И Жданов в своем докладе говорит о самосовершенствовании советского человека, о необходимости подводить итоги каждого дня.

В таком случае человек может сделать себя гибким, глубоким и многосторонним. Смотри на дневник как на вещь, которая обязательно пригодится в будущем, и ты поймешь, как надо писать его.

Хотелось сказать что-нибудь в этом роде и о письмах, но ты сочтешь это еще одним камнем в твой огород.

Сдаю экзамены: логику на 5, археологию на 4. Не особенно огорчен! Ну, получил бы пять, и ничего бы не было, а сейчас я обдумываю все это, яснее вижу, и к тому же я оценил нашего профессора. Это очень добрый человек и поэт своего дела. Летом поеду с ним под Смоленск.

Читал немного, но книги возвращают к жизни и потом перед экзаменом обычно такое состояние, такое сознание необходимости сдать его и наполнить голову разнообразными сведениями, что можно горы сдвинуть. Реакция наступает после.

Боюсь, что я слишком окупился в книги и становлюсь скучным и неинтересным человеком, а это очень плохо. Стараюсь острить, напропалую вести разговоры с девушками (это вдохновляет) и т. д.

Общий наш недостаток – отсутствие культуры, культуры в работе, в одежде, в разговоре, в образе жизни и в образе мыслей, в распределении времени, в чтении книг и изучении наук, культуры поведения – всего того, что освобождает от лишних движений, лишних неприятностей, лишней траты времени. Причем культура, великая культура – вещь которую надо поддерживать и возобновлять. (Между прочим, отвечать на письма – это тоже культура). Бороться за культуру нужно все время и, в особенности, в наши лета.

Я сознаю этот недостаток очень глубоко, но сознавать мало, нужно делать.

Чем дальше, тем скорей схлынет все, что связано просто с возрастом, вдохновение, мечты, представления о неограниченных возможностях в будущем и останется только то, что человек завоевал.

Ну вот, какое я тебе настроил письмо! Пиши, не ленись!

Твой В. Берестов.

Привет всем! Всем! Всем!

«Интересно, что ты увидишь на практике». На практике я был в Вологде. Там запомнился Софийский собор, деревянные тротуары и непролазная грязь на окраинных улицах.

Будет хорошо, если заведешь дневник. Валя знал, что с 1941 года я веду дневник, но, видимо, забыл.

«...Я оценил нашего профессора. Это очень добрый человек и поэт своего дела. Летом поеду с ним под Смоленск». Валя пишет

о профессоре Сергее Павловиче Толстове (см. воспоминания Вали «С.П. Толстов (Шеф)»).

32

г.Калуга, ул.Пролетарская, д.№ 82.
Вадиму Ивановичу Прохоркину
Москва, ул.Стромынка, д.№ 32, к.588
Берестов

Ура!!! 9. I. 47 г.

Первый экзамен (логику) сдал на отлично, хочется действовать в том же духе.

В школе на вечере получил золотую медаль. Очень обидно, что с тобой не встречаюсь. Думаю, что надо нажать на переписку.

Новый год встретил хорошо, как никогда в жизни.

К экзамену готовился у себя в интернате. Разумеется, больше отдыхал. Успел прочесть кроме учебников две книги: Пришвин «Неодетая весна» (очень понравилась, так и потянуло в леса) и «Афоризмы житейской мудрости» Шопенгауэра (прекрасно написано, основной принцип неверен – «жизнь такова, что лучше, чтоб её не было, высшее благо – одиночество», самый тон – презрение к людям, к «толпе» неприятен, глупостей много, но есть и умные вещи о детстве, о возрастах, о вежливости, о значении каждого дня жизни).

Давай обмениваться мнениями о книгах.

Сейчас во время экзаменов очень сдружилась и наша комната, и наша группа. Очень чутко относимся друг к другу.

Ну, желаю успеха!

Отвечай сразу же, как делаю (с 1947 г.) я.

Твой В.Б.

33

г.Калуга, ул.Пролетарская, д.№ 82, Вадиму Ивановичу Прохоркину
Москва, Стромынка, д.32, комн.588, В. Берестов

Вадимус! 21. II. 47 г.

Ты будешь свиньей, если сразу же мне не ответишь на это письмо.

Я живу довольно хорошо. Сейчас еду слушать лекцию Тарле, вечером иду в театр. В воскресенье был в Коломенском. Там служил патриарх Алексей. Музей там поразительный, пейзаж необыкновенный. Теперь мы каждый выходной день будем ездить по Подмосковию. Там со мною произошло забавное происшествие. Представь себе зимний ясный день, мороз и в то же время ласкающий, напоминающий о весне свет солнца. Мы идём по раскатанной дороге и беседуем, нас трое. Вдруг над моим плечом показывается четвёртый: морда лошади. Одновременно ощущаю удар оглоблей в лопатку. Падаю наискось, чтобы не попасть под сани головой и в тоже мгновение отбрасываю ноги. В санях сидят, разговаривают трое солдат, представив лошади самой разбираться, что и как. Узнав, что пострадал я, а не девушки, шедшие со мной, они успокоились и дали в честь девушек салют из ружей. С тех пор мозги мои странным образом стали на место, и я делю свою жизнь на два периода: 1) до и 2) после встречи с лошадьёю. Так я стал взрослым.

Привет тебе. Пиши!

Академик, лауреат Сталинской премии профессор МГУ Тарле Евгений Викторович считался одним из авторитетнейших историков СССР.

Совсем недавно Валя писал мне о своих опасениях, что из-за знакомых девушек у меня для него не останется времени. Однако, как видно из писем, он тоже не чурался общения с прекрасным полом.

г. Калуга, ул. Пролетарская, д. №82, Вадиму Прохоркину
Москва, ул. Стромынка, д. №32, комн. 588, В. Берестов

24. II. 47. Вадимус!

Я уже написал тебе одну открытку. Знаешь, что я хочу тебе предложить, чтобы оживить переписку: напиши просто и обстоятельно, но без незначительных подробностей, как прошёл тот день, когда ты получишь мою открытку, что ты делал, с кем встречался, что думал, что читал, что видел. А я в свою очередь напишу тебе, что было со мной, как прошёл день, сколько времени потрачено на те или другие дела.

Был в этом году уже три раза в Худ. театре на «Школе злословья» (с папой), на «Иване Грозном» Ал. Толстого, и на «Пушкине» Булгакова. Можешь себе представить, как я счастлив.

Итак: пиши!

Твой В. Берестов

P.S. Ты обратил внимание, какой у меня почерк! Это моя гордость!

Валя стал театралом:

*Подумайте, друзья, как я богат.
В кармане у меня билет во МХАТ.
А на билет в трамвай финансов нет.
Шагай, поэт!*

Предложение Вали описывать тот день, в который было получено его очередное письмо, было принято мною к исполнению.

г. Калуга, ул. Пролетарская, д. № 82, Прохоркину Вадиму
Москва, ул. Стромынка, д. № 32, комн. 588, В. Берестов

Вадимус! 27. III. 47 г.

Получил твою открытку. Излагаю события вчерашнего дня. Отсидев три лекции, я отправился фотографироваться, а потом – в «Огонёк» к Суркову. В приёмной разговаривал с прекрасной женщиной, его секретарём. Я в кабинете Суркова. Он сидит, что-то быстро пишет. Нервно подёргивается щека. Поднимает голову: я вас слушаю, товарищ Берестов. Я подаю ему стихи. Он внимательно проглядывает и говорит, нажимая на «о»: Товарищ Берестов, я возьму эти стихи и поколдую над ними один. Тут уже есть стихи о весне, которые можно сразу послать в Литературный отдел. Если есть какие недотяги, я вам скажу. Позвоните в понедельник. Мы вместе едем в машине. А кругом весенняя Москва с чёрными ручьями. Небо проясняется. Над облаком – месяц. Сурков рассказывает, как он в 41-ом проезжал через Калугу. Мы прощаемся.

Был на концерте в Большом зале консерватории, слушал пианиста Софроницкого. Был я очень усталым и слушал поверхностно, внимание скользило по звукам.

Прочёл в «Огоньке» статью академика Штерн о долголетию. Главное – мозг, его нужно тренировать и держать в активном состоянии, затем – ритм, режим и питание. Читаю Оскара Уайльда и Пушкина. Вижу, что нельзя уныло размышлять о несовершенстве жизни, нужно делать, действовать и чувствовать себя в какой-то мере актёром, чуть играть.

Пиши мне. Давай описывать друг другу наши дни и дальше.

Твой Валя

Штерн Лина Соломоновна, первая женщина-академик, заведующая кафедрой физиологии 2-го Московского мединститута, одновременно директор Института физиологии АН СССР.

26. V. 47 г. Милейший Вадимус!

Мы в одинаковом положении: готовимся к экзаменам, писать некогда. Конечно, можно выбрать минутку, чтобы написать несколько строк, но, я думаю, что лучше всего писать, когда есть чем поделиться. А чем я сейчас могу поделиться с тобой кроме страхов перед предстоящей сессией, усталостью от зубрежки и сетования на себя за то, что не занимался как надо в году! Этого у тебя и у самого хватает. Одна надежда: что бы там не случилось, через месяц все это будет кончено, и можно будет жить в свое удовольствие.

Вчера пировал у известного тебе Вадима Лимонова. Он очень похож на того птенца, которым ты его видел, но уже не такой желторотый. Все его хорошие качества остались при нем, исчезла лишь навязчивость, с которой он обнаруживал эти качества.

Разговорился я с одной студенткой нашего факультета Вале́й Покровской, очень наивной и восторженной калужанкой, которая горячо поддерживает мои планы на летнее путешествие вокруг Калуги.

Встречаю Софью Гусарову. Она жалуется, что какие-то обстоятельства омрачили ваше прежнее взаимопонимание.

Желаю удачи! Не забывай, что наша воля очень влияет на то течение обстоятельств, которое именуют удачей.

Валя.

Я в это время работал над дипломом и готовился к госэкзаменам. По окончании техникума я получу направление на работу в Москву.

«Вчера пировал у известного тебе Вадима Лимонова». Кажется, это тот самый Ва́лин одноклассник по школе-интернату в Горках, которого мы называли Вадим №2.

Софья Гусарова (Жижина) тоже училась в МГУ на филологическом факультете курсом старше.

Вадим, дружище!

Поздравляем друг друга с окончанием экзаменов. На последнем экзамене я отвечал как оракул по воле богов т.к. билета не знал. Верные догадки и истинный интерес к вопросу спасли меня – профессор поставил пятерку.

Теперь – Ленинград? (Ирония судьбы, хотел почитать! Не получилось) Между мной и Ленинградом не только дорога, но и запутанные формальности, хлопоты и безденежье. Зато в экспедиции я заработаю 900 рублей. Лучшие мои товарищи со мной.

Видел фильм «Где моя дочь?», видимо австрийский о создании оперы «Паяцы», фильм весь переливается, полон грации. Мне понравилось.

Ты должен перед отъездом зайти ко мне и уверить их, что обо мне беспокоиться нечего, особенно подчеркнув материальные выгоды экспедиции. Я смотрю на оставшееся пустое пространство открытки и не знаю, чем его закончить. Неужели тем; что ясно и без слов? Я желаю, чтобы это лето было лучшим летом в твоей жизни (до 19 лет) и чтобы открывало собой все новое, лучшие неожиданные события, людей и книги. Пусть попутный ветер дует в твои паруса, но и сам не ленись братья за весла. Привет всем твоим родным. Ты должен огласить мой привет и пожелания им, когда все вернуться с огорода вечером.

До свидания! Валя. 27 июня 47 г.

«Ты должен перед отъездом зайти ко мне и уверить их, что обо мне беспокоиться нечего». Я заканчивал учебу в техникуме и, очевидно, уже получил направление на работу в Москву, о чём сообщил Вале, иначе, откуда бы ему было известно, что мне предстоит отъезд.

Калуга, ул.Пролетарская, д.№ 82, Вадиму Ивановичу Прохоркину
Москва, ул.Стромынка, д.№ 32, комн.588,В. Берестов
Часть текста залито чернилами и не поддается прочтению

12. XII. 48. Здравствуй, Вадим!

Спасибо за письмо. Пиши мне чаще. Через день после Нового года увидимся – я приеду готовиться к экзаменам по советской литературе. Занимаюсь французским языком, древнегреческим языком, докладом о Монтескье, политинформациями, отчасти – литературой. Кончил доклад «Антанта» и чехословацкий мятеж». Получил в семинаре С.П.Толстого, открывшего древний Хорезм тему: «Живопись древнего Хорезма». В будущем году еду в Среднюю Азию.

Живу, как дрессированная лошадь, питаюсь сахаром и (не читается) икой. Чувствую себя хоро...(не читается) на месте, вбит в свою (не читается), как гвоздь. Очень жаль, (не читается) тебя нескладно получается (не читается) может быть, можно как-нибудь (не читается) ть? Привет от Сони Жижиной.

Твой Валя Берестов

В Москве я проработал с августа 1947 по август 1948 года. Мы снова стали с Валею переписываться.

6. II. 49 Милый Вадим!

Неделю я провел в Ленинграде. Его красота наполовину выморожена: Летний сад пустой и в снегу, стоит в стороне, Нева – гладкий белый пустырь, Марсово поле – ледяное болото. И все же очень красиво. По городу бродил рано утром и поздно вечером – весь день работал в этнографическом музее, созер-

чая идиолов, размышляя о первобытном мышлении, о возникновении искусства, в реставрационной мастерской пачкаясь – в гипсе и вате, рассматривал и описывал прекрасные женские лица, цветы и орнаменты, нарисованные на глиняных стенах Хорезмского дворца III века. Я пишу доклад «Живопись древнего Хорезма».

Видел салют в честь пятой годовщины провала блокады Ленинграда. Ракеты из Петропавловской крепости летели прямо в толпу, было очень весело. Трамваи шли с красными флажками. На Дворцовой площади, переполненной народом, были танцы (только бальные) вокруг Александровского столпа.

Был в Эрмитаже, где очень устал от обилия картин и статуй. Слушал «Хованщину», «Фауста», 57 симфонию Чайковского.

По уши влез в свою науку. Даже, если влюблюсь, это будет не «роман», а что-нибудь научно-фантастическое или научно-популярное.

Шахматный привет строителям. Привет всей твоей семье.

Пиши. Твой Валя.

«По уши влез в науку. Даже, если влюблюсь, это будет не «роман», а что-нибудь научно-фантастическое или научно-популярное».
Не тогда ли зародился замысел лирико-фантастической повести «Меня приглашают на Марс» с Лилей Мезенцевой, в которую «влюбиться – значит все испортить и потерять её дружбу».

Ниже привожу тексты моих писем к Валентину 1943-1946 годов, которые Марина после их обнаружении в бумагах отца передала на хранение в РГАЛИ, и копии которых были мною получены из архива в августе 2016 года. К некоторым письмам даны пояснения (исполнены курсивом).

1

*Узбекс.ССР, г.Ташкент ул.Шахризадская, д. № 104
Берестову Валентину
Ст.Защита Томск.жд. дом НКПС, кв.4
Прохоркин Вадим*

12/III-43 г. Ст.Защита Здравствуй, Валя!!!

Получил твое письмо из новой квартиры. Недавно я послал тебе ответ на твое письмо и открытку в детский дом. Я жив и здоров, вполне хорошо себя чувствую. Наш папа советует ехать в Калугу. Мама уже написала в Тулу о выдаче нам пропуска для проезда в Калугу. Папа тоже написал в Тулу: его все-таки там знают, он там работал. Папа сейчас находится за Доном. Виталик и Элочка тоже хорошо себя чувствуют, только Виталик стал очень хулиганистый. Недавно получил письмо от В.Клевцова. Стало хуже с питанием. Смотрел кинокартину «Три мушкетера» и др. Прочитал книгу «Поезд в броню» и «В тени электрического стула». Обе книги очень интересные. Передай привет своей маме.

Пока до свиданья. Пиши ответ. Остаюсь твой друг Вадим.

P.S. Очень прошу тебя напиши мне какой-нибудь стих своего сочинения.

В. Прохоркин

В годы войны для некоторых городов был установлен чрезвычайный правовой режим, согласно которому для лиц, не зарегистрированных в городе, устанавливался въезд по пропускам, за

исключением командированных по распоряжению наркоматов и ведомств. По-видимому, Калуга входила в число таких городов.

2

*г.Ташкент, ул Шахризадская, д. № 104
Берестову Валентину
Ст.Защита Том.жд. дом НКПС № 20 кв. 4
Прохоркин*

20/VI Здравствуй, Валя!!!

Не дожидаясь ответа, пишу еще открытку. Первую я послал 3/VI-43 г. Уж не случилось ли чего-нибудь?

Я сейчас поступил на работу на лето. Испытания в школе сдал на отлично.

Сейчас встал передо мной трудный вопрос: что делать дальше? Я хочу учиться в 8 классе, а мама говорит, иди в техникум. Валя, жду от тебя твоего совета. И не только меня мучает вопрос об учебе, но и о том, что после учебы. Я хочу стать военным, и если позволит здоровье, то пойду во флот.

Посмотрел кинокартины «Актриса» и «Петр I» 1-ую серию. Прочитал книгу Луи Арагона «Базельские колокола». Мама записалась в библиотеку. Теперь я с книгами.

Пиши ответ. Привет всем.

Твой друг Вадим.

С 16 июня и по 2 сентября 1943 г. я и мой товарищ Коля Лоскутов (бывший одноклассник Вали) работали в мастерских 27-й дистанции пути ст.Защита Томской ж.д., о чем я упоминаю в воспоминаниях.

27/IX-43 г. Здравствуй, Валя!

Наконец мы в Калуге. Выехали по вызову маме. Ехали 16 суток в товарном вагоне без нар и без печки. В нашей квартире в обеих комнатах живут по семье. Сейчас временно находимся у маминой знакомой. У мамы много хлопот о квартире и о других делах. Последнее письмо я получил от твоей мамы, где она пишет, что ты в санатории. Когда дойдет это письмо до тебя, ты, наверное, уже будешь дома. Калуга чувствует себя по-старому. Разрушения против других освобожденных городов незначительны. Был несколько раз у В.Клевцова. Вчера на его велосипеде научился кататься. Был в Центральном кино, смотрел кинокартину «Мужество». При немцах в Центральном показывали кино только для немцев. Валентин К. работает токарем. От театра остались одни развалины. Почта и часть гостиницы также разрушены. На улицах везде баррикады из бревен и противотанковые заграждения. Ленинский скверик цветет по-прежнему. Бывший ГУМ и «Детский мир» разрушены. Я хочу поступать в механический техникум.

Пиши ответ. Остаюсь твой друг Вадим.

Валя Клевцов рассказывал, что во время оккупации Калуги, в их доме жили немецкие солдаты. К Клевцовым относились сносно, но, не стесняясь хозяев дома, видимо, за людей их не считали, вслух портили воздух. У немцев он и украл велосипед. Разбираться с пропажей велосипеда немцам было некогда – к Калуге уже подходили советские войска.

г.Ташкент, ул Шахризядская, д. № 104

Берестову Валентину

г.Калуга Тул.обл. ул 1905 года, дом 61 кв.1

Прохоркин В.И.

Калуга. 11-III-44 г. Здравствуй, друг Валя!!!

(Как видишь у меня уже вошло в привычку ставить три восклицательных знака). Наконец, после более полугодового молчания получил от тебя долгожданное письмо. Я уже думал-предумал всякое. Может, думаю, ты уже в Калуге и пишешь мне в Защиту, не зная, что мы уже здесь – тоже в Калуге. Или, думаю, ты переехал на другую квартиру, а я пишу по старому адресу, и ты не знаешь, что я уже в Калуге. Ну, в общем, всякое думал. И тут вдруг ... бац! письмо от тебя. Конечно, обрадовался сильно, ну, думаю, сейчас же ответ напишу. И, как на зло, отключили электричество. До этого горело и вдруг не горит (хотя это уже не в первый раз). Вот и пришлось сегодня ответ писать.

Теперь о Калуге, о погоде, обо всем. Калуга живет по-старому. Идут кино, оперетты (теперь театр в клубе им.Андреева). Я смотрел 2 опер. «Сильва» и «Девушка из Барселоны». Смотрел кинофильмы «Новые похождения бравого солдата Швейка», «Радуга» и др.

Зима была мягкая. Все время было мокро, только два раза были сильные морозы. Да, вот сейчас сильно подморозило.

Учусь в техникуме. Учиться трудновато. У нас три раза в неделю бывает по 8 уроков. Изредка рисую. Но зато читаю запоем. Прочитал много книг, например такие: «Записки Пиквинского клуба», «Тихий Дон», «Одноэтажная Америка», «Петр I», некоторые книги Перельмана и др.

От папы долго нет писем. Он болел и лежал в госпитале, был ранен легко под глазом. Бабушке стало гораздо хуже, чем рань-

ше. Мама сейчас болеет. Эла и Виталик ходят в детсад. Виталик стал настоящим шарлатаном.

Друзей у меня особенно хороших нет. Иногда бываю у В.Клевцова, Олега почти никогда не вижу.

Валя, к нашей встрече ты должен написать побольше стихов. Если ты будешь жить на Пушкинской, то мы будем с тобой соседями, т.к. Пушкинская и ул.1905 года рядом.

Привет от всех нас. Приезжай скорее. За свое молчание ты должен мне платить ясак письмами.

С приветом. Твой друг.

Валя, приезжай скорее взглянуть на мою физиономию.

Театр оперетты приезжал в Калугу из Тулы. Кроме названных в письме оперетт, я посмотрел еще «Марицу» и «Роз-Мари».

5

П/о Ям Подольского района, Ленинские Горки, Школа памяти Ленина

Берестову Валентину

Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1

Прохоркин В.И.

8-Х-44 г. Здравствуй, Валя!

Сегодня был у твоей мамы. Она велела мне тебя отругать за твое молчание. Пока воздержусь от этого, но хочу напомнить, что когда ты от меня долго не получал писем, то ты начинал писать о моей лени. Так вот, чтобы я не начинал писать о твоей лени, предлагаю тебе почаще мне отвечать. Я думаю, ты примешь этот ультиматум.

Немного о Калуге. Калуга благоустраивается. Уже намечено построить драматический театр вместо разбитого. Ул.Советская и ул.Революции освещены.

Я продолжаю учиться в техникуме, но уже на 2-ом курсе. В учебе не хватает пособий. Хочу воспользоваться некоторыми твоими учебниками (думаю, не возражаешь).

Лето провел так: 2 недели отбывал лагерный сбор (практическое закрепление военного дела); затем 10 дней отдыхал в деревне; остальное время провел по-трудовому.

Ну, всего хорошего. С приветом твой друг Вадим.

P.S. Жду с ответом твою фотокарточку. Скоро получишь мою. Я на днях пойду фотографироваться. В.П.

6

П/о Ям Подольского района, Ленинские Горки, Школа памяти Ленина

Берестову Валентину

Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1

Прохоркин В.И.

13-ХІ-44 г. Здравствуй, Валентин!

Теперь совершенно уверенно могу заявить, что ты лентяй в смысле писать письма, если тут не кроется что-то другое, неизвестное мне. За всё время пребывания в Горках ты не написал мне ни одного письма. Эх, ты, старый товарищ! Ну, думаю, что с тебя хватит этих упреков, а в следующий раз не ограничусь 8-ю строчками.

Живу по-прежнему. Жив и здоров, учусь и пр. Семья в порядке. Папаша пишет. Порядочно читаю, сейчас прочитал Макаренко «Педагогическая поэма». Калуга живет старой жизнью.

Ты, конечно, помнишь Шеленговских. Отец с матерью умерли, «Алена» работает, Мишка – стрелок-радист в морской авиации. Из них я никого еще не видел.

Всего хорошего. Пиши.

Вадим.

П/о Ям Подольского района, Московской обл, Школа памяти
Ленина
Берестову Валентину
Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1
Прохоркин

8-ХІІ-44 г. Здравствуй, Валентин!

Шел с занятий в плохом духе. Потому что знал, что дома нет электричества и ты, конечно, представляешь, какие их этого вытекают последствия (не почитать, т.к. с коптилкой не читаешься, и преждевременное погружение в сон). И вдруг приятный сюрприз. Вообще-то я думаю проводить эти неприятные вечера в читальне при центральной библиотеке. Но сегодня я не жалею, что не пошел туда. Очень огорчен, что ты не приедешь на новый год. Уж я больше полгода ношу в кармане свой паспорт, а ты только собираешься его получить. В члены ВЛКСМ не поступал. Учусь сносно, техникум – это не школа и труднее поддается. Хотя бы взять литературу. За 12 месяцев мы учили наизусть 13 стихотворений и отрывков, из которых отрывок из Евгения Онегина равноценен остальным 12. По правде я на это не жалею.

Виталик считает до 12, а дальше у него идет уже 41 и 19 и проч. Эла не пошла учиться в этот год по прихоти мамы, которая решила, что её дитенко совсем еще неразумное дитя.

На этом кончаю свое повествование. Передай привет Диме.

Вадим.

В письме рисунок, который я назвал «мой внешний вид»

П/о Ям Подольского района, Московской обл, Школа памяти
Ленина
Берестову Валентину
Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1
Прохоркину В.И.

2-ІІ-45 г. Привет!

Очень рад твоему письму. Недавно я послал тебе скучное и немного угрожающее письмо. Да и правда, времени у меня сейчас свободного мало – скоро испытания за I семестр. Хотя я сдаю только одну историю, но зато за курс 8,9,10 классов школы. Все это мы прошли за полтора года. Учусь, как всегда: по математике силен, по русскому слаб. Имею общественную нагрузку, я главный редактор на нашем курсе. А это значит, что я пишу, оформляю и пр. (сам знаешь). Обучаюсь бальными танцами в клубе им. Андреева и видел, как их танцуют в школе на новогоднем вечере, куда я попал случайно. Получается весьма изящно.

Отец мой в Венгрии. Пишет. Прислал фотографии. Обещает рассказать много интересного, когда приедет. Очень радуют дела на фронте. Помнишь, ты мне когда-то прислал стих «Во сне» и там такие последние слова:

*«Приснилось мне, что вновь в Берлин вступили
Увенчанные славою полки».*

Твой сон скоро сбудется.

Много времени отнимает чтение, прочитал «Записные книжки Ильи Ильфа». Есть очень интересные выражения. Например: «Не давите на мою психику» или «Зловещая борода» или так: «Кина не будет! – раздалось на собрании и зал опустел». И вообще много др.

Наш музей восстановили, открылся также художественный музей. Там есть экземпляры голландской, фламандской и ита-

льянской живописи. Наш учитель по истории сын директора музея. Он (сын) очень хороший преподаватель, умеющий заинтересовать. Он очень много знает о Калуге. Рассказывал про дом Марины Мнишек (этот дом принадлежал купцу, который умер, не оставив наследников. Предполагали, что он был богат, поэтому перерыли весь дом после его смерти, ноклада не нашли). Рассказывал про дом Шамякина (теперь школа на Пушкинской) и про его жизнь в Калуге. Еще рассказывал о многих загадках истории, например о неизвестном человеке в железной маске, заключенном в Бастилии. Это было при одном из Людовиков. Предполагают, что «железная маска» был претендентом на престол. Есть два предположения: 1) что он был брат короля, и 2) что он был герцогом. Бастилия стоит на берегу и вот однажды «железная маска» выбросил в окно оловянную тарелку, на которой было что-то написано. Ее поднял рыбак, но он был неграмотен. Увидя на тарелке клеймо Бастилии, рыбак снес ее туда. В Бастилии все переполошились, но узнав, что рыбак неграмотен, успокоились. Так узник и умер неизвестным. Знавшие эту тайну были связаны клятвой. Архив же весь сгорел во время пожара Бастилии в революцию. Не правда ли интересно? Валя пиши все интересное.

Со мной учится твой одноклассник Александр Пантелеймоныч Фатов. Очень интересный человек. Он умен, остроумен и хитер, но большой подлиза, подхалим, себялюбивый и коварный замараха, вечно с грязными руками. Маленького, белобрысого, мы зовем его «Пантелеймоныч» или просто «Фат». Он лизоблюд и большой сплетник. Не знаю, был ли он таким, когда ты с ним учился, но сейчас именно такой. Новосельцев тоже твой бывший одноклассник учится также у нас в техникуме, но в другой группе. Лентяй во всех отношениях – вот его краткая характеристика. Убедился в этом, когда работал с ним летом в техникуме.

Бывал я у твоей мамы. Она выглядит хорошо, дрова у неё есть, квартира замечательная.

Если ты помнишь светелку в вашем доме, то ты можешь представить и нашу квартиру, т.к. она (наша квартира) будет в половину меньше.

Когда ты не пишешь, то твоя мама угрожает послать телеграмму Чуковскому.

Передай привет Кадиму.

Валя, ты помнишь, как в саду рядом с ... было спиленное дерево. А мы были мушкетерами, ты еще тогда марш мушкетерский сочинил (я его забыл) и я повис на суку и, сорвавшись, ногу отшиб. Помнишь ли о Лёсике Чудове. Он убит. Не забуду те годы никогда. Кстати, Алена (В.Шеленговский) здесь в Калуге, но я его еще не видел. Отец и мать его умерли. Он работает.

Ну, кончаю. Никогда такого длинного письма не писал. Я думаю, что на мою щедрость ты ответишь тем же.

До свидания. Пиши. Твой друг Вадим.

Написал в письме, что по русскому я слаб. Это видно и по моим не всегда грамотным письмам.

Кадим – это брат Вали Дима. Кто придумал так его называть и что означает приставка Ка (Ка-Дим), припомнить не могу.

Мушкетерский марш «Трусов плодила наша планета...» сочинил не Валя, а поэт Светлов. Марш мы слышали по радио в передаче для детей «Три мушкетёра»..

9

П/о Ям Подольского района, Московской обл, Школа памяти Ленина

Берестову Валентину

Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1

Прохоркин

20-11-45 г. Здравствуй, Валя!

Наконец-то я сдал историю и теперь свободен от учебы до 1 марта. Это единственные мои каникулы кроме летних. Сдал

историю на «четыре» и все по моей глупости – отвлекся от темы, когда можно было рассказать кратко и просто. Ну, ладно, после драки кулаками не машут. В воскресенье думаю навестить твою мамашу, уж очень давно у ней не был.

Нас, кажется, отделяет меньшее расстояние, чем было, но письмом я от тебя получаю ни чуть не больше. Возможно, что ты уже засыпал письмами своих ташкентских приятелей, но меня совсем нет. Вообще ты стал *schreibfaul sein*, что значит лениться писать письма. Кстати, ты писал, что овладел немецким языком. В таком случае меня к тебе просьба: пиши мне письма на немецком. Мне в этом году сдавать испытания по немецкому за I и II курсы, и это послужит мне большой тренировкой. Я взял в библиотеке в иностранном отделе книжонку для начинающих *Schritt für Schritt*. Читаю «*Kriegs- und Jagdabenteuer des Freiherrn von Münchhausen*».

Напиши, будут ли у вас весенние каникулы, и если будут, приедешь или нет в Калугу.

Ну, пока все. Валя, пиши мне чаще, засыпь меня письмами, а иначе *ich werde dir einen Denkart geben!*

Привет Димке. Твой друг Вадим.

P.S. Кончил обучаться бальным танцам. Был бал в клубе им.Андреева. Я нарядился в отцовский костюм и весело провел вечер. Смотрел картину «Сердца четырех». Читаю «Огонь» Анри Барбюса. В.П.

10

П/о Ям Подольского района, Московской обл, Школа памяти Ленина

Берестову Валентину

Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1

Прохоркин В.И.

15-III-45 г. Привет из Калуги!

Валя, когда я долго не получаю ответа, я начинаю писать ядовитые письма. Извини меня за письмо, которое предшествовало этому. Его я послал позавчера. Как видишь твое письмо шло 10 дней, а я думал, что нас разделяет более короткое время. Твое богатое, обширное письмо сняло все мои обвинения относительно тебя.

Начну с себя. Я, по словам многих, вылитый портрет своего отца. Вспомни моего папашу, прибавь несколько мазков и это буду я (имею в виду лицо). Я выше мамы, а мама с папой почти одного роста. Теперь ты представляешь меня?

А теперь обо всем. Ты просишь писать о Фатыче. Изволь, могу прибавить еще кое-что к его характеристике. Частенько «Фат» на уроках лузгает подсолнышки. На уроке немецкого языка его вызвали к доске. Он продолжал руками шелушить семя. Тогда преподаватель заявила: «Оставь подсолнушки хоть здесь!» Ну, тут «Фат» начинает доказывать свою правоту: «Да что Вы, у меня нет подсолнышков, посмотрите», и начинает выворачивать свои карманы. Вообще он любит строить из себя невинного младенца. В одной из заметок, поступивших в стенгазету, было сказано, что на нашем курсе есть плохая черта и что примером можно взять ст-та Фатова, который считает себя «умным и знающим», называет ребят различными прозвищами и вставляет ненужные реплики. Как видишь и здесь Фат. Фатов очень замечательная и практичная фигура. Валя, прошу, если Пантелеймоныч тебе напишет, то не пиши ему, что я дал ему такую резкую характеристику. Ну, а Новоселкой не хочу марать руки.

«Одноэтажную Америку» я читал, и от этой книги у меня появилось представление об Америке. Сейчас я читаю книгу «Генри Форд» из серии жизнь замечательных людей. Если не читал, то обязательно прочти, и ты узнаешь, что это за человек. Вот это действительно интересная личность. В техникуме есть один учитель, он преподает у нас электротехнику. Это ветеран

своей профессии. Он никогда не сидит. Есть у него интересная привычка бросать каждый раз тряпку на пол. Сколько раз он стирает при объяснении с доски, столько раз тряпка побывает на полу. Среди нас ходит такая о нем байка. Однажды, это было еще до войны, он болел. Студенты заказали ему гроб, и гроб привезли домой. Гроб, конечно, был отослан назад.

Очень сожалею о смерти Толстого. Эту печальную новость я узнал впервые от твоей мамы: я как раз у нее был. Два тома «Петра» я читал и теперь дело за третьим.

О записной книжке ты говоришь верно. У меня тоже есть записная книжка, но записей в ней мало, но это не беда. Дневник – это тоже хорошая штука. У тебя, наверное, интересный дневник. Давно ты его ведешь?

Хотя ты и не калужанин, но должен знать, что Калуга не производит ничего нового или интересного. Если и случится что-нибудь новенькое и хорошенько приглядеться, то увидишь, что это старье! Но все-таки бывают и новости. Осенью у нас по центральной улице повесили фонари (сейчас не горят), повесили и по ул.Ленина. В разнообразии калужской жизни играет большую роль кино. Сегодня я смотрел кинокартину «Нашествие». Понравилось. На песни тоже влияет кино. А после нового кино с песенкой везде слышишь знакомый только что виденный и слышанный напев. Когда-то пели: «Темная ночь...», а затем: «Танцы. Вино. Маскировской закрыто окно, А в квартире военных полно» и т.д. А теперь вот пели: «Вся жизнь потекла по весенним законам» (из к-ф Сердца 4-х). Сейчас что поют? Не знаю, не было нового кино с песенкой.

Нам (о, радость!) провели радио. Слушаю и наслаждаюсь. Без радио я превратился в невежду. Все новости узнавал с опозданием и отставал от жизни.

У нас гостила Соня (полутетя). Вспомнили былое. Вспомнили, как мы дрались, когда были маленькие, вспомнили, как

жили в совхозе в Казахстане и как там бросали жребий, кому идти за водой (я тогда мало уважал женщин). Соня взяла твой адрес и прочла твои последние письма. Ну, о ней ты узнаешь из ее письма, которое ты должен скоро получить.

Удивительная погода стояла у нас последнее время. Все время был мороз, и только днем на солнышке таяло, но в тени можно было отморозить нос. Вчера погода резко изменилась. Теплый день, светит солнышко, кругом тает и дует ветер. Но что это за ветер. Он рвет и мечет, срывает шапку, бьет снежной крупой с крыш. Адская погода. Сегодня же небо заволочло тучами, лепил снег. Вечером появились звезды и пр. Весна входит в свои права.

Когда по радио передают салют, думаю, может быть где-нибудь там стоишь и ты, и любишься этим символом победы. Желал бы увидеть салют.

Наши ребятишки растут. Виталик очень интересный паренек. Очень любопытный и большой «почемучка». Однажды он спрашивает маму: «Мама, ты какая будешь старенькая? Ты, когда приедет папа, будешь старенькая?» На что мама ему заявила, что, наоборот, она тогда помолодеет.

Сегодня только 15, но я заранее поздравляю тебя с 17-тилетием и крепко жму твою 17-тилетнюю лапу. Береги здоровье, ибо оно пригодится, и запомни такие слова: «держи ноги в тепле, голову в холоде, а брюхо в голоде. Вот тогда будешь здоров, проживешь сто годов».

Мама твоя выглядит хорошо. Она всегда заявляет, чтобы я тебя ругал за твое молчание. Все беспокоится, известное дело – мать.

Совсем перестал видеть Олега Кудрявцева. Не знаю, может, его уже нет в Калуге. У Валентина К. недавно был. Здоровый, как черт. Работает. Не помню, писал ли я тебе о приезде в Калугу Шеленговских, если нет, напишу.

Ну, пока все. Привет Кадиму.
С приветом твой друг Вадим.

P.S. Валя, извини, что посылаю без марки. Писал в 12 часов ночи и очень хотелось послать письмо побыстрее, а на почту сходить не успел.

P.P.S. Двоюродный брат моей мамы ранен в руку, ногу и голову. Ты его, наверное, помнишь, его звали дядя Сережа Евтеев. Он на фронте с начала войны и ранен впервые. Он брал Курск, Киев, Харьков и др.

Пиши. Вадим.

Валя, не правда ли увесистое письмецо? То-то вот. Пиши и мне такие.

Соня (полутетя) – Гусарова (Жижина) Софья Анатольевна, которой Валя посвятил стихотворение «Девочка с мячом».

11

*П/о Ям Подольского района, Московской обл, Школа памяти
Ленина
Берестову Валентину
Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1
Прохоркин В.*

23-III-45 г. Почтенный друг!

Дело в том, что я твое большое письмо долго не получал, в чем виновата почта. Поэтому я тебе написал два язвительных письма, о чем извиняюсь. Прошу не обижаться и отвечать на все мои письма. Знай, что они написаны дружеской рукой. То-то вот! На счет Сониного адреса дело обстоит так: действительно у адреса нет улицы, а дом железнодорожный. Вот и все.

Сообщаю тебе нашу радость: папу наградили орденом Красной Звезды.

Твоя мамаша пригласила меня 1-го апреля отметить твой день рождения. Нам по 17 лет. Из них 7 лет принадлежат нашей дружбе. Вспомни наши походы. Один в Тихонову Пустынь чего стоит.

Если ты приедешь летом в Калугу, это будет замечательно. Ну, а если не приедешь, я тебя р-расшибу по почте сногсшибательным письмом. Смотри, ты со мной не шути.

С каждым днем все больше тает. Уже с неделю, как прилетели грачи.

На счет Калуги я тебе писал в последнем письме. Пока прибавить не могу ничего.

Как там чувствует Кадим? Передай ему привет.

Валя, ты случайно фотографироваться не собираешься? Я бы этого желал, очень хочется до лета увидеть твою физию. Будь настолько добр, сфотографируйся. Ладно?

Ну, заканчиваю. Остаюсь вспыльчивый Вадим.

Из нашего окна открыт вид на развалины театра. Печальное зрелище.

Пиши.

Ты вправе назвать меня скотиной за то, что так долго не опускал письмо. Извини.

1 апреля. В.П.

12

*П/о Ям Подольского района, Московской обл, Школа памяти
Ленина
Берестову Валентину
Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1
Прохоркину В.И.*

23-V-45 г. Валя!

Разрешите, хотя и с запозданием поздравить тебя с победой. Меня очень удивляет твое 2-х месячное молчание. Последнее

твое письмо было за 15 марта. Поверь, что не получать от друга столько времени писем не очень-то приятно. Знаю, что сейчас у тебя мало свободного времени, потому что экзамены, но было же время раньше. Ну, упреков хватит.

Я еще в марте вступил в ряды ВЛКСМ. По воскресеньям за-суживаюсь в читальне на целый вечер. Остальное время проходит в учебе, да на огороде. В кино хожу редко. Только вот вчера ходил смотреть «Эдисон». Привет Диме. Пиши и не забывай друзей, а то они будут обижаться.

Вадим.

13

*П/о Ям Подольского района, Московской обл, Школа памяти
Ленина*

Берестову Валентину Дмитриевичу

Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1

Прохоркину

Письмо с оборванными краями, вероятно, обгрызено, мышами

27-V-45 г. Здравствуй, дружище!!!

Вчера послал тебе открытку с упреками. Валя, прости, я не учел твою рассеянность. Великие люди всегда со странностями (заметь, что я тебе пророчу знаменитое будущее).

Благодарю за поздравление. Вас также.

О 9 мая у меня осталось большое впечатление. Еще 8, даже говорят, 7 мая ходили слухи о конце войны. Я решил не разбалтывать не обоснованный слух, но придя в техникум, не утерпел и шепнул двум про «окончание войны». Придя домой, я окончательно решил, что это пустой разговор, что кто-то пускает «утку», так как дома было все по-прежнему и никаких известий. Ночью меня вдруг разбудили. Был третий час. По радио звучал голос диктора о капитуляции Германии. Победа! Победа! Победа! Мама плакала от радости. Я вспомнил, что 22 июня 1941 г.

она тоже плакала. Тогда было горе, а теперь радость, победа, хотелось кричать «ура». Разбудили всех соседей, решив, что спать сейчас нельзя.

Часов в 9, празднично приодевшись, я пошел на улицу. На площади должна была быть демонстрация. Все поздравляли друг друга, объятия, смех. К площади стекались демонстранты. Шум, танцы под баян. Затем демонстрация. После демонстрации гулял по скверу. Погода в день победы разгулялась. Вышел в парк. С площадки смотрел на Оку. В стороне буксир тянул баржу. Река тихо плескалась. Остановился у могилы павших в боях за Калугу. Вот они герои войны. Почтим их память минутным молчанием. Домой идти не хотелось. Весь вечер у Центрального кинотеатра гуляла Калуга. Играл оркестр и танцы были прямо среди улицы на асфальте. Какой-то военный все время пускал ракеты. Его обступили пацаны и просили: «Дядь, пусти ракету». И он не скупился. Шумная и праздничная толпа загрохотала всю улицу. Она долго ждала этот день. В Облдрамтеатре (клуб им.Андреева) был концерт в честь победы. Вход свободный, аплодировали, рук не жалея. Кричали бис. Конечно, в Москве этот день был интересней, но радость была везде одинаковой.

Надеясь получить от тебя фотокарточку, посылаю тебе свою. Оригинал немножко не такой, но все же сходство есть. Я конечно не так серьезен, как вышел.

Валя, если ты хочешь получать от меня большие письма, то задавай побольше разных вопросов. Пиши мне больше, пока у меня не наступили испытания, а как они наступят (это будет в июле), то ты сам мне нанесешь визит. Покорнейше просим. Жду с нетерпением.

Твой друг Вадим.

«Остановился у могилы павших в боях за Калугу». Впоследствии все захоронения павших в боях за Калугу будут перенесены на воинское кладбище, примыкающее к Пятницкому кладбищу.

14

*П/о Ям Подольского района, Московской обл, Школа памяти
Ленина*

Берестову Вал.

Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1

Прохоркин В.

4-VI-45 г. г. Калуга Здравствуй, Валентин

Получил твою открытку, в которой ты сообщаем, что 15, наверное, выедешь в Калугу. Это будет чудесно, встреча после 4-х месяцев разлуки. Ты конечно уже получил мое последнее письмо с фотокарточкой. Погляди пока на изображение, а скоро увидишь и меня грешного.

1-го июня я купался. Вода была прекрасная, погода тоже. Солнышко светило во всю и изрядно обожгло мои плечи. Я заметил, что с первого раза я не загораю, а сгораю.

Писать особо не о чем. Огород имеем за Яченкой у бора. На столе стоит букет ландышей, это мама купила, ей завтра 37 лет.

Валя, почему ты так мало времени пробудешь в Калуге? Я рассчитывал побыть с тобой не меньше месяца.

С приветом Вадим.

15

П/о Ям Подольского района, Московской обл, шк. памяти Ленина

Берестову Валентину

Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1

Прохоркин

2 августа 1945 г. Здравствуй, Валентин!

Выходит, что я первый пишу тебе письмо, а может мы пишем одновременно, – не знаю. На другой день нашего расставания, наконец, я очутился на месте своего назначения. Все описывать

не буду, пожалуй только на погоду. Нам, как и в прошлый год везло на дождь, на ветер, вообще на дрянную погоду. Сегодня я дневалю. Дежурил ночь, а сейчас с большим трудом вырвался домой до завтрашнего утра. Дежуря ночью кое-как, наслаждался наступлением утра, пением птиц и петухов, игрой пастуха на рожке и мычанием коров. Мерз и проклинал холодную погоду. Записываю интересное.

Писать нет времени. До свидания. Пиши.

P.S. Валя, не упоминай мой дневник в письмах. Посоветуй также, вносить ли мне записную книжку в дневник.

«Сегодня я дневалю». Не смотря на окончание войны нас, учащихся железнодорожного техникума, снова отправили в военные лагеря, которые находились где-то за Калужским бором.

16

*П/о Ям Подольского района, Московской обл, шк. памяти Ленина
Берестову Валентину*

Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1

Прохоркин В.И.

Почт.штемпель Калуга – 28.8.45

Часть письма не сохранилась, вероятно, была обгрызена мышами.

... дорогой!

... что я так

... не писал. Всего

... тебе два письма

... Валя, нас –

... тебя. Узнав, что твой папа жив и не ... я сразу написал тебе письмо, когда был в лагерях. Приехав из лагерей я несколько раз побывал у твоей мамы и тут уже узнал, что эта радостная весть исходит от тебя. Мама твоя, по-моему, выглядит хорошо. Говорит, что я с тобой теперь буду часто видаться, т.к. ты будешь часто приезжать сюда, если твой папа будет в Калуге. Это меня очень

устраивает. Папу же твоя мама ждет сильно. Когда я пришел к ней, первые ее слова были: «Как ты меня испугал, я думала, что это он». Вот после всего этого я получил твое письмо (открытку), первое после нашей встречи. Когда поеду в Москву, я не знаю. Столько трудностей, но дело в пропуске, который мне невозможно достать. Пока определенного ничего не знаю. До учебы остаются считанные дни. Сюда приезжала Ляля. Ты ее должен помнить, если не так, то по моему дневнику. В душе у меня творилось что-то невообразимое. Молчу. По приезде узнаешь. С Лялей было много переговоров об очень интересном. Мы с ней друзья.

Ты, конечно, помнишь Анатолия. Его и Лялю я проводил в Москву в один день. Он уехал учиться в Москву в спецартшколу. Теперь я одинок и восхваляю человечество за то, что оно придумало почту. Без почты я бы сдох с тоски.

В Калугу приехал в отпуск муж моей двоюродной сестры ... одно время ... те с моим ... И говорит, что папа, как и он, нагрянет неожиданно. Жду папу с нетерпением. Борис (муж сестры) говорит, что если сейчас не приехал, то приедет в октябре. Советует мне обязательно поступать в будущем году в военное училище. В этом он видит лучший выход в жизнь. Я не знаю, что и думать. В общем, до отца.

Валя, почему ты так редко пишешь. Пиши чаще.

Остаюсь твой друг Вадим.

Радостная весть – это весть об отце Вали, освобожденном из концлагеря американцами.

Ляля Пчелкина (Соколова Лариса Васильевна), как и до войны, приезжала в Калугу погостить у своей тетки Волковой Антонины Сергеевны.

Анатолий Шемякин – бывший мой одноклассник.

Борис Прокопцев – муж моей двоюродной сестры Нины. На его груди, помимо других наград, красовался орден Отечественной войны, который я внимательно рассмотрел и даже потрогал.

*П/о Ям Подольского района, Московской обл, шк. памяти Ленина
Берестову Валентину
Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1
Прохоркин*

11 сентября 1945 г. г.Калуга
Здравствуй, Валентин!

Переночевал у Рины Зеленой (ее кажется зовут Ирина Васильевна?). Я уехал утренним поездом до Малоярославца. В Малоярославце пробыл 2 часа и с другим поездом доехал до Тихоновой Пустыни. Тут пересел на «передачу» и к 7 часам был в Калуге. Калуга встретила меня сердито, как бы ругая за мою поездку. Погода сегодня плохая. Я сижу дома и восстанавливаю в памяти все свои злоприключения, имеющие благополучные концы. Все обошлось благополучно и успешно, хотя и не так успешно, как хотелось бы. Дома я подробности не рассказывал. Я только сказал, где ночевал. Маму больше всего восхитило, что я ночевал у Рины Зеленой. Рине Зеленой я очень благодарен. Я написал ей письмо. Передай ей привет и мою благодарность. Передай привет твоим интернатовским товарищам и отдельно Вадиму, Славе и той девушке, которую выбрали старостой. Ты познакомил меня с ней на крыльце. Я забыл сейчас ее имя (напиши ее имя). Увидишь Сандро, пожми ему руку за меня. По-моему, это хороший паренек.

Остаюсь с дружеским приветом Вадим.

26-Х-45 г. Здравствуй Каваль!

Так и быть не серчаю, но ты все-таки почаще пиши, а то я впадаю в уныние. Неделю назад я послал тебе небольшое письме-

цо с предупреждением. Ну, об этом, конечно, думаю, что будешь благоразумнее; нет, я не так выразился: думаю, что ты выделишь ½ часа на письмецо ко мне из своего столь дорого времени. Время – деньги, ну, а мы как старые друзья сочтемся, и я уплачу тебе за полчаса двухчасовым письмом. Ну, как идешь на сделку?

Теперь о твоём письме, а о себе после. Ты пишешь, что болел, а потому выспался. Болеть-то я тебе не разрешаю. И не стоит так дорого платить, чтобы выспаться.

Я никак не пойму, о каком Чемоданове ты пишешь. Я что-то такого не знаю, уж не Слава ли это? Прошу напиши подробнее про Вадима, моего тезку. Я, знаешь, как-то заинтересовался им, бывает, что человек тебя заинтересует, виснет. Право он уже одним лишь интересен тем, что не посетил все достопримечательности Москвы. Привет ему; если его не затруднит написать мне письмо, то пускай напишет. Так и передай.

О себе напишу не так много. Сильно увлекаюсь чтением. Не имея иногда времени днем, занимаюсь до двух часов ночи, сидя в постели. Сейчас читаю Достоевского «Братья Карамазовы». Недавно раскопал в техникумовской библиотеке «Сочинения Апухтина». Читал такие? Не знал, что Россия имела так много хороших писателей. Оказалось стихи хорошие, а проза мне даже очень понравилась. За советом, что читать, обращаюсь к тебе, как к более опытному. Я сейчас хватаю все, что попадет. Выбор плоховат, в библиотеке никогда ничего не застанешь.

Восхищен кинокартиной «Без вины виноватые». Какая игра! Знаешь, Валя, я переживал, меня пробирала дрожь, я глубоко прочувствовал действие.

Хотел написать свои воспоминания о 1941-1945 г.г., но трудность задачи для меня отбивает желание. Я припоминаю интересные факты, впечатления, переживания, но не могу связать все это достаточно хорошо и в должном порядке. В мои воспоминания вошло бы 20 образов. Облегчить задачу можно так:

написать все 20 образов, а затем отдельными отрывками, кусочками, а затем написать в хронологическом порядке все факты и пр., – это будет похоже на дневник. В общем, посоветуй мне и здесь, как мне осуществлять свою затею и осуществлять ли.

Кончаю, уже 12. Хочу спать, ведь я всю эту неделю не выспался.

Привет Люсе, да Диме и ребятам. Маму твою еще не видел. Был – не застал.

Твой друг Вадим.

Валю я назвал Каваль – Ка-Валь. Дима – Кадим, Валя Каваль – чья это была придумка, не знаю.

В фильме 1945 г. «Без вины виноватые» были заняты известные и любимые зрителями артисты Алла Тарасова, Борис Ливанов, Владимир Дружников, Алексей Грибов и др.

Написать воспоминания о 1941-1945 г.г. (первые бомбежки Калуги, побег из Калуги и пр.) предложил мне Валя, но написать их в те годы я так и не сумел.

19

10 октября. Здравствуй, Валя!

Мне надоело упрекать тебя за молчание до нашей встречи, зачем же ты заставляешь меня делать это сейчас. Вот уже месяц как я послал тебе письмо, а ты и не думаешь отвечать. Не будь гордым, не терзай меня своим молчанием. Я и так сдыхаю от тоски. Нет, я занят до того, что еще не был у твоей мамы. Ты простишь меня. Ведь ты знаешь, какой у нас огород и какая сейчас погода, а у нас еще не вся выкопана картошка. Ты не думай, что я напишу тебе порядочное письмо, ты не заслужил этого, и чем больше ты будешь молчать, тем меньше будет размер написанного. В общем, обратная пропорциональность. Добавлю, что в ноябре должен приехать в отпуск папа. Что знаешь о своем папе? Все. До свидания. Твой друг Вадим.

P.S. Передай привет своим товарищам по интернату. Передай горячий привет тем, кто знает меня. И пожми руку Славе, приютившему меня; Вадиму и той девушке, которая выбрана у вас какой-то старостой, – к ним я почувствовал симпатию; пожми также тому пацану, что был дневальным. Он хороший гостеприимнейший паренек. Самый большой и горячий привет передай Рине Зеленой и Сандро.

В.П.

Приютивший меня Слава – это Слава Чемоданов. По всей видимости, он и был сыном директора Дома Ленина, где я переночевал, а потом был изгнан оттуда участковым милиционером.

20

*П/о Ям Подольского района, Московской обл, шк. памяти Ленина
Берестову Валентину Дмитриевичу
Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1
Прохоркин В.И.*

9.III-46 г. Здравствуй, Валя!

Твое молчание стало меня озадачивать. С твоего отъезда из Калуги я не получил ни одного письма от тебя. Мне уже надоело то, что все мои письма должны содержать попреки за твое молчание.

Учиться мне осталось шесть недель, затем испытания и практика. На практику поедем либо в Вологду, либо в Харьков. Желательно, конечно, последнее. Сейчас готовлю курсовой проект. Расчет сделал только на треть. Трудно, нет литературы и не на чем основываться. Проект берет все время, и я уже отказался от художественной литературы. Читаю только новые журналы. Как твои дела? Как подготовка к экзаменам?

Всего хорошего. Пиши. Остаюсь Вадим.

21

*П/о Ям Подольского района, Московской обл, шк. памяти Ленина
Берестову Валентину Дмитриевичу
Калуга, ул. 1905 года, дом № 61, кв.1
Прохоркин В.И.*

11-III-46 г. Здравствуй, Валя!

Пишу на уроке. Предусмотрительно поздравляю тебя с наступающим восемнадцатилетием. Желаю счастья и удачи в жизни, но помни пословицу: «на бога надейся, да сам не плошай». Будут ли у вас весенние каникулы, и приедешь ли во время каникул в Калугу? У меня голова идет кругом. Мучаюсь с проектом, занимаюсь спортом, по комсомольской линии работы много. Выходит так, что что-нибудь из трех страдает во имя другого.

Папа работает в горкоме ВКП(б). У вас не был с конца января. К лету возможно будем жить на Пролетарской в родном доме.

Пиши. Жду. Вадим.

22

*П/о Ям, Подольского района, Московской обл. «Экспериментальная база»
Гинсбургу для Берестова
г.Калуга, ул.1905 года д.61 кв.1
Прохоркин В.*

6-IV-46 г. Здорово, Валя!

Наконец-то получил от тебя письмо, да такое интересное и хорошее, что я сразу забыл твое предыдущее молчание. Я очень жалею, что ты не приехал. В дни твоих каникул я был два раза у вас и читал твое письмо, в котором ты писал о многих причинах, не дающих тебе приехать в Калугу. Твое предложение пи-

сать интересные письма я принимаю. Действительно, мы стали интересными для этого людьми. Каждый человек, по моему, в юности по – своему интересен.

Уже давно я решаю проблему получения от жизни различных переживаний, различных чувств, т.е. желал, пока я учусь в техникуме, пройти огонь и воду. И я понемногу прохожу эти огонь и воду. Сейчас у меня интересный момент в жизни. Всем известно, что весна всегда действует возбуждающе на человека. И на каждого человека она действует по-разному, но всегда весна повышает настроение, прибавляет радости и веселья и располагает влюбиться. На меня весна подействовала особенно, т.е. я начал сочинять стихи:

*Если хочешь быть поэтом,
Чувством не скупись.
Полюби ты деву эту,
За перо возьми.
Если крепко ты полюбишь
Девушку свою,
То всегда поэтом будешь, -
Клятву я даю.*

Но не думай, что я влюбился, я, может быть, только накануне этого чувства, затем сейчас некогда влюбляться. Свободного времени нет, и стихи сочинять пробую на ходу, идя в техникум или еще куда, например этот и сочинил таким образом.

Итак, за оставшийся год мне хочется испытать многого, ведь все это очень пригодится в жизни, а так мы очень молоды и нам необходимо крупное жизненное испытание, которое закалит нас. Мы, например, уже достаточно закалены войной. Война дала возможность скорее понять жизнь. Сейчас я ни над чем не задумываюсь, кроме проекта, но задуматься надо над многим. Я тоже пришел к тому, что наша судьба в юности в наших руках, и тут приходится пожалеть, что в эту пору у нас нет достаточ-

ной жизненной закалки, и поэтому происходит много ошибок. Вот почему хочется, как можно раньше получить эту закалку. Ну, пока об этом все.

К 15 я должен сдать проект. Расчет уже готов, остались одни чертежи, но и тут трудности: бумаги нет, а в техникуме не дают. 20 апреля у нас последний день занятий. 10 мая уезжаем на практику, вероятнее всего в Вологду. Поедем через Москву, и очень бы хотелось повидать тебя. На обратном пути я постараюсь, если будет возможность, задержаться в Москве, но тебя в то время, наверное, не будет. Практика у нас будет продолжаться месяца два.

Живем все на старом месте и когда попадем на Пролетарскую, не знаю.

Ну, а теперь будь здоров. Готовься так, чтобы получить золотую медаль.

До свиданья. Остаюсь твой друг Вадим.

P.S. Пиши чаще и больше. В.

Как я осмелился похваляться перед Валею такими скверными стихами, ума не приложу. Стихотворением я занялся, видимо, под воздействием весны. Посылал стихи Ляле Пчелкиной, и они ей нравились. А Валя, добрая душа, получив мой опус, промолчал, а мог бы раскритиковать меня в пух и прах. У Вали есть такие строки:

*Прочел твои стихи. Забыл их снова.
Я не злопамятный. Не помню я дурного.*

23

14-V-46 г. Здравствуй, Валя!!!

Как видишь, я не изменяю своей привычке и как обычно, ставлю три восклицательных знака. За последнее время в моей

жизни произошли значительные события. Во-первых, как ты знаешь, мне исполнилось 18 лет, я переступил невидимую ступень в жизни и, знаешь, что меня больше всего удивляло то, что день моего рождения ничем не отличался от других дней, к вечеру я даже забыл, что это был день моего рождения; во-вторых, я успешно окончил третий курс, а курсовой проект сдал на пять, что я никак не ожидал, тем более, что я ни разу не отдавал чертежи проверять, как это делали другие; в-третьих, мы переехали на родную Пролетарскую.

О Пролетарской можно писать отдельно. Переехали мы неожиданно, случилось это 8 мая. Как много изменений здесь. Не узнать сада, не узнать двора, того двора, где всегда было весело. Теперь наш двор проходной, т.е. через него можно пройти на соседнюю улицу. В доме тоже много изменений. Папа горячо взялся за восстановление и хочет навести здесь порядок. Все можно восстановить, но вот соседей не восстановишь из тех, которые жили в нашем дворе. Здесь живут все новые люди, и они мне не нравятся. Иногда мне кажется, что мы и не уезжали. Уже так привык к своим комнатам и обстановке, что, например, машинально взглядываю на стену, чтобы узнать, который час, но часов нет, но они висели здесь до войны, и у меня создалась привычка. Или я иду в другую комнату, чтобы посмотретья в зеркало, но и его уже там нет.

Учеба окончена и передо мною осталась еще практика. Уеду я числа 18-20 мая. Знаешь, интереснее всего то, что у меня все время была уверенность, что я поеду в Харьков, а вообще я не думал и не гадал, куда я поеду, я думал так: куда пошлют, туда и поеду. И вот нас посылают в Харьков, посылают три группы. Я очень рад, что побываю на Украине, ведь я там никогда не был. Практика будет продолжаться два месяца. Ты приблизительно можешь знать, когда я вернусь, и постарайся к моему приезду быть в Калуге. Мы с тобой так мало бываем вместе и в будущем,

может быть, будем вместе еще меньше. В Харьков поедем через Тулу, а то бы заехал к тебе хотя бы на часок. Зато родители твои теперь у меня под боком. Я читал письмо Чуковского. Это какие-такие очерки ты ему читал? Он их очень хвалит. Надеюсь, что в это лето я основательно почитаю твои произведения как рукописные, так и напечатанные. Верно?

Ну, друг мой, пока все. Можешь мне не отвечать. Жди от меня письма их Харькова. Не забывай своих родителей. Они всегда так беспокоятся, когда ты им не пишешь. Окончить должен с медалью. Понял?

С приветом Вадим.

24

П/о Ям Подольского района, Московской обл, шк. памяти Ленина Берестову Валентину

19-V-46 г. Здравствуй, Валя!!!

Вот я уже в Харькове. Доехал прекрасно. Мы имеем свой вагон. Дорога прекрасная, особенно на Украине, но сильно заметны следы войны. Здесь жарница невозможная. Цветут сады, сирень. Сегодня мы приехали и уже успели порядочно загореть. Город красив в своем роде, но жизнь дороже. Улицы напоминают Тулу и Москву. Много вывесок и реклам на украинском языке. Ехали так: Калуга – Брянск, Брянск – Харьков. Жить будем в пассажирском вагоне. Расположились хорошо. Приняли душ, сходили в город, а сейчас пишем письма. Особенно с мыслями собраться не могу. Все интересно, впечатлений много. Украина, но в городе редко встретишь тип украинца. Адреса пока точного у меня нет, жди писем еще. Работать начнем, наверное, с 21. Пока все. Будешь писать своим, то передай им привет от меня.

С приветом Вадим.

Москва, ул.Стромынка, д.32, комн.588
 Берестову Валентину Дмитриевичу
 г.Калуга, ул.Пролетарская, д.82, кв.2.
 Прохоркин В.И

4 декабря 46 г.

Здравствуй, Валя! На днях получил твою открытку. Наконец-то ты догадался написать. А то у нас получается как-то неопределенно: и видимся редко, и переписываемся редко. Я бы еще долго не собрался тебе ответить, если бы сегодня нас не отпустили с середины уроков. Видишь ли, дома у нас не все благополучно, да к тому же я ограничен в отношении времени. Получили телеграмму, что бабушка Таня лежит при смерти. Отец ушел к ней в деревню. С мамой очень плохо, у нее были сильные головные боли, а сегодня прибавились еще боли внутри – должно быть печень, и я водил ее сегодня в поликлинику. В общем, мамаша совсем слегла. В последнее время с ней такие вещи повторяются какой уж раз. Я чувствую себя неважно, немного побаливает голова, восемь уроков почти непрерывной писанины очень утомляют, да к тому же появилась какая-то неуверенность во многое окружающее. Уроки запустил, развлекаюсь мало, но читаю все же порядочно («Униженные и оскорбленные», «Вечный муж» Достоевского, «Ртищев», «Бездомники», «Наша вечная любовь» Шеллера-Михайлова).

В конце декабря у нас будут испытания, затем каникулы вместе со школьниками, а после практика до конца марта. За практикой десять недель учебы, дипломная работа, госэкзамены, месяц отдыха и работа. Возможные пункты прохождения практики следующие: Тула, Москва для имеющих там место, где квартироваться; Калуга по особым обстоятельствам, и несколько станций Московско-Киевской ж.д. Я бы желал остаться

в Калуге, ибо жить теперь одному на стороне очень трудно. Но чтобы остаться в Калуге, надо иметь какие-то причины, а я их еще не нашел. Попасть в Москву я и не мечтал, т.к. жить там мне не у кого. Остается одна Тула, да М-К ж.д.

Валя, обязательно пришли или привези мне тот номер «Смены», где будут напечатаны твои стихи. Итак, ты начал печататься. Поздравляю.

Вот пока и все, что я хотел тебе написать.

Будь здоров! Твой Вадим.

Бабушка Таня (мать моего отца) когда-то рассказывала нам с Валей сказки, и он хорошо её знал. Бабушка Таня жила в деревне Песочня, и отец пошел туда пешком, а это от Калуги километров 30-35.

Валя начал печататься в 1946 г. В воспоминаниях «Светлые силы» он указывает, что решение «дать» его стихи в журнал исходило от Сергея Михалкова.

Москва, ул.Стромынка, д.32, комн.588
 Берестову Валентину Дмитриевичу
 г.Калуга, ул.Пролетарская, д.82, кв.2
 Прохоркин

29 декабря 46 г. С Новым годом!

Дорогой Валя, шлю тебе массу самых наилучших пожеланий. Желая прекрасно встретить новый год и столь же прекрасно окончить первый семестр. Милый друг, ты, конечно, извинишь меня за немного запоздалый ответ, но поверь, я никак не мог ответить. Вчера у меня кончился последний день занятий, 3 и 7 экзамены, а там и практика. Всю эту неделю сидел над заданием, а затем, в ущерб всему, увлекся книгой из серии

романов под редакцией Горького «История молодого человека XIX века», которая содержит в себе «Страдания молодого Вертера» Гёте, «Иллюзии молодого Фаустино» Валера и «Последние письма Джаконо Ортиса» Фосполо.

Итак, испытания на носу. Я к этому отношусь совершенно равнодушно, но чувствую, что поработать придется много. Боюсь, что мы с тобой теперь не увидимся до самой весны, а может быть и больше (зависит от количества и времени твоих посещений Калуги). А все от того, что числа 15-17 я должен уехать на практику, а ты раньше этого срока не приедешь. У нас все благополучно, правда, есть одна новость, о которой я тебе, кажется, еще не писал. Это смерть бабушки Тани, матери отца. Очень не хотела умирать зимой (боялась, что ей будет холодно, когда ее понесут на кладбище). В гробу выглядела молодкой и красоткой, и не скажешь, что ей 90 лет.

На этом кончаю. На новый год побываю у твоих.

Твой Вадим.

Послесловие

Скоро исполнится двадцать лет, как с нами нет Валентина Дмитриевича Берестова, но память о нем живёт в сердцах тех, кто его знал и любил, кто был знаком с его творчеством.

*Калуга. 1998 год. На квартире у Дмитрия Дмитриевича Берестова.
Валя остается с нами.*

С куклой Вали, изготовленной в Театре кукол Сергея Образцова к Валиному семидесятилетию.

Видеозапись выступления Вали в музее имени В.В.Маяковского на презентации Валиного двухтомника избранных произведений.

Мои воспоминания о нём предваряет эпитафия – строки из его сонета «И стукнет нам по семьдесят пять лет»:

*И всё ж, не устарев, живёт поэт,
Которого давно на свете нет.*

Строки вещие, пророческие, подобные пушкинским «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Да, Валя живёт – живёт

в своих произведениях, живёт в сердцах их читателей, живёт в воспоминаниях его родных и друзей. Жил он и в делах Литературного Центра Валентина Берестова, надо полагать, что теперь будет жить и в делах Литературного музея «В.Д. Берестов и его окружение». Хотелось бы, чтобы вещими были и слова Олега Хлебникова в некрологе: «Вот и он стал классиком. Пушкин, Чуковский, Маршак, Берестов – вот первые поэты, которых будут читать люди XXI века, наши дети.

Через три месяца после кончины Вали, в июле 1998 года, в Москве, в Российской государственной детской библиотеке (РГДБ), с которой он сотрудничал без малого тридцать лет, был создан Литературный Центр его имени. Задачей Центра было, прежде всего, сохранение и изучение многогранного творчества Вали как поэта, прозаика, переводчика, автора мемуаров о выдающихся людях двадцатого века, исследователя фольклора, литературы, авторской песни. С первых же дней создания Центра у меня сложились с ним тесные деловые отношения. Руководителем Центра была назначена его создатель главный библиотекарь РГДБ Кузьменкова Елена Михайловна, славная женщина и большая почитательница Валиного таланта. С ней у меня сразу же установились добрые, доверительные отношения и дружеская переписка. В одном из её писем были такие, лестные для меня, слова: «Нам бесконечно радостно, что частицу той доброй дружбы, которая связывала Вас с Валентином Дмитриевичем, Вы перенесли на Центр Берестова».

Елена Михайловна являлась неутомимым пропагандистом творчества Вали. Она написала десятки статей как о его жизненном и творческом пути, так и о его личности, а также о работе литературного Центра.

В окружении Валентина Берестова было много выдающихся, незаурядных и интересных личностей, к числу которых я от-

ношу и Елену Михайловну Кузьменкову. О ней хочу рассказать подробнее.

О создании Кузьменковой Литературного Центра Валентина Берестова в июне 1998 г. и о том, что она является его руководителем, я впервые узнал от брата Вали Дмитрия. Кузьменкову он охарактеризовал как женщину очень порядочную, хорошо знавшую Валию и очень его любившую. Я написал Елене Михайловне письмо и получил ответ, потом мы обменялись с нею несколькими письмами. Елена Михайловна писала, что считает меня – первого друга Валентина Дмитриевича – другом Центра, сообщала о работе Центра, делилась достижениями и планами, приглашала на Берестовские чтения. А когда прочитала мои воспоминания «Мой самый первый в жизни друг» (первый, неотредактированный вариант, передала ей вдова Вали Наталья Ивановна), благодарил меня за воспоминания и лестно о них

*В Литературном Центре Валентина Берестова. 9.04.2001 г.
Слева направо: Лариса Васильевна Соколова (Ляля Пчёлкина),
Вадим Иванович Прохоркин,
руководитель Центра Кузьменкова Елена Михайловна,
Софья Анатольевна Жижина (Соня Гусарова)*

отозвалась: «Я прочитала их «залпом», а потом еще раз. Вновь ожили и по-другому раскрылись многие стихи Валентина Дмитриевича. Материал уникальный, искренний и глубокий». Такого лестного отзыва о своём труде я не ожидал.

Как руководитель Центра Елена Михайловна успела многое сделать. Помимо работы в Центре она продолжала заниматься и детьми, прививая им любовь к книге. Центр и дети были её главной заботой последние годы и главной радостью.

Лично познакомиться с Еленой Михайловной мне довелось только в апреле 2001 г. на Первых Берестовских чтениях. Из нашего калужского довоенного детства на чтениях, помимо меня, присутствовали Соколова Лариса Васильевна (Ляля Пчёлкина) и Софья Анатольевна Жижина (Соня Гусарова – «Девочка с мячом»). На память об этой встрече мы, трое, сфотографировались с Еленой Михайловной (фотографию см. выше).

Тогда я еще не знал, что через месяц после смерти Вали Еленой Михайловной были написаны о нём воспоминания, названные ею «С глубочайшим почтением и трепетом» (впервые опубликованы в 2008 году к 10-летию со дня его смерти в журнале «Библиография», № 3. – С. 103-105).

Ниже привожу фрагмент из этих воспоминаний, из содержания которого можно сделать вывод, что теплые взаимоотношения между Валей и Еленой Михайловной возникли с первых же дней их знакомства:

«Познакомились мы 33 года назад. Я, третьекурсница института культуры, писала курсовую работу и готовила сообщение в студенческом научном обществе о творчестве молодого талантливомого

поэта Валентина Берестова. И вдруг он в Ленинграде, в Доме детской книги. Моя преподавательница В. Д. Разова знакомит нас. От смущения не решаюсь поднять глаза, и, оказывается, это продолжалось все три часа, пока мы бродили по городу, пили кофе с миндальными пирожными и я, превратившись в слух, впитывала стихи и удивительные рассказы о раскопках. Потом, лет через двадцать, Валентин Дмитриевич сказал: «Так и запомнился твой профиль с опущенной вниз головой». Он всегда видел и чувствовал своего собеседника (или слушателя) и говорил именно для него.

Тогда же я получила первый бесценный подарок – книгу «Меч в золотых ножнах» с надписью «Крупнейшему исследователю сочинений этого автора Лене Павловой с глубочайшим почтением и трепетом. В. Берестов 8 декабря 1965. Ленинград». (Павлова – девичья фамилия Кузьменковой. –ВИП).

Несмотря на иронию (о почтении и трепете), к моей работе он отнесся уважительно, пригласил в Москву: «Телефон простой – ДА-ДА -07», В то время на телефонном диске были не только цифровые, но и буквенные обозначения, а номер был Д-1-51-07.

В Москве, тогда еще на проспекте Вернадского, Валентин Дмитриевич весь вечер рассказывал о себе, об А. Толстом, Чуковском и Маршаке, открывал для меня поэтов Серебряного века. Иногда в комнату забежала маленькая Маринка, и тогда мы разговаривали втроём. А на прощание, со свойственной ему щедростью, он дал мне для работы такое сокровище – свои записные книжки.

Шли годы. Мы терялись, потом снова находили друг друга. И всегда у меня было чувство трепета перед большим талантом и удивление, что он помнит и звонит сам, читает новые стихи или сообщает о публикациях... С неизменной доброжелательностью приглашает в гости или на свои выступления. И каждую новую книгу дарит с тёплой надписью».

Воспоминания Елена Михайловна закончила словами: «Воспоминания наплывают и наплывают. Писать сложно. Ведь и сейчас я отношусь к Валентину Дмитриевичу, выражаясь его же словами, с глубочайшим почтением и трепетом. С давней любовью и уважением».

Слова в дарственной надписи на книге «С глубочайшим почтением и трепетом», вне сомнения, глубоко тронули Елену Михайловну, но, по всей видимости, привели и в замешательство, смутили, потому она и написала «несмотря на иронию». А я уверен, что Валя написал эти слова очаровавшей его студентке без какой-либо иронии и совершенно искренне, поскольку сразу же проникся к ней почтительным и трепетным чувством.

Все, кого я расспрашивал об Елене Михайловне, отзывались о ней очень по-доброму, тепло, даже с восхищением. В молодости она была очень хороша собой, её очень украшала роскошная коса, и многие считали, что она схожа с «Царевной-Лебедь» на картине Михаила Врубеля. Её былая красота угадывалась и в 2001 году, когда я впервые с нею встретился.

В 1975 году Елена Михайловна вышла замуж и уехала с мужем на Камчатку, но из-за болезни вернулась в Москву. Вскоре её муж погиб, спасая кого-то на пожаре. По возвращении с Камчатки, с 1978 года Елена Михайловна работала в РГДБ.

По всей видимости, Елена Михайловна делилась с Вале́й впечатлениями о своей жизни на Камчатке, о её красотах, и, соблазненный её рассказами, в 1985 году Валя поехал на Камчатку в командировку на неделю детской книги. Вместе с ним ездил туда и его друг художник Лев Алексеевич Токмаков. Елена Михайловна дала им адрес своей сестры Светланы Михайловны, проживавшей в Елизово, где она работала заведующей библиотекой, и они к ней заезжали.

Вот что пишет сама Елена Михайловна о пребывании Вали на Камчатке в воспоминаниях «С глубочайшим почтением и

трепетом»: «Несколько встреч с детьми в библиотеке, с педагогами в Петропавловске. Дальше самолётом на север в Палану, центр корякского округа. Здесь, казалось, все ребята знают его книги наизусть и поэтому считают его старым знакомым. Долго-долго не отпускали, расспрашивали, поглаживали.

Вечером в доме моей сестры Валентин Дмитриевич общался не только с собравшимися здесь людьми, но и с камчатской лайкой по имени Ведьма. Он утверждал, что Ведьма внимательно слушала и реагировала на его рассказ о Пушкине, всегда вовремя грассируя и подвывая.

В память о его пребывании «на краю земли» у меня осталось посвящение к стихотворению и надпись на книге: «Милой Лене Кузьменковой, которая посылает меня аж на Камчатку, с давней любовью и уважением. В. Берстов 18.3.85».

Е.М.Кузьменковой

Горячая седая голова –
Авачинский вулкан. А рядом два –
Корякский и Козельский – великана.
Что твой Неаполь! Сразу три вулкана!
Но не дымил Авачинский, а спал
В тот день, как в Петропавловск я попал.
Вот бухта. Грязных льдин синеют грани.
А дальше в белом блеске, как в сметане,
Скользят за ледоколом корабли.
Вот дремлет сопка на краю земли
Под тощей роцей лиственниц раздетых,
Как будто в рыбьих тоненьких скелетах.
Там, где бежал прибой лежит припай...
Огромная страна. Но вот он – край.

1985

Подруга Елены Михайловны художник РГДБ Галина Михайловна Рысина писала мне: «Елена Михайловна была очень благородным, интеллигентным, сердечным, ранимым и беззащитным человеком,

Валя в РГДБ. Март 1997 г.,
справа Е.М.Кузьменкова

и, вместе с тем, стойкой, обладающей удивительной жизненной силой. Она была человеком с возвышенной душой, чувствующей, понимающей и знающей литературу и искусство. Недаром она общалась со многими выдающимися поэта-

ми и художниками. Она фантастически чувствовали детей, и дети её любили невероятной детской любовью, как только дети умеют любить взрослых. В последние годы жизни Елена Михайловна уверовала в Бога, чему, вероятно способствовала её болезнь. После её смерти священник, к которому она ходила на исповеди, назвал её «чистым человеком».

А вот какую характеристику дали Елене Михайловне сотрудники Литературного Центра Валентина Берестова в связи с 60-летием со дня её рождения: «19 июля исполнилось бы 60 лет Елене Михайловне Кузьменковой – главному библиотекарю Российской государственной детской библиотеки, методисту, библиографу, автору программы «Воспитание будущего читателя», создателю и руководителю Литературного центра В.Д. Берестова, Заслуженному работнику культуры России...

Она осталась в нашей памяти светлым и чистым человеком. Человеком, рядом с именем которого невозможно даже и представить себе слова жестокий, злой, ленивый, самодоволь-

ный, высокомерный. Человеком талантливым и добрым, умным и искренним, красивым и бескорыстным, уверенным и скромным.

В ней была какая-то необыкновенная внутренняя сила. Это чувствовалось сразу, но не по надменному взгляду, и не по царственной походке. Наоборот. Всегда внимательная, участливая. Такая, что даже малыши, которые фальшь и неискренность взрослого видят сразу, тут же бежали делиться с ней своими секретами, и каждый хотел за руку взять, прикоснуться.

Елена Михайловна была снисходительна ко всем, кроме себя. Снисходительна ко многим людским слабостям, кроме, пожалуй, неряшливости в работе с детьми, агрессивной глупости, сознательной лжи. Рядом с ней люди менялись. Она видела в каждом человеке только хорошее, и заставляла поверить в это хорошее самого человека».

К великому сожалению, после продолжительной и тяжелой болезни, в 2002 году Елена Михайловна умерла. Её место заняла Соляник Наталья Ивановна. Работниками Центра были и остались Торохина Людмила Николаевна и Семёнова Вера Геннадьевна. Все трое – тоже очень славные женщины, и с ними я тоже подружился.

С самого начала создания Центр развернул активную работу и по увековечиванию памяти о Вале, и по пропаганде его творческого наследия. В его фондах были собраны воспоминания, фотографии, видеокадры, книги с автографами и много другого материала, имеющего отношение к жизни и творчеству Вали. И я не остался в стороне: передал в Центр свои воспоминания о Вале, фотографии и тот заветный том сочинений А.С. Пушкина, о котором упоминаю в воспоминаниях. Центр тоже не оставался в долгу: одаривал меня посмертными изданиями сочинений Вали, справочной литературой и другими материалами.

Начиная с 2000 года, ежегодно, в апреле месяце, Центр проводил Берестовские чтения, на которые собирались поэты, пи-

*В Литературном Центре Валентина Берестова. С Мариной Валентиновной Бересовой (9.04.2001).
и с Соляник Натальей Ивановной и Торохиной Людмилой Николаевной (18.10.2005)*

сатели, барды, художники, друзья Вали, а также почитатели его таланта. Из далекого Нью-Йорка на чтения прилетала дочь Вали Марина, и в паре с поэтом-бардом Андреем Анпиловым или с поэтом Андреем Черновым, вела эти чтения. А из Калуги приезжал брат Вали Анатолий Дмитриевич, но, к сожалению, из-за болезни, он перенес инсульт, его приезды прекратились.

Дважды и мне удалось принять участие в чтениях и выступать на них со своими воспоминаниями о нашем с Валею калужском детстве. Принимали в них участие и Лариса Васильева Соколова (Ляля Пчёлкина), и Софья Анатольевна Жижина (Соня Гусарова). Софья Анатольевна долго и тяжело болела и в феврале 2005 года тоже ушла в мир иной, в феврале 2015 года умерла и Лариса Васильевна.

Не имея возможности ежегодно принимать участие в Берестовских чтениях, связи с Центром старался не терять, и, если случалась поездка в Москву, непременно заглядывал на Калужскую площадь, где расположена РГДБ. Там, в Центре, меня встречали как дорогого гостя. Вместе с Натальей Ивановной и Людмилой Николаевной мы чаёвничали и обменивались но-

востями. Так что я всегда находился в курсе всех дел Центра. Поддерживаю связь и с дочерью Вали Мариной, проживающей в Нью-Йорке.

Ничего вечного в жизни не бывает. Летом 2009 года сменилось руководство РГДБ. Новое руководство пришло к выводу, что Литературный Центр Валентина Берестова исчерпал свои возможности, да и финансирование было сокращено. Иными словами – Центр для библиотеки стал обузой, и он был ликвидирован,

Вот что по поводу ликвидации Центра в одном из своих писем сообщила мне Мицул Светлана Дмитриевна, в то время заведомом массовой работы РГДБ: *«История его разрушения не столь однозначна, как видится извне.*

Когда не стало Елены Михайловны (руководитель Центра Кузьменкова.–ВИП) директор Лидия Михайловна Жаркова предложила мне (тогда уже зав.отделом массовой работы) взять Берестовский Центр в состав отдела, чтобы его сохранить. Я согласилась... Берестовский Центр существовал в составе отдела массовой работы совершенно автономно, слившись лишь административно. Потом, по не очень ясным мне причинам, Берестовский Центр опять стал самостоятельной структурой. К сожалению, его деятельность не была достаточно по-

Марина Берестова ведет вечер памяти своего отца.

*Вечер памяти В. Берестова в Маяковке 17.04.2009 г.
Песня «Эшелоны»*

нятна всем сотрудникам РГДБ, и никто не пытался «вписать» эту деятельность в общую картину деятельности библиотеки.

После прихода нового директора – Кисловский Г.А. – началась «оптимизация». Тот, факт, что Берестовский Центр закрывают, а все материалы приказано раздать или передать, стал мне известен случайно и довольно поздно. И мне до сих пор не понятно, почему надо было все материалы передавать куда-то из библиотеки. Это решение принимали сами сотрудники Центра. Хотя материалы других отделов, ценные материалы из дирекции, материалы отдельных сотрудников были переданы в отдел массовой работы, где и были сохранены до моего ухода из библиотеки. Еще позже я спросила у самой Кисловской, что заставило её так поступить, попеняв, что она уничтожила уникальную структуру, спровоцировала потерю для библиотеки не только направления работы, но и материальных ценностей – рукописей, первых изданий книг, фотографий и т.д., которые собирались не один год, собирались при участии многих сотрудников библиотеки и были отданы не теми, кто собирал и строил. Она мне ответила следующее (почти цитирую, так как для меня это было большим потрясением и я старалась всё запомнить как можно чётче): «Мне никто не сказал, что там есть в архивах. Я не видела их работы, рассказывать никто ничего не стал. Я предложила Копейкину взять Центр под себя, он отказался. Всё. Что сделано, то сделано».

А ниже привожу свидетельства библиографа РГДБ Семёновой Веры Геннадьевны, работавшая в Центре:

«Директор РГДБ Кисловская выразила лицемерно сожаление о фондах. Она, когда стала осматривать нижний этаж, очень пристальное внимание проявила к нашим комнатам и коридорным шкафам, где хранились наши материалы. Лена (руководитель Центра Кузьменкова Елена Михайловна.-ВИП) ведь вела занятия с дошкольниками, и там лежали игрушки для занятий,

бумага, краски и многое другое. И вот она несколько раз заходила одна в наши комнаты, осматривала их, спрашивала: что у вас здесь хранится. Первое, что она приказала после сообщения о ликвидации Центра – освободить шкафы. Первый скандал у неё с коллективом произошёл из-за того, что она с замами решила тайно от коллектива при поддержке Министерства создать в библиотеке мемориал Сергею Михалкову и назвать библиотеку его именем. Т. е., Берестов был принесён в жертву Михалкову. При этом преследовалась меркантильность, надеялись, что сыновья Михалкова что-то отваяют библиотеке. Был огромный скандал. Поднялась общественность и писатели. А большинство коллектива было за идею Кисловской. Но в тот раз удалось победить Кисловскую.

Вот такая грустная история с Центром и её последствия.»

После ликвидации Центра его фонды были переданы в московскую гимназию № 1565 «Свиблово». При гимназии был образован Литературный музей «В.Д. Берестов и его окружение», торжественное открытие которого состоялось 5 апреля 2010 года. Возглавила музей Ольга Сергеевна Чурсина.

В июле 2010 года я посетил этот музей. Там состоялась моя встреча с Мариной Берестовой, прилетевшей

Гимназия Свиблово.

Открытие музея 5.04.2010 г.
Директор гимназии А.И.Грабовский,
М.В.Берестова, О.С.Чурсина

В музее 17.07.2010 г. Я с Мариной Берестовой и Ольгой Чурсиной

из Нью-Йорка разбираться с архивом отца, а также с Ольгой Чурсиной и режиссером Владимиром Ивановым. Я передал в музей имевшиеся у меня книги Вали с его дарственными надписями и другие материалы, имеющие к нему отношение. Марина принесла обнаруженные ею в архиве письма Вали ко мне 1940-х годов (большинство из них написаны на открытках), и это был неожиданный и дорогой сюрприз. Иванов в течение нескольких часов брал у меня интервью для продолжения фильма «Знаменитый «неизвестный»».

Калужская земля не забывает своего знаменитого земляка.

Постановлением губернатора Калужской области от 24 июля 2000 года № 393 была учреждена ежегодная областная литературная премия имени Валентина Берестова, которая вручается в марте, ко дню рождения Вали. В состав комиссии по присуждению премии входил брат Вали Анатолий Дмитриевич, работавший в областной научной библиотеке им. В.Г.Белинского.

В сентябре 2000 года Законодательным собранием области Вале было посмертно присвоено звание почетного гражданина Калужской области.

В 2003 году в Калуге, в издательстве «Золотая аллея», тиражом 3550 экземпляров вышла в свет составленная Анатолием Дмитриевичем книга «Валентин Берестов: Сквозь цветные стекла детства». Книга состоит из трех глав: о жизни Вали в Мещовске, селе Льва Толстого (Тихонова Пустынь) и в Калуге. Главы включают в себя стихи Вали, его воспоминания «Детство в маленьком городе», вспоминая отца Вали Дмитрия Матвеевича «О себе», и, наконец, мои воспоминания «Мой самый первый в жизни друг». Воспоминания напечатаны с купюрами и, к великому сожалению, с массой грамматических ошибок, которые никто не удосужился исправить. (В скобках хочу отметить, что в прошедшие после издания книги годы я продолжал работать над воспоминаниями, совершенствуя и корректируя их текст, дополняя его и что-то видоизменяя, так что данный обновленный вариант воспоминаний значительно отличается от его первоначального варианта). Книга продавалась как в самой Калуге и райцентрах области, так и в Москве. Там её охотно приобретали участники Берестовских чтений.

Что касается моих воспоминаний, то отрывки из них, опять же при содействии Анатолия Дмитриевича, были напечатаны в Калуге в историко-краеведческом альманахе «Калужская застава». Так, один отрывок был напечатан в выпуске за 2001 год в главе «Берестовы – калужская семья», другой – о первых днях войны под названием «Калуга, 1941» – в выпуске за 2005 год, посвященному 60-летию Победы.

Кроме того, стараниями Е.М. Кузьменковой небольшой отрывок был напечатан в Московской газете «Первое сентября» (№51 от 14.07.01 г.).

Альманах «Калужская застава», выпуска 2001 г., в котором был опубликован отрывок из моих воспоминаний о Вале, иллюстрировал калужский художник Евгений Антонович Смирнов, очень порядочный, добрый и милый человек. Я с ним познакомился на сайте Проза.ру, где он, как и я, публиковал свои литературные опусы под псевдонимом «Антоныч». Он читал мои публикации, я – его, так завязалась дружба.

А в ноябре 2012 г. он опубликовал на сайте миниатюру «Встреча на «Калужской заставе», рассказывающую о нашем заочном виртуальном знакомстве. Я её скопировал:

«Встреча на «Калужской заставе»

В наше прагматичное технофицированное время жизнь дарит встречи подчас неожиданные и совершенно непредсказуемые. Несколько последних лет в газете <<Калужские губернские ведомости>> публикуются мои небольшие заметки, вернее, байки, основанные на реальных событиях, но поданные в несколько юмористическом ключе. Некоторые из них, наиболее, на мой взгляд, удачные, я выставляю на своей страничке сервера Проза.ру с подзаголовком «Калужские истории».

Благодаря таким своеобразным «местечковым анонсам» на меня и вышел автор сайта Вадим Прохоркин (<http://proza.ru/avtor/vprohorkin>). До этого я общался в виртуале с несколькими земляками, но с Вадимом Ивановичем история особая: он родил-

ся и провел молодость в Калуге, затем стал военным, по долгу службы работал в разных уголках Союза, даже за границей, в ГДР, а в середине 70-х оказался на Украине, где проживает и сейчас. В детстве и юности, да и в зрелые годы, Прохоркин был дружен с талантливым калужским, а потом и московским поэтом Валентином Берестовым, учеником и соратником Маршака, и эту дружбу Вадим Иванович пронес через всю жизнь, написав о ней в своей книге воспоминаний «Сквозь цветные стекла детства», изданной в 2003 году в калужском издательстве «Золотая аллея».

Мне было очень приятно познакомиться с таким интересным земляком. Но, оказывается, мое знакомство с ним, и тоже заочное, состоялось много лет назад. Среди материалов, помещенных Вадимом Ивановичем на сайте, упоминается, что главы из его мемуаров были опубликованы в альманахе «Калужская застава» в 2001 году.

Тут-то я и вспомнил, что 12 лет назад тогдашний директор Калужской областной библиотеки им. Белинского Семен Миронович выступил с инициативой издания историко-краеведческого альманаха. Была создана инициативная группа, подобрано около тридцати статей, ну а мне доверили сделать иллюстрации к материалам. Для меня эта работа была познавательной, и интересной.

Среди материалов альманаха был раздел «Берестовы – калужская семья», в который входили подборка стихов самого поэта и отрывки из воспоминаний Прохоркина – того самого.

Получилось, что я уже 11 лет заочно знаком с человеком, для статьи которого в 2001 году делал рисунок.

Должен добавить, что Вадим Иванович, несмотря на свой почтенный возраст, полон бодрости и творческих сил, поддерживает связь с музеем Берестова в Москве, ездит на конференции и чтения его имени, общается с братом Валентина калужанином Анатолием и дочерью поэта Мариной, проживающей ныне в Америке, часто посещает Калугу, где у него много родственников. При знакомстве на сайте Вадим Иванович задал мне столько вопросов о нынешней Калуге, что мне даже стало немного стыдно за свою некомпетентность и нелюбознательность. Вот такая интересная виртуальная встреча, неожиданная и приятная.

Мой рисунок – из того самого альманаха 2001 года, иллюстрация к стихам Валентина Берестова:

*О перекресток детства! В мир безбрежный
В его простор, желанный, неизбежный,
На юг, на север, запад и восток
Идут дома... Мой санный и тележный,
Мой летом травяной, зимою снежный,
Мой деревянный, с виду безмятежный,
Садово-огородный городок*

К великому сожалению, 27 апреля 2013 г. Антоныч умер.

Анатолий Дмитриевич начал работу над составлением еще одной книги о своем знаменитом брате. Анатолий был полон замыслов. Ниже привожу фрагменты из его писем, из которых видно, что он намеревался включить во вторую книгу и какие для книги собрал материалы:

8.05.2003. «Вполне возможно, что если книга будет иметь успех (речь идет о книге «Сквозь цветные стёкла детства». ВМП), а я на это надеюсь, я займусь подготовкой второй части, где речь пойдет о Ташкенте и первых Валиных годах в Москве,

учебе в Горках Ленинских и университете. Кое-какой материал для ее создания есть и надеюсь подобрать еще».

16.06.2003. «Для второй книги у меня есть кое-какие материалы. Среди них: фрагменты Валиного дневника 1942 – 1944 годов, его ташкентские воспоминания об Анне Ахматовой и Надежде Мандельштам, ташкентские воспоминания его друга Эдуарда Бабаева, воспоминания Валиных друзей по Горкам Ленинским и университету, некоторое количество его писем. Конечно, это не так много, но все же кое-что. К тому же есть и его стихи этого времени. В книгу так же можно включить и письма Чуковского к маме и папе. В Берестовском Центре есть копии Валиных писем к Корнею Ивановичу. Их так же можно использовать. В «Чукокколе» Чуковский пишет о Вале. Есть еще и воспоминания Рины Зеленой. Так что на книгу наберется.

Письма к девушке, о которой тебе говорил Дима (письма к Миле. – ВИП), у меня есть. Они войдут во вторую книгу».

04.07.2003. «Материал для второй книги, если она будет, пополнился. Перебирая архив, я нашел Валины письма за 1946-1951 годы, а так же небольшую часть его дневников за это же время. Кое-что можно будет включить в книгу. В Берестовском Центре в Москве есть копии Валиных писем к Чуковскому. Их я тоже возьму себе и включу в книгу».

16.01.2004. «Взял я там (в Центре) копии писем Вали к Чуковскому... Многие из них войдут во вторую книгу о Вале. Материал, как тестовой, так и изобразительный для нее есть. Надеюсь кое-что отыскать в Москве. Книга по объему должна получиться не меньше первой. Надеюсь, она не уступит ей и по интересу. Правда, для ее создания потребуется немало времени».

Из писем видно, какую большую подготовительную работу по сбору материалов для второй книги осуществил Анатолий. Но работа была прервана его болезнью и последовавшей за нею смертью.

Что еще сделано в Калуге по увековечиванию памяти Валентина Берестова?

Согласно принятому Калужскими властями решению, одна из улиц города Калуги была названа улицей Валентина Берестова. Это решение калужского правительства долго ожидало воплощения в жизнь, и такая улица, наконец-то, появилась. Ниже привожу текст решения:

Табличку с наименованием улицы Валентина Берестова сфотографировала Марина Берестова при посещении Калуги в июле 2015 года.

«Российская Федерация
Городская Дума города Калуги

РЕШЕНИЕ

20.11.2013 № 150

О наименовании вновь образованной улицы в д. Канищево муниципального образования «Город Калуга».

На основании п. 32 ч. 1 ст. 24 Устава муниципального образования «Город Калуга», в соответствии с постановлением Городской Думы г. Калуги от 09.09.1997 № 148 «О наименовании улиц в муниципальном образовании «Город Калуга», с учётом протокола комиссии по наименованию улиц в муниципальном образовании «Город Калуга» от 01.10.2013 № 3 Городская Дума города Калуги

РЕШИЛА:

1. Присвоить вновь образованной улице, расположенной в д. Канищево муниципального образования «Город Калуга», наименование: Валентина Берестова (приложение).

2. Настоящее решение вступает в силу с момента его официального опубликования (обнародования).

*Глава городского самоуправления города Калуги
А.Г.Иванов»*

Решение опубликовано в приложении к городской газете «Калужская неделя» № 47 от 28.11.2013 г. на стр. 3 и 4.

Деревня Канищево расположена в северной части города за Азарово; из центра города к ней ведет ул.Московская.

А в связи с предстоящим 90-летием со дня рождения Вали, 28 апреля 2017 года в Калуге в 14-й средней общеобразовательной школе (бывшая 10-я железнодорожная школа Московско-Киевской ж.д.) в его честь состоялось открытие мемориальной доски. В этой школе Валя учился в 1938-1941 г.г. с 3-го по 5-й

класс. Заслуга установления доски принадлежит племяннице Вали Надежде Еремеевой, дочери его брата Дмитрия, затратившей много сил и энергии, чтобы доска была установлена.

Почтить память поэта и сказать слова благодарности собрались друзья, коллеги и учащиеся школы. Также открытие посетили гости из столицы – администрация «Гимназии «Свиболово» на территории, которой работает музей «Берестов и его окружение», руководитель музея Чурсина Ольга Сергеевна, её муж кинорежиссер Иванов Владимир Иванович.

Вот, в сущности, и всё, о чём мне хотелось написать в Послесловии.

1998-2017 г.г.

Содержание

ДОЛГ ПЕРЕД ДРУЖБОЙ	5
ОТ АВТОРА	7
КАЛУЖСКОЕ ДЕТСТВО	14
ВОЙНА – РАЗЛУЧНИЦА	117
О ПЕРЕЖИТОМ	132
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ. ВЗРОСЛЕНИЕ	157
ПЕРЕПИСКА ДВУХ ДРУЗЕЙ	245
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	331

В.И. ПРОХОРКИН
МОЙ САМЫЙ ПЕРВЫЙ В ЖИЗНИ ДРУГ
Воспоминания о Валентине Берестове

Москва, 2017

Уважаемые читатели,
присылайте отзывы и предложения по адресу:
e-mail - vadimpr1@rambler.ru

Подписано в печать 15.12.2017.
Формат SRA3 1/2. Гарнитура Times.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 210 экз. Заказ № 71608

Отпечатано в типографии Onebook.ru

ООО «Сам Полиграфист»

Тел.: +7 495 545-37-10

E-mail: info@onebook.ru

Сайт: www.onebook.ru